

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Татарстанское региональное отделение

Академии военно-исторических наук

Мы сурового времени дети...

Воспоминания о Великой Отечественной войне

Казань – 2015

УДК 930.85 (47+57)
ББК 63.3 (2)
В27

Редакционная группа:

С.И.Никонова (главный редактор),
Н.А.Мухинова, Е.В.Буреева, Р.Р.Зарипов

В27 Мы сурового времени дети: Воспоминания о Великой
Отечественной войне. - Казань.: Изд-во Казанск.гос.архитект.-строит.ун-та,
2015. - 182 с.

Сборник посвящен 70-летней годовщине Великой Победы. В него вошли воспоминания ветеранов войны и тружеников тыла, а также рассказы детей военного времени, собранные студентами Казанского государственного архитектурно-строительного университета - участниками поискового проекта "Факел" и коллективом кафедры истории и философии. Сборник может быть использован как хрестоматия по отечественной истории.

Редакционная группа и участники проекта "Факел" выражают благодарность руководству Казанского государственного архитектурно-строительного университета и лично ректору Низамову Рашиту Курбангалиевичу за помощь в издании книги.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

УДК 930.85 (47+57)
ББК 63.3(2)

Казанский государственный
архитектурно-строительный
университет, 2015
Никонова С.И., 2015

Уважаемые читатели!

70 лет назад закончилась самая страшная война в истории человечества, в которой наша страна потеряла более 27 миллионов своих граждан.

Великая Отечественная война стала главным экзаменом для нескольких поколений наших соотечественников, экзаменом на мужество, стойкость, патриотизм. Это испытание советский народ с честью выдержал, отстоял свободу и независимость страны, сохранил жизнь следующим поколениям.

Семь десятилетий страна живет под мирным небом, и все это время память о Великой войне и Великой Победе – в основе нашего менталитета, российского национального характера. Героев Великой Отечественной не разделить на национальности, вероисповедания, между ними нет

социальных и территориальных границ, в их единстве – главный секрет Великой Победы.

В Казанском государственном архитектурно-строительном университете больше 10 лет работает поисковый патриотический проект «Факел», созданный по инициативе студенческого актива и Совета ветеранов. Студенты под руководством преподавателей кафедры истории и философии собирают воспоминания участников войны и ее очевидцев. По итогам этой работы выпущены в свет две книги: «Этот день мы приближали, как могли!» (2010 г.) и "Когда мы были на войне" (2013 г.).

Сейчас перед Вами третья книга - "Мы сурового времени дети", в которой и очерки о ветеранах войны, и рассказы тех, кто ковал Победу в тылу. В сборнике размещены также воспоминания детей военного времени, в памяти которых - боль сиротства, голод, потери близких.

Этот сборник - своеобразный учебник по отечественной истории, в которой - только правда, без фальсификации и искажений. Эта правда сейчас жизненно необходима всем, а особенно, молодому поколению, чтобы помнили, чтобы гордились историей Отечества.

Пока «Факел» горит – никто не забудет!

Ректор Казанского государственного
архитектурно-строительного университета,
профессор
Р.К. Низамов

Уважаемые читатели!

Десять лет назад в Казанском государственном архитектурно-строительном университете по инициативе студентов был создан поисковый проект "Факел", задача которого найти, записать и подготовить к публикации рассказы ветеранов Великой Отечественной войны, прежде всего своих родных и близких, родственников, соседей и знакомых.

В 2010 г. вышла первая книга воспоминаний «Этот день мы приближали, как могли!», в которую вошли 42 очерка о героях Великой Отечественной войны, а в 2013 была издана вторая книга воспоминаний «Когда мы были на войне...», в которую вошли 35 очерков.

Сегодня перед вами третья книга проекта «Факел» - «Мы сурового времени дети...», в которую вошел 41 очерк воспоминаний. Впервые мы включили в книгу и воспоминания ветеранов, и воспоминания иных участников событий, и свидетельства страшных военных лет, сохранившиеся в памяти детей военного времени. Все они перенесли тяжелейшие испытания: голод, потерю близких и родных, сиротство, недостаток самого

необходимого. Они работали на полях колхозов, в цехах заводов, ухаживали за ранеными, помогали вдовам и сиротам.

Готовить эту книгу к печати было непросто. Уходили из жизни ветераны войны, унося с собой свои мысли, чувства, воспоминания. Однако их дети, внуки и правнуки по крупицам собирали материалы: в семейных архивах, на сайтах Министерства Обороны РФ и общественных организаций "Подвиг народа", "Мемориал", "Боевые действия Красной Армии" (bdsa.ru), "Soldat.ru", "Мемориал Великой Отечественной войны" (Кремник.ру).

В создании сборника приняли участие студенты: Л.Сунгатова, А.Кондратьева, А.Гайнуллин, И.Сабирзянов, Е.Жегулова, А.Сальникова, Г.Хилавиева, Р.Галимова, Р.Чайникова, А.Васьков, Д.Нестеров, А.Хакимова, Э.Давлетова, Д.Хусаинов, А.Бритоусов, М.Шипшова, С.Шахбазян, Г.Ханнанова, Д.Вафина, К.Белоногова, А.Закуванова, А.Файзрахманов, Е.Мичкур, И.Зиганшин, Б.Садриев, И. Гафиятов, Б.Садриев, И. Гафиятов, А.Сыряйкина, а также школьники: А.Никонов (МБОУ СОШ №51 г. Казани), С.Мухинова (МБОУ "Габишевская школа" Лаишевского района РТ), М.Новикова и М.Прохорова-Малясова (МБОУ СОШ №177 г. Казани), А.Буреева (МБОУ СОШ № 98).

Подготовили к публикации книгу преподаватели и аспиранты кафедры истории и философии: С.И.Никонова, Н.А.Мухинова, Е.В.Буреева, Г.А.Табейкина, П.И.Гайденко, Р.Р.Зарипов, В.А.Казакова, И.А.Гузельбаева, Г.С.Прохоров, Л.Р.Засыпкина, Г.Р.Хамидуллина.

Заведующая кафедрой истории и философии КГАСУ,
доктор исторических наук, профессор,
руководитель Татарстанского отделения
Российской Академии военно-исторических наук
С.И. Никонова

Дорогие друзья!

Перед вами необычная книга. Это сборник воспоминаний о Великой Отечественной войне людей, переживших это страшное испытание. Это рассказы воинов Красной Армии, которые ценой собственной жизни и здоровья спасли мир от коричневой чумы, защитили свою советскую Родину, дали шанс родиться следующим поколениям и 70 лет жить под мирным небом.

Это рассказы тружеников тыла, которые ковали Победу на заводах и фабриках, в колхозных полях, не считаясь с трудностями военного времени, подростки и женщины заменяли на рабочих местах своих отцов, братьев и мужей.

Это трогательные до боли рассказы детей военного времени, которые хорошо запомнили тяжелейшие испытания, которые пережил в эти годы наш народ, в этих рассказах боль сиротства, голод, холод, недостаток самого

необходимого, и в них память о той уверенности, с которой все ждали Победу.

Студенты архитектурно-строительного университета делают важнейшее дело - сохраняют историческую память о войне, по крупицам собирают воспоминания тех, кто пережил войну, тех, кто на фронтах и в тылу приближал и страстно верил в победу. Из многих рассказов складывается картина истории Великой Отечественной войны, без искажений и приукрашиваний - все это правда, написанная участниками событий, фальсификации которых нельзя допустить.

Я - участник войны, ушел на фронт в 1942 г. И в 17 лет получил высокую награду Родины - Звезду Героя Советского Союза, есть и другие боевые награды, участвовал в исторических битвах: Курская Дуга, Ленинград, освобождал Польшу, Чехословакию, Германию, долгожданную Победу встретил в Берлине. Сегодняшним студентам столько лет, сколько мне было тогда.

Я не раз был в Казанском архитектурно-строительном университете, встречался с преподавателями и студентами и всегда получал заряд бодрости от этих встреч - молодежь у нас замечательная, преданная своей Родине, готовая ее защищать. Я уверен, что проект "Факел" появился здесь не случайно. Руководство университета, студенты и преподаватели относятся к нашей истории с большим уважением, развивают лучшие традиции воспитания патриотизма у молодежи, здесь сохраняют память о Великой Отечественной войне. Я надеюсь, что работа "Факела" будет продолжена, и ее результатом станут новые сборники воспоминаний свидетелей и участников тех героических событий.

Герой Советского Союза,
ветеран Великой Отечественной войны

Б.К.Кузнецов

Дорога на Берлин

Адиева Сания Сабировна

Родилась 18 января 1924 г. в деревне Тугаево Зеленодольского района Татарстана, медсестра, гвардии ефрейтор, на фронте с 1942 г., участвовала в освобождении Белоруссии, Польши, Венгрии, Чехословакии, имеет благодарности от Верховного Главнокомандующего и боевые награды: орден Красной Звезды медали "За отвагу", "За взятие Берлина", "За победу над Германией".

На войну – медсестрой

Я бы хотел рассказать о своей бабушке с маминой стороны. Зовут её Сания Сабировна Адиева. Записано с ее слов.

Когда война началась, я закончила школу, потом пошла учиться в Казанское медицинское училище на медсестру, прибавила себе один год, потому что на учёбу брали с 18 лет. В 1942 году окончила обучение, приехала домой и отнесла диплом в военкомат. Меня направили в сельский медпункт. Проработала я пару месяцев, приходит повестка. Колхоз выделил повозку, и я поехала в райцентр. Приехали, в военкомате говорят: «Теперь вам нужно до железнодорожной станции добираться». Сказали мне, что через три дня надо быть в Москве».

Повезли в Москву. Много людей было на перроне. Зашла в вагон, а кругом только мужчины, встала у двери и стою. Так бы и простояла, если бы один мужчина не уступил место. Все спрашивали: «Куда ты едешь?», я отвечала: «На войну – медсестрой». Доехала до Москвы. Когда пришла по назначению, мне говорят, что принять не могут, нужно ехать на Казанский вокзал, пройти санобработку. Пришлось идти, добралась к вечеру, к утру вернулась. Там я где-то дней 15 пробыла, каждый день – построение, называют фамилии и забирают. Скоро и мою фамилию назвали.

Обмундирование не выдали еще, и я в гражданской поехала в часть. Механизированная была часть. Формировались мы в пионерлагере, я была в санчасти, начальником у меня был хирург.

Побывала я там пару дней, а потом хирург и говорит: «Собери свою сумку, поедешь с шоферами получать машины». Меня уже одели по военному, дали брюки, ботинки с обмотками. А свою гражданскую одежду, я отправила домой.

Пошла к шоферам, поехали мы затемно на станцию. Ночь уже, они сумки свои покидали, и на них спать легли, а я в сторонке стою – что же мне делать? Тут и поезд подошел. Все мы сели, я в уголок присела, мне один шофер говорит: «Спи давай, что ты сидишь то?» А мне страшно... Двое суток до Горького ехали.

Своим ходом поехали назад, я в машине ехала с пожилым солдатом, он сразу сказал: «Если надо, говори, остановлюсь». Вот тут жизнь у меня началась, потихоньку привыкала.

Так у нас появилось 3 санитарные машины, в них лежало всё необходимое. Мне сразу всё объяснили, я должна была осматривать поступающих раненых и распределять их по местам. Тяжелораненых отправлять на машинах в госпиталь, а кого и перевязывать на месте и отправлять с винтовкой в бой.

Через несколько дней мы приехали под Смоленск. Сразу же нас отправили в бой. Бомбить начали сразу же, много раненых поступало в первые же часы. У первого раненого солдата, к которому я подошла, была оторвана рука, столько крови было. Я помню, тогда чуть от страха сознание не потеряла. Но потом привыкла. Я столько раненых тогда перевязала, что не могу и вспомнить, сколько их было. Помню, накладывала шину одному раненому, как вдруг закричали «воздух!», я легла рядом и бинтовала, снаряд упал в метрах двадцати, но не взорвался, тогда все облегчённо вздохнули. Чуть стихло, мне говорят: «Сания, у тебя ранение!» я взглянула, а у меня все штаны в крови, даже не почувствовала, что мне осколок в ногу попал. Меня тоже хотели посадить в машину и отправить в госпиталь, но я отказалась. Спустя некоторое время меня осмотрел хирург, достал осколок и перевязал.

Оборона продолжалась где-то месяц, ни немцы, ни наши не убрали трупы убитых, трупы разлагались под ногами солдат, они лежали среди трупов, спали недалеко от них, запах стоял ужасный.

С 1944 по 1945 г. я участвовала в освобождении Венгрии и Чехословакии. Было множество боёв, всех и не упомнишь. Была и в Белоруссии, и в Польше, но всё больше в госпиталях. Из дня в день крики, вопли, смерти, к этому привыкаешь. Конец войны встретила в Берлине в звании гвардии ефрейтора.

За венгерские операции 31 ноября 1944 года мне была объявлена благодарность Верховным главнокомандующим маршалом Советского Союза товарищем Сталиным.

Адиева Сания Сабировна скончалась 6 июля 2014 года в возрасте 90 лет.

Васильев Иван Харитонович

Родился 29 августа 1906 г. в деревне Урмандеево Аксубаевского района ТАССР, лейтенант, на фронте с августа 1941 г., погиб в 1942 г., освобождая г. Великие Луки.

Мой прадед

Васильев Иван Харитонович, родился в трудолюбивой крестьянской семье. У родителей было 5 детей. По национальности – чуваш. Как и большинство крестьян считал себя православным. При этом до конца оставался искренним коммунистом.

С 1915 по 1919 год учился в Урмандеевской начальной школе. Через пять лет, в 1924 году женился. В его семье родилось 8 детей, последний из ребятишек появился 9 мая 1942 года. До войны, в 1937-1938 годах, учился заочно в Аксубаевском педучилище. Это был первый выпуск учителей заочников. После, в 1938-1939 годах, учительствовал в начальных классах родной Урмандеевской начальной школы. Здесь его заметили.

В 1940 году направили в Аксубаево. Здесь, в 1940-1941 годах до начала войны и отправки на фронт он работал заведующим Аксубаевского РОНО (Районный Отдел Народного Образования).

С началом войны, в августе 1941 г. Иван Харитонович попал в 1124 стрелковый полк 334 стрелковой дивизии. Находясь на фронте и верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 18 декабря 1942 года, освобождая г. Великие Луки. Последнее место его пребывания – Калининский фронт, 3 отд. штраф. батальон 1124 стрелкового полка 334 стрелковой дивизии. К этому времени он имел воинское звание лейтенант. Последняя его должность: заместитель командира роты по политчасти. Похоронен в Псковской области, город Великие Луки, северная окраина, ул. Колхозная, воинское кладбище.

После ухода на фронт в семье сложилась очень сложная ситуация. У его супруги на руках остались 4 детей (ещё четверо детей от разных болезней в раннем детстве умерли) и старики родители. Самому старшему сыну Павлу было 14 лет. Он наравне с взрослыми работал в колхозе. Дочь и второй сын стали учителями. Младший сын окончил институт, работал инженером. Все выросли, получили образование и передали своим детям и внукам память о герое войны Васильеве Иване Харитоновиче – моем прадеде.

Гайфуллин Шайхулла Гайфуллович

Родился 6 марта 1923 г. в д. Большие Салтыки Камско-Устьинского района ТАССР, танкист, участник Курской битвы, освобождал Украину, Белоруссию, Восточную Пруссию, награжден медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга».

"Я знал, что останусь в живых..."

Когда Шайхулла был совсем маленький, его отец сильно заболел и вскоре умер. В семье детей было трое, поэтому мать день и ночь работала. В хозяйстве помощником стал сын Шайхулла. Ему пришлось учиться только 4 класса, в 11-12 лет он начал работать в колхозе.

В 1939 году 16-тилетний парень уехал на Украину учиться в ФЗУ. Парней было четверо, их отправил сельский совет. Там они изучили профессию плотника. Когда обратно вернулись в деревню, начали строить дома, но война разрушила все планы. В мае 1942 года его забрали на войну.

«Первое мое военное действие было - освобождение города Ржева. Я был танкистом. Там военкомат направил меня учиться в Казанское танковое училище. Оно располагалось тогда в Кремле. Благодаря этим навыкам мне было не так тяжело управлять танком. Однажды на нас неожиданно напали фашисты. Из 12 человек осталось в живых только четверо.

Я знал, что, не смотря ни на что, я останусь живым, потому что во мне видел наручные часы. А часы означают, что жизнь не прервется, а будет продолжаться.

Самое страшное, запоминающееся сражение для меня было сражение на Курской дуге. Здесь меня тяжело ранили. Я получил контузию и целый месяц лежал в госпитале. Я во многих боях бывал, но такого не видел... вели бой танки с танками. Летели бронебойные снаряды, оставляя за собой трассирующий след. Болванки с визгом отскакивали от брони в сторону. Стоял невероятный гул, кругом дым, пыль, ничего нельзя было понять. Это была страшная сквозная танковая атака. Мы прошли сквозь боевые порядки танков врага на 8 километров. На такое же расстояние прошли примерно и гитлеровские броневые машины. Однако к концу суток поле боя осталось за нами. Это была наша победа.

Затем Белорусский фронт, освобождение Прибалтики... В результате успешного наступления в Белоруссии и Западной Украине мы продолжали стремительное наступление на запад.

День Победы я встретил в Пскове. После войны два года отслужил в городе Пскове. Только в 1947 году вернулся в родную деревню. Так закончились мои военные годы».

Дубровин Евгений Давыдович

Родился 17 июля 1926 года в с. Вутабуси Канаишского района Чувашской АССР. Гвардии старший сержант, командир отделения, участник боев в Карелии, обороны Мурманска, воевал в Норвегии, Польше, Германии, награжден орденом Славы 3 степени и орденом Красной Звезды.

Эхо войны

У нашего прошлого долгое эхо. Наступает новый день, приходят новые заботы, радости и, к сожалению и огорчения. И постоянная вера живет в наших сердцах. Никогда не сотрется из памяти нашего народа первый день войны. В то далекое утро страна узнала о вероломном нападении фашисткой германии. Сотни людей стояли перед репродукторами. Затаив дыхание слушали сообщение в Чувашии. В несколько минут изменилось лицо родного края. Горе вошло в каждый дом, не высохали слезы у матерей, жен, сестер. Не удержала горьких слез и Дубровина Татьяна Ивановна, провожавшая в 1943 году на фронт сына которому только что исполнилось 17 лет.

Открываю альбом. На предвоенной фотографии, на меня глядит доверчивое, чуть смущенное лицо паренька. Задорно блестят глаза,

непокорно торчат стриженные вихры. Невольно сжимается сердце от мысли: «зачем ты, война, у мальчишки юность украла? И синее небо, и запах простого цветка?» Женя к тому времени успел закончить только 7 классов Вутабосинской восьмилетней школы. Достигнув призывного возраста, он вместе со многими земляками окончил полковую школу младших командиров и был направлен на Карельский фронт.

Это случилось в мае 1944 года. Уходя, Женя обещал, как сотни тысяч парней: «Я вернусь, мама!» Он верил, что непременно победит, обязательно вернется. Уходил он на передовую, на линию огня, для того чтоб защитить собою Родину, столицу и меня - свое будущее.

Служить ему пришлось в 318 гвардейском полку 102 Краснознаменной Новгородской стрелковой дивизии 14 армии. Боевым крещением для молодого бойца стало форсирование реки Свирь. Все лето 1944 года воевали они в Карелии, очищая ее от ненавистных захватчиков. Тогда же Евгению было присвоено звание сержанта, он назначен помощником командира взвода. В этой должности он прослужил до конца войны.

В перерывах между боями Евгений и его сослуживцы пели песни своего народа, чтобы отвлечься от кровавых действий войны.

1. Щумарщавать, щумарщавать,
Щумарщавать манщине.
Эпйепентем, эпйепентем,
Эпйепентем щумарпа
Припев: Меншен-ха савни
Пахмастан манщине
Эпейепентем,
Йепентем щумарпа
2. Щумарщавать, щумарщавать,
Щумарщавать манщине.
Эпкететеп, Эпкететеп,
Эпкететеп, савнине
3. Щумарщуса, щумарщуса,

Щумарщуса кайре те.
Утресавни, утресавни,
Утресавни килелле
4. Чуптуэнте, чуптуэнте,
Чуптуэнте эс мана
Меншен тесен, меншен тесен
Юрататапэп сана.

Много горя и страданий людских пришлось увидеть на военных дорогах Карелии молодому парню. Страшно ли было умереть? Конечно, страшно! После того как очистили Карелию от врага их перебросили на мурманское направление. Немцы стояли тогда от города в 70-80 километрах. Но наши доблестные воины не допустили их в город. До октября наши войска готовили дороги к передовой. Взрывали сопки, убирали камень, готовились к наступлению. В октябре 1944 года в 8 часов утра загремели «катюши», с воем понеслись на врага ракеты, снаряды, мины. Все потемнело от грохота оружейных залпов. Ничто не могло остановить наступление советских воинов. Они сломали сопротивление врага, прорвали оборону. 15 октября 1944 года был взят город Петсамо (Печенега). Евгений Дубровин был награжден орденом Славы 3 степени.

20 октября 1944 года они перешли границу и начали освобождение Норвегии. После этого громили врага в Польше и Германии. Евгения наградили орденом Красной Звезды.

Но не пришлось ему, как мечтал дойти до Берлина с победой. 17 марта 1945 года в Германии он был тяжело ранен разрывной пулей в живот. А до Великой Победы оставалось всего 2 месяца! Победу он встретил в госпитале. Вернувшись, домой, в Вутабоси он женился на молоденькой учительнице Марии Владимировне и начал работать председателем колхоза «Гвардеец», поднимать хозяйство. Вместе с женой они вырастили и воспитали двоих детей. Евгений Давыдович и Мария Владимировна были почетными жителями села Вутабоси. В их доме всегда были гости – званые и незваные.

Кто-то шел за советом к Евгению Давыдовичу, проработавшему 30 лет в управлении отдела кадров сельского совета, а кто-то в гости к любимой учительнице. Всех встречали с хлебом-солью, поили неизменным чаем, порой гости засиживались допоздна. Нет в селе ни одного дома, где бы ни чтили память этих замечательных людей. К сожалению, разрывная пуля, засевшая в теле солдата, дала о себе знать через много лет. Война вновь настигла Евгения в 1992 году – он скончался от военной раны, которую не удалось залечить.

Война в прошлом. Тихо окрест. Но нет, грохочет еще над полночью эхо минувшей войны. Приходят к фронтовикам видения первого боя. Приходят товарищи, которые никогда не придут. Никуда от прошлого не деться. Вновь война стучится в души к нам. Обжигает, обжигает сердце, благодарность с болью пополам...

Зажичский Бронислав Николаевич

Родился 29 августа 1923 г. в п. Метлово Смоленской области, на фронте с декабря 1941 г., командир конной разведки, участник Московской и Курской операции, освобождал Украину, Польшу, Чехословакию, Германию, закончил войну в Праге, награжден орденом Красной Звезды, медалью "За отвагу" и другими наградами. Почетный гражданин г. Сандомир (Польша), г. Чернь (Тульская область), член КПСС с 1943 г.

"Хочу в бой идти коммунистом!"

Великая Отечественная война начинается ранним утром 22 июня 1941 г. И в этот день заканчивается прекрасное довоенное детство для многих советских юношей и девушек. Так, юный Бронислав с товарищами утром 22 июня были на речке, они только что окончили 9 классов, сдали экзамены. Впереди было беззаботное лето, они делились планами, мечтали. Но узнав о начале войны весь класс, все 13 мальчишек побежали в свою школу и там приняли единственно верное для них - комсомольцев решение - записаться добровольцами и уйти на фронт бить врага. В военкомате их отправили домой, но они написали коллективное письмо наркому обороны Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко с просьбой призвать их в армию

добровольно. Разрешение было получено, так Бронислав был принят в Тамбовское военное училище. После окончания краткосрочных курсов мл. лейтенант Б.Н.Зажичкий был отправлен в г. Аткарск Саратовской области, где формировалась 350-я стрелковая дивизия, в составе которой он и прошел всю войну.

До войны Бронислав занимался конным спортом и был назначен командиром конной разведки 1178 стрелкового полка 350 стрелковой дивизии. 6 декабря 1941 г. он получил боевое крещение в контрнаступлении под Москвой, недалеко от легендарного Куликова поля. Первое, что увидели наши бойцы в освобожденных селах Тульской и Рязанской областей – трупы повешенных комсомольцев, которые и после казни фашисты не разрешали снимать и хоронить. За 20 дней дивизия с боями прошла около 300 км, освобождая Тульскую область. Одним из освобожденных городов стал Чернь, в котором Бронислав Николаевич проживает сейчас и почетным гражданином которого является.

Разведка - глаза и уши армии, разведка должна знать все о вооружении противника, линии его обороны, резервах. Разведчики должны вести наблюдение с пунктов, совершать рейды в тыл противника, добывать «языка», и, конечно, совершать разведку боем. Все это во имя главной задачи – знать о противнике все. И этим искусством разведки Бронислав Николаевич владел весьма искусно, был награжден боевыми наградами, пользовался любовью товарищей и уважением командиров.

Бронислав Николаевич вспоминает, что 350-я дивизия была укомплектована людьми по возрасту юными, которые не имели ни военного, ни жизненного опыта. Однако они любили свою Родину больше всего на свете, и патриотизм помогал им бить хорошо вооруженного и опытного противника, а боевой опыт на войне приходил очень быстро.

За 70 лет многое из памяти стерлось, вспоминать события тех далеких лет все сложнее. Однако многое Бронислав Николаевич помнит очень хорошо, потому, что это сильно затронуло его сердце.

К началу 1942 году вся территория Тульской области была освобождена.

Бронислав Николаевич хорошо запомнил первую встречу Нового года на фронте. Разведчиков разместили в сарае, и они вспоминали довоенные праздники, дом, родителей, друзей. Вдруг старшина Шишкин, донской казак, заиграл на невесть откуда взявшейся балалайке незнакомую песню. Это была старинная казачья песня «Не для меня придет весна, не для меня Дон разольется ...» У всех сдавило сердце, потекли слезы, которых стеснялись и прятали. Особенно юных воинов тронули слова «Там дева с черными очами... Она растет не для меня». Очень скоро их дивизия будет форсировать Дон и многих там потеряет.

В декабре 1942 г. дивизия выходит к Дону, начинается кровопролитная операция по форсированию Дона. В эти дни однополчанин Бронислава Николаевича - сержант Василий Прокатов совершил подвиг, закрыв своим телом амбразуру вражеского ДОТа. За этот подвиг В. Прокатову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. После войны в д. Дерезовка, на месте событий, установлен памятник герою, в школе создан музей боевой славы, Бронислав Николаевич поддерживает тесную связь с жителями Дерезовки, участвует в мемориальных мероприятиях.

Один из эпизодов военной биографии Бронислава Николаевича связан с зимой 1942/43 года. Разведчики вышли ночью с боевым заданием и в д. Голое встретили человека, который вызвался им помочь. На следующую ночь разведчики шли к условленному месту, шли по неубранному подсолнечному полю и в двух километров до деревни увидели поджидавшего их мальчика. «Не ходите дальше, Вас там немцы ждут», - сказал паренек. Он - сын учительницы, которая послала сына встретить

красноармейцев и уберечь от беды. Разведчики обошли деревню и увидели засаду, поняли, что их выдал предатель. После освобождения села этот человек был осужден и казнен как пособник фашистов. Как звали мальчика, спасшего их жизни, они так и не узнали. Тогда, 17 января 1943 г. лейтенант Зажицкий получил свою первую боевую награду - медаль "За отвагу". В наградных документах указано, что «лейтенант Зажицкий участвовал в ночных налетах на с. Голое и другие населенные пункты, доставляя пленных и ценные разведданные. В ночной разведке в с. Голое гранатой подорвал вражескую машину с фашистскими автоматчиками, возвращаясь обратно, захватил исправный мотоцикл». Ему было тогда 19 лет.

В Белгородской области (1943 г.) в донской степи разведчики заблудились, зашли в маленький хуторок спросить дорогу. Им вызвался помочь 12-летний мальчик, который знал немецкую оборону лучше, чем сами немцы. Он легко провел разведчиков, которые выполнив боевую задачу вместе с мальчиком вернулись к своим. После освобождения района Бронислав Николаевич приказал отвезти мальчика домой к родителям на коне, но скоро вернулись и сопровождающий разведчик, и мальчик. Матери паренек сказал, что не может сидеть дома во время войны, попросил оставить его «сыном полка». Так он и остался в части, под Харьковом был ранен, награжден медалью и отправлен в госпиталь в тыл. Через десятилетия в памяти осталось только его имя - Петя.

Еще один эпизод – о взятии г. Житомира, после чего 350-я дивизия стала называться Житомирской. Командование решило брать город без артиллерийской подготовки. В дивизии были сформированы боевые отряды из разведчиков и автоматчиков, которые на танках вошли в Житомир 31 декабря 1943 г. Танк с разведчиками Зажицкого подбили, бойцы успели выскочить, и забежали во внутренний двор городского банка. И оказались между «двух огней». Во дворе тоже были немцы, которые открыли огонь. Спасла товарищеская выручка: второй танк подошел к банку, из него

крикнули по-русски: «Ложись!» и сделали несколько выстрелов во двор, уложив фашистов на месте. Разведчики сели на этот танк и вернулись в строй.

Через 30 лет Бронислава Николаевича с боевыми товарищами по дивизии пригласили в Житомир, где широко отмечался юбилей освобождения города. На праздничном ужине за соседним столом оказались танкисты, их командир в своем выступлении вспомнил об этом эпизоде и спросил: «Интересно, живы ли эти разведчики?» И Бронислав Николаевич ответил: «Живы, это мы!» Но увидел, что танкисты как-то не поверили. Тогда Зажицкий спросил: «Где старое здание банка?» Тут же ночью пошли на место, все показали и рассказали. Сомнений не осталось – и завязалась крепкая дружба на многие годы. За операцию по освобождению Житомира лейтенант Зажицкий был награжден орденом Красной Звезды. Из наградных документов: «Лейтенант Зажицкий в боях с 24.12.1943 по 1.01.1944 проявил себя смелым и способным командиром. Будучи помощником начальника штаба полка по разведке правильно и умело организовал службу разведки в полку. В бою за с. Гута-Заболоцко 24.12.1943 г. разведкой т. Зажицкого добыты два «языка» из дивизии СС «Райх». В бою т. Зажицкий смел и решителен.»

Весной 1944 г. дивизия участвовала в освобождении Западной Украины. Под г. Бродом, в Новом Почаеве (Львовская область) 17 марта разведчики были на боевом задании в тылу немцев. Основную группу капитан Зажицкий отправил в одном направлении, а сам с тремя людьми остался провести разведку в монастыре. Священник рассказал, что только что немцы отправили на четырех подводах архив. Решение было принято сразу: захватить архив. Рассчитали так: четыре подводы и четыре возницы, нас тоже четверо – справимся. Когда догнали обоз и выстрелили в первую лошадь, оказалось, что в крытых подводах – немцы и бандеровцы. Завязался неравный бой. Зажицкий отправил одного бойца за помощью, а сам с двумя

бойцами стал отбиваться. Один товарищ был ранен сразу, а Бронислав получил две пули, одну в плечо и одну в голову. Уже теряя сознание, он услышал пулеметные очереди: подмога пришла вовремя. Очнулся только в госпитале в г. Ровно, потом лечился в Стерлитамаке, и все же смог вернуться в полк.

Интересно, что только через 21 год, в Киргизии он встретил своего разведчика-спасителя. Это был Николай Некрасов, который привел помощь и вызвал самолет, на котором Зажицкого и раненого в живот бойца вывезли на нашу территорию.

Были на войне и курьезные случаи. Перед форсированием Дона разведчики получили задание добыть «языка». Они благополучно переправились на вражеский берег, взяли «языка», сунули ему в рот кляп и на веревке потащили к реке, однако, попав в воду, немец каким-то образом вытолкнул кляп и заорал просто звериным криком. В полной ночной тишине этот рев был услышан на километры. Разведчики на какую-то секунду опешили, немец вырвался и убежал. Начался обстрел, чудом все остались живы и без «языка» вернулись к своим. После они добыли другого «языка», но над ними еще долго по-дружески смеялись в полку и просили рассказать, как немец их напугал ревом.

Закончила войну дивизия в Чехословакии 17 мая 1945 г. Как вспоминал гвардии капитан Зажицкий, три месяца ходили вокруг Праги, где отчаянно сопротивлялась группировка фашистов. Фашисты не хотели сдаваться советским частям и ждали американцев. 2 мая дивизия участвовала в штурме Берлина, а потом на танках была переправлена в Прагу, которую заняли 8 мая, бои в Чехословакии дивизия вела до 17 мая 1945 г.

После войны Б.Н. Зажицкий еще долго служил в армии, потом работал в Средней Азии. Выйдя на пенсию, переехал к родным в г. Чернь, которую освобождал в 1941 году.

Он до сих пор в строю, входит в Совет ветеранов 350-й стрелковой дивизии, встречается с молодежью, школьниками, ведет огромную патриотическую работу. Его партийный стаж - более 70 лет, в партию вступил во время войны, в заявлении написал, как многие боевые товарищи: «Хочу в бой идти коммунистом».

Камаев Федор Петрович

Родился 2 августа 1923 года в деревне Карашицево Лаишевского района ТАССР, на фронте с 9 мая 1942 г., наводчик пулемета, сержант, участвовал в форсировании Днепра, Днестра, Одера, освобождении Кишинева, награжден орденами Отечественной войны I степени, Красного Знамени, медалями "За взятие Берлина", "За освобождение Варшавы", "За победу над Германией".

Свой путь в Берлин!

Федор Петрович рос живым, любознательным и озорным мальчишкой. Помогал отцу и деду по дому и в поле. В свободную минутку любил играть со старшим братом Василием. Больше всех рождению внука был рад дед Иван Николаевич. У него самого было пятеро сыновей. Их фотография висела на большой стене возле окна. На фотографии они все высокие, бравые, статные в военной форме и с большими пышными усами. Они все воевали на фронтах Первой мировой войны и живые вернулись домой. Все братья женились и разъехались, а самый младший Петр, как принято, жил с родителями.

Дед Федора Иван Николаевич считался в деревне человеком зажиточным – имел кирпичный дом и несколько сараев и большой сад. Но и работали, не покладая рук с утра до ночи, и сам дед и все его сыновья. Вот только кроватей у детей не было - все спали на соломенных матрасах прямо на полу.

Раскулачивания, прокатившиеся по все стране, не обошли семью Федора стороной. Определённая часть деревенской бедноты просто желала приобрести имущество более богатых своих односельчан. Каково было удивление и разочарование Ивана Николаевича, когда раскулачивать его пришел шурин. После того как отобрали дом, его полностью разобрали, а потом на этом месте и из этих же кирпичей построили детский сад. Похоронив отца и опасаясь за семью, отец Федора Петр Иванович в 1933 году со своей семьей вынужден был оставить родные края и переехать в Зеленодольский район, где пришлось заново строить дом и налаживать новую жизнь. Однако его жена вскоре умерла, оставив его одного с тремя детьми.

В 1941 году на фронт забрали старшего брата Василия. Федор остался с отцом и младшей сестрой Марией. Семья жила очень скромно, а с началом войны начали голодать. В сентябре 1942 года Федора забрали в армию. Он был направлен в лагерь для подготовки командиров пулеметных взводов, который находился в Марийской республике на станции Суслонгер. Большинство курсантов лагеря состояло из татар, башкир и других народов Поволжья.

Условия в лагере были ужасными. Офицеры жили в бараках, а солдаты в землянках. Форму не давали, и каждый ходил в своей одежде, многие были в лаптях. Почти каждый день из лагеря вывозили умерших солдат и хоронили на кладбище на станции. Несмотря на холод и тяжелые условия, в лагере кормили хотя бы один раз в сутки, в деревне же был настоящий голод.

Когда отец Федора получил повестку, то сразу же отвез дочь Марию своей двоюродной сестре Анне Алексеевне в родное село Караишево.

В лагере он выучился на наводчика станкового пулемета и в мае 1942 года был отправлен на фронт. Он попал в стрелковый полк Южного фронта. Наводчик пулемета одна из самых опасных профессий на фронте. Главная задача пулеметчиков - занять удачную для ведения огня позицию - высоту - и уничтожить огневые точки противника. Несмотря на разные задачи, пулеметчики подвергались опасности наравне с пехотой. Часто они находились вместе с пехотинцами в траншеях и, когда противник предпринимал атаку, поддерживали пулеметным огнем наших бойцов. Если в наступление шли советские солдаты, пулеметчики прокладывали путь пехоте. Пулемет «Максим», делающий 600 выстрелов в минуту, срезал все на своем пути и бойцы легко прорывались через поредевшие части противника. Но стрелять по немцам приходилось через головы наших пехотинцев и, чтобы не задеть своих, требовались серьезная подготовка и навык. Наводчик вел наблюдение за передним краем гитлеровских позиций для раскрытия местонахождения орудий и пулеметов противника. После того, как наблюдатель их обнаруживал, принимались меры к их уничтожению. Только наводчик заменял командира в случае его гибели.

Станковый пулемет должны обслуживать командир пулеметного расчета и шесть бойцов: дальномерщик, наводчик, помощник наводчика, два подносчика патронов, ездовой. Но во время войны расчет станкового пулемета мог состоять из пяти человек, а иногда из двух.

Пулеметчики всегда находились на передовой, сражались на самых трудных участках. Федор трижды за время войны был ранен. Первое ранение он получил в марте 1943 года. Выйдя из госпиталя, был направлен наводчиком станкового пулемета 3 стрелкового батальона 1052-го стрелкового полка 301 стрелковой Сталинской ордена Суворова Второй степени дивизии.

Солдаты дивизия принимали участие в форсировании: Днепра с октября 1943 - по февраль 1944 года; Днестра в марте – апреле 1944 года; Одера в апреле 1945 года.

В ожесточенных боях за Днепр прорыв так называемого «Восточного вала», считавшегося гитлеровцами неприступным, Федор потерял много боевых товарищей, с кем еще делил кусок хлеба в учебном лагере. В боях за освобождение Молдавии при форсировании Днестра сам получил контузию. Его хотели отправить в госпиталь, но он отказался – очень много пулеметчиков погибло под градом немецких пуль при переправе через Днестр, он был нужен на передовой.

Самым трудным препятствием на пути продвижения для пулеметчиков были реки. Мостов чаще всего не было, пулеметы перетаскивали по дощатым мосткам. Станковые пулеметы были тяжелые: щит - 8 кг, ствол длиной в 70 см - 24 кг. К пулемету полагалось 4 коробки боеприпасов, каждая килограмма по четыре. Переносили пулемет всем расчетом – и командир, и солдаты. А у каждого еще вещмешки, резервные патроны и по две гранаты, тоже тяжелые - 400-500 гр.

В августе 1944 года после освобождения Кишинева 301-я стрелковая дивизия в составе пятой ударной армии была передана Первому Белорусскому фронту, которым командовал маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский.

Ожесточенные бои шли за Одер, который стал одним из основных оборонительных рубежей для фашистской Германии на последнем этапе войны. Довольно серьезная естественная преграда была насыщена бесчисленными укреплениями, скрытыми дзотами и артиллерийскими батареями. Рота пехотинцев, два взвода пулеметчиков и артиллеристов получили задание – переправиться на противоположный берег, и, вызвав огонь на себя, обнаружить фашистские огневые точки. Шли в основном ночью, немцев не видели, но чувствовали, что скоро накроет шквалом огня.

Бой был страшный. Немцы решили, что в наступление пошли главные силы и открыли огонь из всех орудий и пулеметов. Федор не помнил, как добрался до Одера. Слышал только как «заговорила» наша артиллерия. 3 февраля удалось закрепиться на левом берегу Одера, лицом к лицу сошлись наши солдаты с врагом. Федор с автоматом продвигался по вражеской траншее, когда навстречу ему выбежал немецкий солдат с автоматом наперевес и открыл огонь. Федор получил тяжелое ранение в грудь и был отправлен в госпитале. Врачи долго боролись за его жизнь, одно легкое пришлось удалить. Напоминанием об этой битве остался огромный кривой шрам через всю спину и орден «Отечественной войны Первой степени». Из отряда 160 человек в живых остались только 6.

Сестра Мария, которой было тогда 14 лет получила письмо от командира части – «Ваш брат, сержант Федор Петрович Камаев, храбро и мужественно сражается с немецкими захватчиками. За доблесть и отвагу он награжден орденом Отечественной войны I степени. Командование сердечно поздравляет Вас с этой радостью». В письме не было ни слова о самом подвиге, тяжелом ранении и госпитале. Орден Федор Петрович получил позднее, уже после выздоровления. В наградном листе говорится, что 3 февраля 1945 года на захваченном плацдарме на левом берегу реки Одер в районе восточнее населенного пункта Ортвух (Германия) противник предпринял 9 контратак силой 9-17 танков и 200 автоматчиков, сержант Камаев проявляя стойкость и мужество подпустил вражескую пехоту на близкое расстояние и открыл по ним огонь из станкового пулемета, при чем было уничтожено 47 гитлеровцев и две огневые точки противника. Своими действиями сержант Камаев обеспечил отражение контратак противника и закрепился на захваченном плацдарме.

Однако после госпиталя он опять вернулся в свою дивизию легендарной Пятой армии командиром пулеметного расчета и продолжил свой путь в Берлин.

За форсирование реки Шпрее, которая делит Берлин на две части, Федор Петрович был награжден орденом «Красное Знамя». Под ожесточенным огнем Федор Петрович со своими товарищами на лодках, понтонах, используя все что могло держаться на воде начали форсирование реки. Необходимо было закрепиться на высоте до подхода основных сил. От внезапной атаки фашисты растерялись и оставили свои позиции, но на этом бой не закончился и высота несколько раз переходила из рук в руки. Окончательно закрепиться помогла артиллерия.

Война шла к завершению и все чаще вспоминались отец и брат, которые тоже воевали на разных фронтах. В Берлине совершенно случайно Федор встретил своего брата Василия, который танкистом прошел всю войну.

После окончания войны отец Федора вернулся в родное село Караишево, брат Василий приехал в Казань, а Федору не суждено было сразу же вернуться домой.

В июне 1945 года он был направлен в Литву, для борьбы с «Лесными братьями» где служил до 1951 года. Там он встретил свою будущую жену Зою Ивановну, которая приехала из Москвы к своей сестре, муж которой служил в одной части с Федором Петровичем.

В 1952 году с женой Зоей Ивановной и детьми Виктором и Ольгой Федор Петрович вернулся в деревню Караишево. Отец Петр Иванович после войны женился и жил в ее доме. Дом был очень маленький и вскоре Федор Петрович со своей семьей переехал в Казань к сестре Марии, которая с мужем и двумя детьми жила в одной комнате в бараке на ул. Газовой. Потом его приютили брат Василий и его жена Нюра. Затем было съемное жилье в бараке, а несколько месяцев даже в сарае, где помещались только кровать и тумбочка.

Только спустя несколько лет, работая в Татспецстрое Федор Петрович, получил свою долгожданную комнату.

После войны Федор Петрович поддерживал связь с командиром дивизии Антоновым Владимиром Семеновичем, который в своей книге рассказывает, как наши солдаты шли к Берлину и вспоминает о Федоре Камаеве.

Морозова Пелагея (Полина) Григорьевна.

Родилась 6 октября 1923 года в городе Казани Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, связистка, зенитчица, участвовала в Сталинградской битве, освобождала Украину, Польшу, Германию, награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией»

«В благодарность за службу»

В 1940 году я окончила 68-ю школу в Казани и пошла работать на 27-й завод. Помню, как услышала сообщение по радио, о том, что война началась. К нам 16-ый Воронежский завод эвакуировали. Тесно было очень. В цехах станок на станке, и не пройти, если только боком.

Потом в июне 1942 году узнала, что набирают добровольцев на фронт. Мне не было и 19 лет. Мы с подружкой договорились быть вместе, вместе на фронт пойти. Я пришла на улицу Островского, где всех собирали, а ее не нашла. Так мы с ней и не свиделись, а после войны и вовсе друг друга потеряли. В семье нас было 6 человек детей. Папа на фронте. Мать с 6 детьми одна. Мама в дорогу 2 кирпичика хлеба дала, я их за дорогу все и съела.

Когда приехала, нас всех девчат отправили в действующую армию через Сталинград в Воронеж, в аэростатную часть, отдельный дивизион аэростатного заграждения. После налета немецкой авиации, пробоины в аэростатах заклеивали. Помню, как бесчисленное множество немецких самолетов налетело на Воронеж, немцы стали бомбить, и весь город разбомбили. Мы были вынуждены отступать. Нас отправили на станцию через деревни. В одной деревне женщина нас щами угостила. До сих пор эти щи помню. Сама никогда такие не варила. Пришли на станцию, а станцию тоже разбомбили. Пришлось остаться там, пока чинили рельсы. Когда отступали от Воронежа в Саратов, нас в грузовых вагонах переправляли. Мы их прозвали «Телячьи вагоны».

В Саратове нас распределили по частям. Меня назначили связисткой в отдельный зенитный артиллерийский дивизион, в г. Энгельс. Когда по частям распределили, тогда и сделали землянки, отдельно девчонкам, отдельно ребятам. Обмундирование только тогда и выдали (брюки мужские, гимнастерка, шинель, ботинки мужские). А так до этого в платьях были, в городских. Когда в Саратов привезли, плохо стало, долго болела.

Телефонов не было в войну, мы связисты, чтоб до штаба связь провести, по земле провод проводили и шли пешком до самого штаба, на плечо катушку. Она трещит «Скоро вся, скоро вся, скоро вся». Мы так ее и называли «Скоро вся», потому что так скрипит на плече. На батарее у нас прибористы были, дальномерщики, связисты, радисты. Девчонки на батарее были из разных городов. Все дружили. Времени свободного петь, плясать не было - все на посту. Не до плясок было, и не до песен - уставали. Наш дивизион защищал небо Саратова от налета немецких самолетов. Немецкие самолеты подлетали, а мы их из зениток отгоняли и в некоторых попадали и сбивали. Но в целом, конечно, Россия была не так вооружена, как немцы. Иначе столько народу не погибло бы...

Перемещались следом за войсками, обеспечивали связь. В 1943 году в Сталинграде собралась большая армия. Сталин приказал: «Ни шагу назад». Под Сталинградом немцы потерпели поражение, и наша армия стала наступать. Вместе с фронтом и мы двигались с зенитками. Много погибло в Сталинграде и людей, и техники...

Летом 1944 года между Харьковом и Полтавой на станции Кочубеевка был большой бой. Немцы полевой госпиталь весь разбомбили. Бомбы падали на правую сторону дороги, и все туда бежали. Мы таскали раненых на левую сторону дороги. Из нашего дивизиона погибли двое: Нина Кернер из Ленинграда и еще кто-то из командиров.

Бой был ночью, не видно было, сколько раненных. А утром, когда рассветало, стало видно, сколько убитых лежит. И около крайнего вагона два офицера лежали. У одного, у крайнего, левой ноги половина по колено нет, кровь сочилась. У второго, смуглого такого, офицера я достала документы - а он казанский, с улицы Кирова. Я семье его домой, в Казань, написала, как погиб их сын. Я, конечно, никакого ответа не получила, не помню, может они и не получили письмо то, кто знает, в то время письма часто не доходили. Попал поезд, который почту вез, под бомбежку, и все письма разлетелись, сгорели. Или если хлеб на батарею везут, немцы разбомбили, мы без хлеба. «Где хлеб-то?» «Немцы»- говорят - «разбомбили».

В 1944 году, когда мы подъезжали ко Львову, к нам бежало местное население, просили помощи от бандеровцев, говорили «Спасите, нас убивают бандеровцы!». Мы, конечно, помогали просящим.

Потом Польша, Германия. 5 мая нам и сказали, что кончилась война: «Война кончилась, девчонки!». Вот так я и была с 1942 по 1945 год на фронте. Возвращались таким же путем, каким и наступали.

Когда вернулась домой с 16-ого завода справка пришла «Самовольно оставила производство».

Мухаметзянов Маулетдин Мухаметзянович

Родился в 1917 г. в д. Нижняя Береске Атнинского района Татарской АССР, награжден орденом Славы III степени

Мөхәммәтҗанов Мәүлетдин Мөһәммәтҗан улы

"Мин туган илне сакларга килдем!"

“Мәүлетдин абый Түбән Бәрәскәдә ишле гаиләдә туа, кызганычка каршы, 11 ир баланың нибары икесе исән-сау үсә. 4 сыйныф белем ала. Башта иске татар имләсе нигезендә жәдитчә укый, аннан латин шрифтына, соңрак, кириллицага күчәрәләр. Ике укытучысы да мулла уллары, мәктәп үзе дән манарасын кискән мәчет. 14 яшеннән күмәк хужалык эшенә жигелә. Сыерлар тәрбияли, ат жигә.

Сугыш башлангач, 1941 нче елның кара көзендә бер гаиләдән 3 кешене – абыйсын һәм хатыны Суфия апа белән Мәүлетдин абыйны окоп казырга Буага жиберәләр. Кайтуга, 1942 нче елның мартында, сугышка чакыралар.

“Мәскәүдә мунчага керттеләр, эти үрөп биргән яхшы чабаталарым кешенеке белән буталмасын дип, кадакка элөп куйдым. Әмма икенче ишектән, солдат киёмнәре белән чыгардылар, бер-беребезне танымадык, хәтта”,- ди моңсуланып, әллә кадакта калган чабатасын, әллә аны үргән әтисен искә төшереп.

Ржев шәһәре янында 3 айга якын оборона тоталар. Монда сәер хәлгә дучар була. Иптәше белән бергә утырганда яннарына 2 солдат килә. Үзләрен Башкириядән дип таныштыралар, “Җиңеләп, харап булабыз бит”, дип, фашистлар ягына чыгарга өндиләр. “Мин туган илне сакларга килдем. Беркая да чыкмыйм”,- дип жавап бирә Мәүлетдин абый. Ә кич белән штабка чакырталар. Блиндажда “Особый отдел” офицеры каршы ала. Янындагы солдатлардан: “Шушымы?”- дип сорый. “Юк, аның иптәше иде”,- диюне ишетүгә, берсен сугып ук ега. “Башкирия” егетләре белән сөйләшү эчтәлеген тиешле органнарга казах егете җиткергән була. Ә сугышчан иптәшен Мәүлетдин абый башка күрми. Сугыш тәмамланып озак еллар үткәч, бер танышы аркылы белешә: тегенең гаиләсенә, балаларына да көн күрсәтмиләр. “Аларның ни гаебе бар инде?”- ди ветеран.

Биредә пуля тиеп, кулы яралана, дошман пулясы ботын да тишә. 3 ай чамасы госпитальдә ятып чыга һәм Смоленск юнәлешендә сугышка керә. Монда да ике тапкыр җиңелчә яралана. 2 ай Кубань елгасы буенда госпитальдә ята. Керчь шәһәрен азат итүдә катнаша. Монда немецларның зур төркеме чолганышта кала. Аларга каршы сугышта күпләр һәлак була. “Бирегә килгәч, анда-монда ятучы сугышчыларны күрөп, күңелләр төште”,- ди. Ике офицер әңгәмәсен искә ала. Берсе, жан ачысы белән: “Мин бит сугышка хайваннар алып кермим!”- дип кычкыра. Солдатларны жәлләп, күрәсең... Аны шунда ук икенче җиргә күчәрәләр. Бу һөҗүм вакытында бик күпләр башын сала. Мәүлетдин абый окоп казып, шунда кереп урнаша һәм кирәк бит, нәкъ шул тирәдә гранатометтан аталар. Мәүлетдин абыйның кабат

кулы яралана. Бу юлы Грузиягә озаталар. “Госпитальдә ашау начар иде. Шул сәбәпле, Сталинны сүгүчеләр дә булды”,- ди ветеран. Шунда авылдашын очрата. “Палатага килеп кергән идем, элекке бригадир Галимулла Төхбиев карта сугып утыра”,- дип көлә. Савыккач, аны демобилизациялиләр. 1944 нче елның 24 нче октябрдә авылына кайтып китә. Кайткач, Мирсәй Әмир “Миңлекамал”ының төп герое прототибы, “Ленин” хужалыгы житәкчесе Рауза Касыймова кулы астында яшелчә житештерү бригадасы бригадиры булып эшли, хужалык бригадасын житәкли. Суфия һәм Мәүлетдин Мөхәммәтжановлар 5 бала тәрбиялиләр, кызганычка каршы ике уллары вафат була. Бер улы һәм ике кызы исән-сау. Мәүлетдин абый соңгы көннәренә кадәр Түбән Бәрәскәдә кызы Сәвия тәрбиясендә яши. 2012 нче елның 6 нчы январында Мәүлетдин абый вафат була.

"Я здесь, чтобы защищать Родину!"

Мухаметзянов Маулетдин родился в многодетной семье, однако из 11 детей в живых остались только двое, остальные умерли в детстве. Маулетдин заканчивает 4 класса татарской школы, сначала изучает латынь, позднее переходит в кириллицу. Оба учителя - сыновья муллы, а школа раньше была мечетью. С 14 лет подросток начал работать в колхозе: ухаживал за коровами, лошадьми и другим скотом.

Когда в 1941 году началась война, его, его жену и брата отправляют в Буинский район копать окопы. После возвращения домой в 1942 году М.Мухаметзянов был мобилизован.

«Когда приехали в Москву, первым делом нас отправили в баню, оттуда мы уже вышли в солдатских мундирах, некоторых нельзя было даже узнать» -вспоминал позже ветеран.

М.Мухаметзянов со своей частью около 3 месяцев обороняли город Ржев. Здесь с ним произошел один странный случай. Когда он со своим

товарищем-казахом сидели в окопе, к ним подошли двое солдат из Башкирии. Они уговаривали солдат-мусульман перейти на сторону немцев, говорили, что война почти уже проиграна.

«Я здесь, чтобы защищать Родину и никуда не пойду» - возразил Маулетдин. А уже вечером его вызвали в штаб. В блиндаже ждал офицер Особого отдела. Офицер спросил у одного солдата: «Это он?». Тот ответил: «Нет, это был его товарищ». Оказалось, что об их разговорах в штаб сообщил казах. После этого случая дядя никогда не видел своего товарища.

Здесь он получает ранение в руку и в ногу. После 3-х месяцев в госпитале, продолжает воевать в районе Смоленска. Снова получил ранение и два месяца лежит в госпитале.

После выписки из госпиталя участвует в освобождении города Керчь. Там в кольце окружения была большая немецкая группировка. Бои были очень ожесточенными, потери большие. В бою Маулетдин опять ранен осколком гранаты. В этот раз его отправляют в госпиталь в Грузию. После выздоровления, 24 октября 1944 года возвращается в родную деревню. Там и работал бригадиром в колхозе.

С женой Суфией они вырастили пятерых детей, до конца своих дней жили в деревне Береска Атнинского района вместе со своей дочерью Савией. Его не стало 6 января 2012 года.

Фарукшина Накия Фарукшовна

Родилась в 1925 г. в с. Сарманово. Призвана в армию в 1943г., младший сержант, пулеметчица.

«Сила народного единства»

День начала войны невозможно забыть. В этот год я закончила девятый класс. Мы отдыхали, делали дела по хозяйству, как вдруг по радио объявили о том, что Германия начала войну против нас. Это было очень неожиданно для нас.

После того как объявили про начало войны, всех нас вечером собрали в клубе, сделали митинг, рассказали всю информацию. В тот же день молодых людей, которые могли держать оружие в руках и стояли на учете, забрали на войну. А я устроилась на работу в исполком, первое время работала там. Потом моего отца забрали на войну, его ранили, и он вернулся домой. К сожалению, он долго не прожил, мы с мамой и сестрами остались одни.

Мы же еще совсем не думали, что нас заберут. Нас обучали венному делу, военным играм. Учителя были в качестве наших командиров, они нас собирали вместе и обучали всему.

Со временем начали созывать молодых людей. Однажды позвонили и мне. Позвонили с деревенского совета и сказали: «Вас зовут в военкомат».

Я пришла в назначенное время и мне сказали: «Вы – комсомолка. Нам теперь нужны солдаты, поэтому мы вас мобилизуем». И в 1943 году меня отправили на войну.

Мы приехали в Казань, нас поселили на военных объектах. Всю еду мы привезли сами, ведь с началом войны начался и голод. С едой было плохо, народ голодал.

Сначала мы были простыми рядовыми солдатами. Я сама попала в зенитно-пулеметную часть. Нас разделили на команды. Мы охраняли от нападения с воздуха. Стояли на посту на крышах, сменялись по часам. Кроме этого нас учили военному делу, мы научились тонкостям этого дела, узнали многое о пулеметах и винтовках.

Когда пришло время нас собрали и отправили на войну на передние позиции. Мы заменяли ушедших солдат. Сначала мы были на Белорусском фронте. Мы с командой ездили туда, куда нас отправляли. Я в это время была уже не просто рядовым солдатом, а – пулеметчицей.

С самого начала до конца войны я была пулеметчицей. Я служила больше двух лет, домой нас отправили из Польши, из Варшавы.

За время своей службы, я не была ранена, и мне не приходилось бывать в плену. Спасибо Аллаху за это. Могу сказать лишь то, что лучше не знать, что такое война. За это время мы перевидали столько боли и страданий, никому не желаю такого. Мы не сдавались только благодаря народному единству, силе его духа.

Хатипов Шаукат Хатипович

Родился 15 июня 1924 г. в д. Верхнее Балтаево Апастовского района Татарской АССР, призван в Красную армию в марте 1943 г., участник Курской битвы, освобождал Белоруссию, Прибалтику, имеет боевую награду медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

«Я должен жить!»

Я проживаю в деревне Верхнее Балтаево Апастовского района. Моим жизненным девизом остается «Я должен жить!».

Июнь 1941 года. Время, когда девятиклассники того года всеми силами старались успешно закончить учебный год. Но утро 22 июня принесло нам тревожную весть. Помню, как застыв без движения, восприняли мы эту страшную новость, а потом засыпали своего учителя тысячей вопросов.

Окончил в 1942 году фабрично-заводское обучение, проработал год на фабрике, в марте 1943 года меня призывают в ряды Красной Армии. Свое первое «крещение» получил в 11 стрелковом полку. Затем нашу дивизию отправляют на фронт. Мы, 19-летние парни, сразу попадаем под град огня – в сильные бои на Курской дуге.

Враг встретил нас во всеоружии. Невозможно описать словами, что там творилось. На глазах сидели мои однополчане, на наших руках погибали близкие друзья, многие, пройдя тяжелые бои, пропадали без вести. Нам помогали данные родным клятвы, злость к врагу и душевная стойкость. Мне пришлось участвовать в освобождении многих городов и сел, пройти сильные бои за Богодухово, Ахтырка. Затем нас с линии фронта перебросили в подмосковный город Великие Луки. После отправили в Белоруссию. Освободив города Торонец, Городок, мы достигли границ Латвии.

На границе Латвии я был тяжело ранен, мне пришлось семь месяцев пролежать в госпитале. В это время их дивизия вела бои за освобождение Латвии.

В прибалтийских республиках нас встретило более упорное сопротивление гитлеровских войск. Они старались удержать каждую высоту, каждый хутор. Бои носили ожесточенный и затяжной характер. В сентябре 1944 года освободили старинный латвийский город Бауску.

Также наша часть приняла участие в Мемельской наступательной операции, где сумели прорвать вражескую оборону. В этих кровопролитных боях я снова был ранен. Немного подлечившись в госпитале, снова возвратился на поле боя. Радостный 9 мая 1945 года я встречаю в Литве.

Было ли в моей жизни еще такое же радостное событие, что я пережил в День Победы? Царили всеобщее ликование, объятия сквозь слезы, радостные ощущения. В небо взлетали головные уборы. Не зря говорят, что 9 мая – это день, когда мир родился заново. Уже тот факт, что люди выбрались живыми из такого огня, являлся чудом.

Я вернулся с войны в родную деревню только в апреле 1947 года. С гордостью ношу свои медали «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.», медаль Жукова.

Шуравин Константин Матвеевич

Родился 21 мая 1922 г. в деревне Ново-Николаевка Зеленодольского района Татарской АССР, военный летчик, в армии с 1940 г. имеет боевые награды: орден Боевого Красного Знамени, в 1944 г. повторил подвиг Николая Гастелло и погиб как герой.

Константин Шуравин – побратим Гастелло

Родился Константин Матвеевич Шуравин 21 мая 1922 г. в семье рабочего Краснооктябрьского лесничества, в деревне Ново-Николаевка.

Семья была большая. Мать – Анастасия Павловна была домохозяйкой, а в летнее время работала в поле и огороде, помогала колхозу. Отец - Матвей Платонович работал в лесничестве разнорабочим. В семье было семеро детей: Иван, Прасковья, Александр, Михаил, Николай, Семен, Константин.

Костя был любимцем в семье, «последышек», как его звали все старшие. Общительный, настойчивый, добрый, внимательный к окружающим его людям. Он был замечательным художником. В школу пошел с 6 лет, учительница посадила Костю за одну парту с братом Семеном. Она полагала, что учеба для Кости игра, походит и бросит, и первое полугодие не включала его в список учеников. Но Костя стал лучшим

учеником, Новониколаевскую начальную школу он окончил с отличными показателями в учебе, труде и дисциплине.

Поступил учиться в Осиновскую семилетнюю школу. Каждый день проходил от дома до школы и обратно по 14 километров.

Из воспоминаний Анны Андреевны Шуравиной, жены старшего брата: «Однажды, в праздник, вся наша большая семья собралась за общим столом. Костя сидел у порога и что-то писал. Мы не обращали на него внимания. Потом Костя подошел к столу, и подает матери лист бумаги. На рисунке, за столом, сидели мы. Все изумились, каждый узнавал себя».

Окончив с отличием Осиновскую семилетнюю школу, к удивлению всех поступил в Свияжский сельскохозяйственный техникум. Мечта Константина быть летчиком не покинула его и там.

Как-то в техникум приехал представитель аэроклуба, рассказал о самолетах, а в заключение предложил желающим учиться летному делу.

Костя не колебался. Он решает использовать свободное время для учебы в Казанском аэроклубе при ДОСААФ, который находился на улице Чернышевского. Успешно сочетал учебу в техникуме с учебой в аэроклубе. Он стал целыми днями пропадать на аэродроме, приходил грязный, усталый, голодный, но довольный.

Оба учебных заведения Костя закончил с отличием, в августе 1940 г. его приняли в Ульяновскую Военно-воздушную школу. Трехгодичную школу Костя закончил с отличием и был направлен в октябре 1943 г. на пункт сбора летно-технического состава, что находился в Москве, возле метро «Динамо».

Из Ульяновской летной школы Шуравина направили в штаб 211-й штурмовой авиадивизии. Прибыло новое пополнение в тот момент, когда пришел приказ о разделении 211 дивизии на две. Костя, как и новые его друзья, попал во вновь образуемую 335 штурмовую авиадивизию, в 639 полк.

Вскоре они перегнали новые самолеты с завода. Через некоторое время дивизия начала боевую подготовку.

Высокий, широкоплечий, с волевым лицом, всегда веселый и остроумный, Константин выделялся в общей массе авиаторов. В ноябре 1943 года К.Шуравин сделал свой первый боевой вылет.

Весной 1944 года пришел приказ, что 639 полк должен перейти в другую воздушную армию и перебазироваться на Украину. Несколько летчиков с экипажами и самолетами оставили в 335-й дивизии, распределив по остающимся полкам. Костю перевели в 826-й полк.

Однажды Федя Садчиков, командир звена, повел четверку на штурмовку железнодорожной станции Ловша. С ним улетел и Костя. По времени они должны уже возвратиться, но почему-то их все не было. И вдруг, из-за леса появляется «Ил» и, не делая круга над аэродромом, прямо идет на посадку. Это был Костя Шуравин. Масляный радиатор был пробит, все масло вытекло и мотор заклинило. А Костя сидел в кабине и счастливо улыбался.

Хорошо и успешно выполнял боевые задания, летал по три, иногда четыре раза в день. Совершая вылеты, он всегда возвращался, живым и здоровым, за боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени.

16 июля 1944 года день выдался жаркий. На этот раз предстояло штурмовать вражескую танковую колонну, двигавшуюся в сторону фронта по одной из дорог Латвии.

Вот, что вспоминает о последних минутах жизни Кости Шуравина его друг Владимир Гуляев: «Чтобы не спугнуть подвижную маневренную цель, Федор Садчиков решил применить тактическую хитрость. Он завел группу далеко на запад в сторону от дороги, по которой двигались танки противника. Затем, потеряв высоту, мы выскочили на указанную дорогу и над лесом пошли параллельно с ней на восток. Через несколько минут полета заметили впереди огромное пыльное облако и начали штурмовать танковую

колонну. Гитлеровцы начали тормозить и беспорядочно расползаться во все стороны. Но было уже поздно: из наших люков посыпались на них сотни противотанковых бомб кумулятивного действия, летели им вдогонку бронебойные снаряды наших пушек».

Выходя из этой атаки, ребята поняли, бомбы не пролетели мимо, так как на земле пылало пламя пожаров. При повторной атаке каждый выбирал цель самостоятельно.

И только я повернул для атаки и стал прицеливаться, как вдруг услышал в наушниках громкий, чисто звенящий голос: «Прощайте, ребята! За родину!»

Я увидел, что правее и чуть выше пикировал горящий «ил», оставляя за собой густой черный след дыма. Вот он немного развернулся и, направив свой нос на скопление вражеской техники у поворота дороги, открыл огонь из пушек и пулеметов. И так, стреляя до последней секунды, «Ил», как огромный снаряд, сметая все на своем пути, в стремительном последнем полете врезался в скопление техники".

Судя по воспоминаниям, сразу никто не мог определить, кто совершил столь героический поступок. Даже вражеские зенитчики, потрясенные увиденным, на какое-то время прекратили огонь.

Однако через долю секунды Федор Садчиков скомандовал: «Ребята, за Костю Шуравина по фашистским гадам, огонь!» И его самолет первым ринулся в атаку. Все последовали за ведущим, обрушив на фашистские танки огонь своих пушек и пулеметов, как бы салютуя воинскому подвигу нашего друга Кости Шуравина и его земляка Николая Забирова!»

Штурмовики сделали еще несколько заходов, отдавая должное воинскому подвигу погибших друзей мощным огнем по ненавистному врагу.

А позади еще долго пылал огромный костер, зажженный мужеством двух казанских парней – Константина Шуравина и Николая Забирова.

Младший лейтенант Константин Шуравин погиб в двадцать один год.

Военная история моей семьи

Рассказ о ветеранах ВОВ: А.А. Грузове, Я.В. Мухинове, Г.Х. Татлыбаеве, К.А. Грузове, С.А. Грузове, И.А. Грузове, Ф.А. Грузове, П.К. Грузове, А.Ф. Лаврове, С.И. Константинове, А.И. Артамонове, В.И. Артамонове, Н.И. Артамонове, В.Ф. Пименове.

Мое знакомство с Великой Отечественной войной началось с увиденной по телевизору трансляции парада Победы. Я поинтересовалась у родителей: что такое парад? чему он посвящен? неужели он так важен? После их рассказа о параде, о войне с фашистской Германией, о ветеранах, мне стало интересно: а мои бабушки и дедушки участвовали в той войне? Нет! Оказывается мои бабушка Тамара и дедушка Саша родились во время Великой Отечественной войны, а бабай Якуб и эби Назира – уже после ее окончания. А кто тогда из моих предков участвовал в этой войне? Неужели никто?

И началось мое исследование-расследование. Я стала с помощью взрослых выяснять, кто из наших родственников участвовал в той страшной войне, кто жил в это время, кто помогал воюющим солдатам, обеспечивал их едой, шинелями, оружием, кто воспитывал детей. С помощью рассказов родителей, звонков родственникам, поиска по Интернет-сайтам «Мемориал», «Подвиг народа», знакомства с Книгой Памяти, мне удалось составить небольшую историю моей семьи в годы ВОВ.

Оказалось, что в Великой Отечественной войне за свободу и независимость нашей страны, которая тогда называлась СССР, сражались три моих прадедушки – русский Алексей Андреевич Грузов, татарин Явид Валиевич Мухинов и башкир Гафар Хасанович Татлыбаев.

Начнем с Явида Мухинова, чья фамилия мне досталась по наследству. К сожалению, о нем не удалось собрать много сведений. Почему мы не

нашли о нем ничего? Я думаю, тут несколько причин. Когда еще был жив мой дедушка Якуб (его сын), он рассказывал, что на войне прадедушка был разведчиком. Как-то случайно или, а может быть, и нет, в одном из документов Явиду неправильно написали фамилию. С рождения он носил другую фамилию – Мухитдинов, но после чьей-то ошибки прадедушка Явид стал Мухиновым, и эта фамилия закрепилась за ним. Кроме того, родные называли его Джавид, может, также где-нибудь изменили его имя и написали неправильно с ошибкой. И жил он после войны в Узбекистане, который сейчас является отдельным независимым государством.

На память нам осталась его фотография 1939 года, с которой улыбается

молодой и красивый солдат в военной форме. А на обороте фотографии написано: «На память родителям. Ваш Явид. г. Обоянь. Курская область. 13 декабря 1939 года». Через полтора года начнется война, и прадедушка Явид сразу окажется на фронте боевых действий.

После войны он поступит в 1946 году в институт учителей в г. Самарканде Узбекской ССР и окончит его в 1949 году, когда уже родится мой дедушка Якуб. Жизнь его оборвется трагически и героически. Будучи уже директором школы, он как-то раз возвращался с работы и увидел, как на мальчика напала бродячая собака. Он незамедлительно бросился на помощь, оттащил собаку, спас мальчишку. Но врачи не смогли излечить его после укуса больной бешенством собаки.

Другой мой прадедушка Алексей Грузов ушел на фронт в январе 1942 года в возрасте 42 лет. Прабабушка Федора осталась одна с 5 детьми – Антониной, Екатериной, Николаем, Аркадием, самому младшему – моему дедушке Саше не было еще и месяца. Жили они в с. Танино Куйбышевского района Татарской АССР. Хотя линия фронта была далеко, многодетной семье было очень тяжело, иногда даже не было еды. Но выжили все.

Алексей Грузов попал в пехотные войска. В боях под Смоленском он получил тяжелое осколочное ранение, долго лечился. В Казанском госпитале извлекли 5 осколков снаряда, а несколько осколков остались незамеченными. После госпиталя прадедушку отправили домой, вернулся он в родное село в 1944 году.

Несмотря на тяжелое ранение, он быстро поднялся на ноги.

Прадедушка был сильным духом, крепкий физически, высокий – около 190 см. После войны у них с прабабушкой родились еще сын Михаил и дочь Надежда. Прадедушке было 50 лет, когда на свет появилась его последний ребенок. Дедушка Саша рассказывает, что у Алексея Грузова был красивый голос. Его

часто приглашали выступать на районные концерты.

В 1956 году, через 13 лет после ранения у прадедушки извлекли еще один осколок из ноги. Прожил он до 91 года. Многие наши знакомые и родственники до сих пор помнят его окладистую рыжую бороду, красивый голос и нескончаемые прибаутки и называют его не иначе как «дед Алексей рыжая борода».

Прадедушка Гафар Хасанович Татлыбаев родился в Оренбургской

области, оттуда в 1938 он был призван служить в армии. В

военной части он и встретил войну. О нем мне рассказали мой папа и его сестры. Во время войны он был связистом. Благодаря фотографии, сделанной после ее окончания, мы узнали, что прадедушка Гафар имел много наград.

На сайте «подвигнарода.ру» мы нашли описание одного из его подвигов, за который он в марте 1945 года получил орден Красной Звезды: «В бою 26.02 1944 года в Восточной Пруссии в районе Реесен противник предпринял контратаку пехотой, поддержанную танками. Артналетом противника перед контратакой телефонная связь была прервана. Радист товарищ Татлыбаев, находясь на огневой позиции, точно и быстро

передавал данные для немедленного открытия огня по контратакующему противнику. Благодаря бесперебойной радиосвязи батарея отбила контратаку врага. Уничтожено батареей 2 станковых пулемета, 1 орудие ПТО, 1 наблюдательный пункт, разрушено 2 блиндажа и истреблено до 40 гитлеровцев». Вот такой был у меня прадедушка!

Также он был награжден медалями За Отвагу, За оборону Сталинграда, За взятие Кенигсберга и др. Несмотря на несколько полученных ранений, он воевал с начала Великой Отечественной войны и до ее победного завершения в 1945 году на Смоленском, Калининском, Донском, Южном и других фронтах.

После войны он оказался в Узбекистане, жил в г. Солдатском Галабинского района Ташкентской области. В этом городе родился мой папа Ренат.

Но это не все мои родственники, принимавшие участие в Великой Отечественной войне.

В Великой Отечественной войне участвовали 4 брата моего прадедушки Алексея Андреевича Грузова – Ксенофонт, Степан, Федор и Иван.

Вот что мы узнали о них с сайта «подвигнарода.ру». Старший из братьев Грузовых Ксенофонт был призван на фронт в марте 1942 года возрасте 48 лет. Воевал на Ленинградском фронте, получил там несколько ранений. Там же он и получил медаль «За боевые заслуги», которой награждались воины за умелые, смелые действия в бою, за образцовое выполнение боевых заданий. После окончания войны Ксенофонт Грузов вернулся в родное село Танино.

Его сын Петр, двоюродный брат моего дедушки Саши, также сражался против фашистской Германии октября 1943 года. Он был бронебойщиком, то есть он стрелял из противотанкового оружия. Он получил много наград, в том числе и несколько орденов. Одним из самых ценных и почетных орденов

был Орден Славы. Петр Грузов «в бою 5.2.1945 г. при форсировании реки Одер и на плацдарме у города Фюрстенберг действуя смело и решительно огнем своего ружья уничтожил 2 ручных пулемета, чем обеспечил успех наших наступающих стрелков. В бою 10.2.1945 года при отражении яростной атаки противника стойко отражая ее, уничтожил 2 гитлеровцев, чем обеспечивал успех боя. В этом бою был ранен и эвакуирован в госпиталь». За это Петр Грузов получил орден Славы III степени.

Героические умелые действия Петра Грузова были отмечены орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени.

Нелегкая судьба выпала для Ивана и Федора Грузовых. Иван был убит в Белоруссии под г. Витебском, о чем мы узнали с сайта «Мемориал» Министерства обороны. Там же я увидела извещение, посланное его жене Анастасии Степановне, о том, что ее «муж Грузов Иван Андреевич – красноармеец-стрелок 879 стрелкового полка в бою за социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив героизм и мужество, погиб 25 июня 1944 года, похоронен с отданием воинских почестей похоронен южнее г. Витебска на 300 м». В народе такие извещения назывались «похоронки».

А Федор Грузов через 20 дней после призыва в армию попал в плен в Эстонии, практически в самом начале войны 26 июля 1941 года. В плену он провел 3 года 10 месяцев. Нелегко ему пришлось, так как в фашистских лагерях издевались над людьми, держали полуголодными, заставляли работать без отдыха. Дедушка Саша вспоминает, что Федор вернулся в родное Танино худым, израненным, больным. И прожил он после войны всего несколько лет.

После войны старшие сестры дедушки Саши вышли замуж друг за

другом. Мужем старшей сестры Антонины стал вернувшийся с фронта Александр Фролович Лавров. Он был танкистом. Их дочка Лидия Александровна Лаврова, мамина двоюродная

сестра, из г. Болгара Спасского района прислала нам его фронтовую фотографию. Она нам рассказала, что после окончания Великой Отечественной войны, Александр Лавров принимал участие в войне с Японией. Она передала нам его воспоминания об этой войне. Как он со своими однополчанами прошел тысячи километров через всю Монголию, через пустыню Гоби в сторону Японии. Как тяжело дался им этот переход: было жарко, постоянно хотелось пить, а кругом не ни капли воды. Снайперы даже своими небольшими лопатками рыли колодцы для войны. Старались передвигаться ночью, так как в это время было прохладно, засыпали на ходу. Война для него закончилась в городе Порт-Артур.

Другая сестра дедушки Саши после войны уехала в Нижний Новгород

(г. Горький в то время), вышла замуж за прославленного

фронтовика Сергея Ивановича Константинова. Самым

высоким знаком отличия во время войны было получение

звания Героя Советского Союза. Таких среди моих прадедов

не оказалось. Но фронтовики, получившие ордены Славы всех

трех степеней приравнивались по своему статусу Героям

Советского Союза. Именно Сергей Иванович был полным кавалером ордена

Славы. Мы обратились к его дочери Людмиле, двоюродной сестер моей

мамы, она также прислала нам его фотографии и немного рассказала о нем.

На фронт он попал в июле 1944 года. Солдаты говорили, что

«артиллерия – бог войны», а Сергей Иванович был наводчиком

артиллерийского оружия. Благодаря своим умелым действиям, благодаря

своим подвигам он получил также орден Отечественной войны I степени.

Нижегородцы за его заслуги вручили ему звание Почетного гражданина

Нижегородской области. На № 12 по проспекту Молодежному, где он жил,

где сейчас живут его дочь Людмила и внучка Катя, установлена

мемориальная доска.

Сергей Иванович в 1985, 1995 годах был участником Парада, который я люблю смотреть по телевизору.

Немного информации мне удалось узнать о братьях прабабушки Екатерины Ивановны Пименовой (Артамоновой). Николай Артамонов пропал без вести в марте 1943 года. На сайте «мемориал» имеется извещение, посланное его жене Артамоновой Нине Петровне, о том что «ваш муж ...находясь на фронте, пропал без вести». Минометчик Александр Артамонов вернулся с войны с орденами Отечественной войны II степени, Красной звезды, медалями За боевые заслуги, За отвагу. О Василии Артамонове нет никакой информации, хотя он также воевал.

Еще одни фронтовиком среди моих прадедов родных и двоюродных был брат моего прадедушки Пименова Александра Федоровича – Василий. Был он командиром пулеметного взвода, вернулся в 1945 году с орденами Красной звезды, Отечественной войны II степени медалью за оборону Сталинграда.

Таким образом, в Великой Отечественной войне участвовало 14 человек из числа моих родственников. Я горжусь, что мои прадеды и родственники награждены боевыми наградами: 14 орденов, 11 медалей. И это только те родственники, о которых мне удалось добыть, узнать информацию. К сожалению, ни с одного из перечисленных членов моей семьи уже нет в живых. Но я надеюсь, что мне удастся собрать еще больше информации о моих родственниках, подаривших мне мирное небо над головой.

Все для фронта, все для Победы!

Аверьянов Василий Игнатьевич

Родился 8 января 1936 г. в деревне Янгельдино Апастовского района ТАССР, во время войны подростком работал в колхозе, полный кавалер ордена Трудовой славы

«Завет отца сделал меня счастливым»

Война. Значение этого слова я с каждым днем начинаю осознавать все лучше. И чем старше становлюсь, тем в большей мере понимаю, как самоотверженны и стойки были наши родители. В нашей деревне, наверное, не было ни одной семьи, которой бы не коснулась война. Сколько детей выросло без отцов, сколько жен не дождалось своих мужей с фронта и тянули тяжелую ношу послевоенной жизни в одиночку. Судьба жителей нашей деревни была схожа с судьбой всей страны.

Когда началась война, мне было всего 5 лет. Я тогда еще не в полной мере понимал, почему моя мама Мария так горевала, а домашние стали так серьезны. Хорошо помню только звучавшие повсюду ободряющие слова: «Это ненадолго, нам нужно держаться, скоро все закончится». В то время в наших домах еще не было телевизора, радио и телефона. Последние новости мы узнавали из старого радио, которое весь день звучало в здании сельского

Совета. И тревожную весть о начале войны мой отец Игнатий услышал там же. А самыми тяжелыми днями стали дни, когда отец с моим старшим братом Александром уходили на войну. Моя мама осталась одна с шестью детьми, часто плакала, скрывая от нас свои слезы. Потом гладила нас по голове и успокаивала: «Мы сильнее врагов». Не помню ни одного случая, чтобы она жаловалась или пасовала перед трудностями. Хрупкая женщина небольшого роста день и ночь работала за двоих. В годы войны я учился в школе, а дома был правой рукой своей матери. Старшим братьям и сестрам доставалась более тяжелая работа. Один за другим начали приходить в деревню письма-треугольники, принося в дома горе и потери.

На наше счастье, наш отец и мой брат вернулись с войны. Пусть с многочисленными ранениями, но все же вернулись! Несмотря на подорванное здоровье, они прикладывали все силы, помогая колхозу.

Известие о великой победе в этой страшной войне мы встретили со слезами на глазах. Помню, как отец тогда сокрушался за погубленные молодые жизни тех солдат, что не вернулись с войны. Часто рассказывал нам о подвигах своих однополчан, и завещал нам трудиться с полной отдачей на той земле, которую они защищали ценой своей жизни. А слово отца для нас всегда было законом, оно непременно должно было быть исполнено. Я исполнил наказ своего отца и очень этому рад.

В 14 лет я начал работать в родном колхозе. Тяжелое материальное положение моей семьи вынудило меня начать свою трудовую деятельность в качестве помощника кузнеца. Эти годы стали для меня настоящей школой жизни. Я досконально изучил все тонкости и премудрости кузнечного дела. После службы в армии, окончил среднее профессионально-техническое училище и начал работать механизатором в колхозе имени Тукая. Моими лучшими помощниками в работе были слова отца и советы матери. Не захотел и я уезжать из родной стороны, не искал себе более легкой работы.

С ранней весны и до поздней осени работал на полях колхоза, а зимой

пересаживался на колесный трактор «МТЗ-75», занимался перевозкой различных грузов. Так и трудился, не зная усталости, за что не раз удостоивался звания лучшего тракториста района. С каждым признанием и достижением, мне хотелось еще лучше и качественнее выполнять свои обязанности. Были дни, когда и 24 часов в сутках не хватало.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1971 году я был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1975 году – орденом Трудовой Славы III степени, в следующем году – орденом Трудовой Славы II степени.

А в 1982 году за долголетнюю безупречную работу в одном хозяйстве меня наградили орденом Трудовой славы I степени. 38 лет из моего общего 45-летнего трудового стажа связаны с работой механизатора. Никогда не гнался за деньгами, званиями, славой.

До сегодняшнего дня ощущаю внимание и уважение, потому что каждый год 9 декабря – в День героев Отечества меня приходят поздравить и из администрации района, и представители Совета ветеранов, учащиеся. Не забывают меня и в дни рождения. Часто участвую на различных встречах со школьниками. Очень доволен тем, что могу делиться с молодежью своим богатым опытом, давать советы. Ведь оставить свой след на земле, почувствовать себя нужным – это и есть самое главное в жизни!

Бусыгин Юрий Александрович

Родился 28 сентября 1937 г., во время войны проживал в д. Бусыгино Кировской области.

Счастье, что отец пришел с войны

В момент начала войны мне было четыре года. Собственных воспоминаний особо не было, многое мне рассказывала моя бабушка.

Война нагрянула неожиданно. Жизнь в деревне шла своим чередом, никто не догадывался о надвигавшейся беде для всей страны. Но она пришла. 22 июня 1941 года страшная весть разнеслась: ВОЙНА! Было страшно. Отца сразу же забрали на фронт, и мама осталась одна с бабушкой и шестью детьми. Когда мама рано утром уходила работать на поля, старшие дети, в том числе и я, оставались присматривать за младшими.

Каждый выживал, как мог. Многим детям, как и мне, приходилось работать на полях. Было очень трудно и голодно. Я особенно помню голод, помню карточную систему послевоенного времени. Мама постоянно работала. Мы как могли, помогали по хозяйству: возили на тележках траву, следили и ухаживали за скотом, делали все то, что было в наших силах, чтобы помочь.

Еды не хватало. Питались мы в основном супом из лебеды и мерзлой картошкой. Помню, мама рассказывала мне: «Перед тобой, Юрочка, поставишь тарелку, ты возьмешь пальчиками травку, попробуешь, положишь обратно и говоришь «Вкусно, сладко, но пусть здесь постоит». Маленьким был, не понимал, что другого ничего нет.

Во время войны зимой мы катались на санках, на деревянных коньках, на лыжах. На лыжах ходили в лес. Летом с азартом играли на лужайке в «сало» и в забытую ныне игру «лапта». А вот после войны все мальчишки со двора собирались, и мы начинали играть в войнушку. В зарослях ивы устраивались штабы. Было две команды: советских воинов-героев и немцев-фашистов. С набором в первую команду проблем никогда не возникало, ведь каждый хотел быть героем-победителем. А вот в команду немцев-фашистов добровольно идти никто не хотел. Поэтому выбор делался при помощи подбрасывания монетки: выпадет орёл - идешь в команду героев, а коли выпадет решка – тут уж ничего не поделаешь – играть будешь за фашистов.

Помню уже в 7 классе ездили помогать убирать картошку, свеклу. Мы – дети, работали наравне с колхозницами, были и ночные бригады. Учиться писать и читать начал уже после войны, когда пошел в школу. Самостоятельность – вот основная черта детей послевоенного периода.

Помню в деревне ходили по дворам с ребятами и помогали бабушкам стареньким. Дрова кололи, в огородах помогали.

Самым тяжелым было, когда возвращались с войны отцы, а твоего отца не было. Было очень горько. Я толком не помню своего отца. Мне всегда хотелось его увидеть. Когда мы поехали к отцу, он встречал нас на вокзале. После войны было счастьем жить с семьей.

В первое время, когда началась война, мне было 4 года, я мало что помню из того времени, только по рассказам бабушки, да матери. А потом, когда мы с матерью в деревне жили, наступил голод. Когда кто-то умирал на

фронте, и приходили похоронки, женщины выли, дети плакали. Очень страшно было, когда люди получали похоронку.

В деревне было проще выживать. Земля помогала, лес, травы. В основном на картошке и травах выживали. Конечно, моменты отчаяния были, но в детском возрасте они не так сильно ощущаются. Помню, как мама с бабушкой получили известие о гибели дяди. Не было почти ни одного дома, где бы не получили известия о гибели мужа, сына, отца, брата.

Праздники во время войны мы не устраивали, не до этого было. Разве что только дни рождения, и то редко. Слава Богу, я не сталкивался с немцами лицом к лицу. Но были пленные, и для меня они были жуткими людьми. Может оттого, что они были врагами. Эвакуированных рядом с нами тоже не было.

Война закончилась, когда мне было семь лет. Помню неопишемую радость на лицах близких, родных, соседей. И хотя сам я не до конца осознавал, что война закончилась, в моей душе была неопишемая радость.

После войны я окончил 10 классов, после чего приехал в Казань и поступил в КХТИ. После окончания учебы устроился на работу на завод «Оргсинтез». Я работал, и мне это было по душе.

Венкова (Колякина) Валентина Павловна

Родилась 16 августа 1931 г. в г.Уфе. Во время войны была в детском доме в г. Бугульма Татарской АССР.

«...Я хорошо помню 22 июня 1941 г., когда началась война...»

Родились мы с сестрой в городе Уфа. В 1938 году отца, он работал бухгалтером (в то время образованных людей было мало), направили на работу на железную дорогу в город Бугульма. В 1941 году, оставшись без родителей, мы с сестрой попали в детский дом, где жили «как у Христа за пазухой».

Когда началась война, мне было почти 10 лет, а вот сестре Лидии – двадцать. Очень хорошо помню этот день, когда мы все услышали это страшное известие.

Утром мы с ребятами из детского дома и преподавателем пошли купаться на речку. Было лето, каникулы – нам было очень весело. Ближе к обеду к нам пришли женщины и рассказали о том, что началась война. Нас быстро собрали, и мы вернулись обратно в свой детский дом. Нашему страху не было предела. И с тех пор мы только и говорили о войне!

Мы тогда и подумать не могли на сколько это страшно, но напряжение чувствовалось. Моя сестра вдруг стала намного старше, хотя я всегда видела ее серьезной. Количество воспитателей резко сократилось: кого-то призвали на фронт, кого-то отправили помогать мед. персоналу в госпиталь.

После того как мы узнали о войне страх конечно нас переполнял, но мы жили по расписанию - завтрак, обед и ужин. Большое спасибо нашим преподавателям: ведь даже в такое трудное время, они дали нам почувствовать, что мы дети. Игрушки были из того, мирного времени, и мы их очень берегли - многие игрушки воспитатели делали своими руками. Все игры стали серьезнее: девчонки все были или воспитателями или медсестрами, а вот мальчишки воевали, им так хотелось помочь быстрее победить.

До войны все имело свою ценность: бумага, материал (практически всю одежду шили сами), хлеб, а в войну все это стало «на вес золота». Каждый лоскуток бережно стирали, каждый обмылочек берегли (мыло было дефицитным). А о том, чтобы небрежно обращаться с едой, у нас даже мысли не было.

Война войной, но детство у нас было: играли в игры, учились, даже праздники отмечали. Самый любимый наш праздник был Новый год. Елка и подарки, сделанные своими руками, друг для друга, и праздничный ужин, как мы его называли – это компот и картошка с маслом и солью.

Один из самых интересных и красивых моментов, конечно помимо дня Победы, были свадьбы, которые проходили редко, но очень громко и пышно. Невестами были, как в кино – медсестры, а мужья – их пациенты, которые получали ранения на фронте и после этого помогали в госпитале, так как не могли возвращаться на службу.

Будучи детьми, нам было интересно посмотреть, как привозят раненых. В нашем городе была большая железнодорожная станция, через которую ежедневно проходили поезда с продовольствием и прибывали вагоны с

ранеными в наш госпиталь. Мы часто бегали наблюдать, как медсестры и более взрослые воспитанницы нашего детского дома, помогали разгружать раненых, а также вагоны с медикаментами и продовольствием.

Но иногда мы наблюдали, как вдоль дороги гуляют молоденькие медсестры за ручку с офицерами с перевязанными головами, руками. А иногда раненые просили нас собирать ромашки, которые потом дарили медсестрам.

Самое страшное известие для меня случилось тогда, когда я узнала о том, что моего двоюродного брата Колякина Николая Кондратьевича отправляют на передовую. В тоже время узнаю, что моя родная сестра Лидия Павловна уезжает на службу в госпиталь.

Год за годом война набирала обороты. В нашем городке жизнь бежала, и наш детский дом не был исключением. Наши преподаватели, нянечки, воспитательницы сменялись одна за другой и многие из них были эвакуированные. Они заботились и любили нас.

С противниками я никогда не сталкивалась, как говорится, бог миловал. Но наши мальчишки всегда мечтали, как они схватят и победят Гитлера. В моменты отчаяния я вспоминала сестру, брата и ждала встречи.

О нашей победе над фашизмом мы узнали по радио. Счастью не было предела. Тогда я поняла, что скоро вернутся с фронта наши близкие, женщины перестанут плакать, и мы все хотели увидеть тех, которые сражались за нашу жизнь и свободу. А рассказы, которые нам читали из газет о героях... Все мы хотели их видеть и расспросить, как они победили и какими же были на самом деле фашисты.

Моя жизнь после войны сложилась хорошо, я дождалась и увидела возвращение брата. Если честно, была напугана, так как он вернулся без обеих ног, а сестра пришла не одна, а с мужем и будучи беременной первенцем. Я продолжала учиться и воспитываться в детском доме. Окончив школу, я пошла работать в колхоз. На работе я встретила своего будущего

супруга, который работал трактористом. Вскоре мы сыграли свадьбу. У нас трое детей: две девочки – Галина и Ирина, а последний сын Вадим – офицер и до сих пор служит в армии. На данный момент у меня 8 внуков и 2 правнука.

Гаврилова Евдокия Егоровна

Родилась 16 марта 1934 г., отец пропал без вести.

Мое военное детство

Мой отец – Гордеев Егор Иванович, 1911 года рождения, был на финской войне, вернулся в августе 1940 г. Он прожил с нами до 1941 - до начала войны.

22 июня 1941 года началась война, и отцу прислали повестку 24 июня, но в виду того, что мама была беременна, ему дали отсрочку до 26 числа, а 26 июня ночью мы проводили его на фронт. 29 июня родилась сестренка. Она была в семье уже пятым ребенком.

Отца проводили, в семье за старшего остался девятилетний брат Дмитрий. С первого года войны он ушел работать в колхоз. Работал на лошадях, на быках. В первый год войны забрали всех мужчин, остались только женщины с детьми и три старика, один из которых был наш дедушка - Гордеев Иван Максимович. Поля пахали на лошадях, на коровах, а дедушка сеял хлеб из лукошка. Как кончилась посевная, всех отправляли на луга косить сено для колхозной фермы и конюшни. Кончается сенокос, начинается уборка хлеба. Жали хлеб косой и серпом. Мы, маленькие дети, помогали подтаскивать снопы к молотилке, а молотилку крутили с помощью быков. Я гоняла двух быков целый день, а вечером мы ехали на них домой, так как не было сил идти пешком. Хороших лошадей забрали на фронт, плохие умирали от голода. Очень не хватало колхозных коров, приходилось брать у сельчан, по очереди. За трудовой день нам не платили деньгами, а ставили палочки в трудовой книжке или тетрадке. Хлеба не давали, питаться приходилось только лебедой и картошкой, если уродится.

В первый год войны питались своими запасами, если они были, в общем, кто, чем мог. А весной, когда растаял снег, мы собирали колоски, где были не собраны хлеба. Кто успевал, варил кашу, а так у нас их отбирали. Собирали гнилую картошку, пекли из нее лепешки и ели. Пока она не позеленеет, мы ее собирали, а как позеленеет, мы переставали собирать.

Потом начинает вырастать щавель, конёвник, дикий лук, крапива - эта трава нас спасала. Так же лепешки пекли из лебеды. Осенью собирали дубовые желуди, с орешника - серьги. Если в хозяйстве была корова, то надо было в год отдавать 200 литров молока в казну, есть оно или нет, а если курица, то отдать 100 яиц. Картошки из хозяйства – 20 пудов.

В зимнее время Дмитрия отправляли пилить леса - ему было всего 12 лет. Сплавливали леса на плотках, но не знаю куда. В 12 лет я работала на ферме, даже в ночную смену, дежурила там.

А от отца не было писем, мы ничего не знали. Позже пошли похоронки. У нашего отца на фронт ушли 4 брата и один племянник. Брат, Гордеев Михаил Иванович, ушел в 1939 году, должен был прийти в 1941, но его убили. Гордеев Василий Иванович погиб. Его сын, Гордеев Александр Васильевич также погиб. Гордеев Александр Иванович - это брат моего отца тоже погиб, а вот наш отец пропал без вести.

В День Победы мама меня разбудила, сказала что я пойду пасти скотину с сестренкой – ей 9 лет, мне 11, а она придет, когда печку истопит.

Мы очень боялись волков, они ходили очень близко, стаями. Идет не мама, а братишка несет нам завтрак, ему не было и 6 лет. Я его спросила, почему мама не пришла, он сказал, что мама не придет, она ушла на собрание, там война закончилась. Это было 9 мая.

В школе мы не учились, у нас не было учителей, одежды, ходили мы в лаптях. В 1943 году к нам пришла молодая учительница, она была контужена, ранена, ее звали Марья Ивановна. Мы учились все вместе. У нас был один

букварь на всех. Писали сажей на газетах, позже нам давали какие-то чернила, а оценки она нам ставила соком от свеклы.

Нам дали участок в 40 соток земли. Копали мы его лопатами, несколько человек запрягались в плуг, на этом участке мы сеяли пшеницу, картошку. А в 14 лет я уехала в Казань на заработки, а мама осталась с 4 детьми доживать свой век. Никаких льгот мы за отца не получили. И так нашего отца и не нашли по сей день.

Гадильшина (Бадягина) Валентина Григорьевна

Родилась 2 декабря 1930 г. в Казани, позже семья переехала в д.Тюлячи Татарской АССР, во время войны работала в колхозе.

«Все для фронта, все для Победы!»

22 июня на лошади прискакал парень с сельсовета, кричал о начале войны. Тут же стали собирать людей на фронт. Было много добровольцев. Мне еще не исполнилось 11 лет.

На фронт ушел отец, тети, четверо двоюродных братьев. Оставшиеся дети во всем помогали взрослым. Мама работала заведующей фермой в колхозе. И день, и ночь следили за скотом. Овец, коров, свиней держали, с марта – поросят, осенью сдавали мясо в район. Все жили по лозунгу «Все для фронта, все для Победы!».

Бабушкина корова поила молоком все село. Также питались ягодами с луга, хлебом, который делали наполовину с травой, лебедой; крапивой, картошкой. Сладкого не видели, ели лишь бы «набить живот». Иногда нас подкармливал председатель, говорил: «возьмете помидоры - в подоле унесете». Когда председатель приезжал из района то привозил нам, детям, хоть по яичку – но каждому.

Утром – учились в школе, после – помогали в полевых работах. Работали на полях без выходных. В мыслях было: «Когда отдыхать, если Гитлер под Москвой? Будем работать для фронта». Собранные и со своего огорода, и с колхоза, картошку, морковь, огурцы, капусту и другие овощи – сдавали государству. Председатель ходил с нами, жалел нас. Разрешал тайно забирать по 10 зерен овса, жевали его, как только он немного прорастал. Жили дружно, сплоченно. Выкопаем картошку на огороде, идем помогать

соседям. В войну все были более дружными – всем делились: хлебом, картошкой, крапивой.

В колхозе убирали пшено, жали руками, молотили. Косы делали специально под наш рост. Мы косили и спали на лугах, на дерюжках, телогрейках. Мальчики и девочки – все вместе. Луга находились далеко от деревни. Бывало, скосим, высушим, сложим, а потом шли домой – 10км. Дед Антон и две бабули, которые были там, кормили нас. Председатель колхоза угощал, давая каждому по маленькому кусочку свинины или баранины.

На все село было лишь два патефона, гитара, гармонь и балалайка. Но для веселья не было времени. Праздновали только 7 ноября.

По вечерам собирались с другими детьми и подростками, вязали варежки для фронта. Мальчики ссучивали овечью шерсть, девочки вязали. Варежки были особые с двумя «отделениями»: на два и на три пальца – чтобы в них было удобнее стрелять.

В селе были размещены и эвакуированные. С нашей семьей жили три человека: мать и двое детей, пришли почти нагишом. Они были из Кандалакши.

Шел 1943г. Очень хотели на фронт, пошли в райком. Просидели сутки на пороге райкома, уговорили, чтобы нас приняли добровольцами. Мы с другими ребятами говорили: «У нас и оружие есть: лопаты, лом, вилы». Добились своего. Нас отправили под Москву – копать окопы. На ногах были лапти, одетые на шерстяные носки. Чуть не отморозили ноги, уже говорили, что возможно будут отрезать. Спасали меня в Мамадышском районе, где мы работали на лесоповале и в поле: ноги опускали в снег на час, потом обматывали холодными тряпками, овечьей шерстью сверху. Ноги «отошли», удалось спасти.

9 мая 1945г. Нарочный, посыльный с сельсовета, принес известие об окончании войны. Сходит с лошади, кричит: «Война кончилась!» - и крестится. Все военное время было сложным. При известии о победе – не

верили сначала, что война кончилась. Все сначала не верили, потом – в слезы.

Пришедших домой с войны все встречали со слезами на глазах, все село несло угощения пришедшему: картошку, бурду, хлеб. Спешили поздравить с Победой. Папа вернулся в ноябре 1945г. Мы были на поле, складывали сено в скирды. Дед Антон сверху стоял, увидел, что кто-то в шинели идет. Все побежали навстречу, увидели, что это мой папа. Сестра папы – тетя Роза вернулась в 1946г.

В 1946 г. отца направили в Казань. Так семья перебралась в город, стали жить на ул. Подлужной, позже в своем доме. Бабушка и дед остались в селе.

После 8 классов школы окончила техникум бухгалтерского учета в Казани (уже после войны). В 16 лет комсомол отправил меня работать на водоканал. Строили водопровод, ставили очистители на Волге. На водоканале работала 10 лет. После 21 год работала в банно-прачечном тресте: сначала администратором, затем директором бани №1. Затем 6 лет на комбинате «Спартак».

Горник Григорий Лазаревич

Родился 15 октября 1930 г. в Ростове-на-Дону, во время войны потерял семью, воспитывался в детском доме, учился в ФЗУ и работал на военном заводе

«Папа велел учиться»...

Довоенное детство было счастливым: дружная еврейская семья, работающий отец, любимая мама, старшая сестра Соня – умница и отличница. Родители заботились о детях, дети росли счастливыми и хорошо учились. Война перечеркнула довоенное счастье, жизнь семьи изменилась в одночасье.

Фашисты очень быстро продвигались по советской территории и 17 ноября подошли к Ростову-на-Дону. Через короткое время Ростов был взят немцами, которые удерживали его 7 дней, затем части Красной Армии выбили немцев из города. Но эти 7 дней Гриша запомнил надолго.

В эти дни улицы были абсолютно пусты. Немецкие солдаты занимались мародерством. Однажды, взломав двери, в квартиру семьи Горников ворвались немецкие солдаты, начали что-то искать, забирать в

свои вещевые мешки понравившиеся им вещи и предметы, потом спустились в подвал и нашли прячущихся там людей. Один солдат подошел к Грише, взял за ворот, приподнял и сказал «юдэ», затем с силой швырнул в угол. Солдаты ушли, но свирепые, полные злости и ненависти глаза остались в памяти как символ фашизма на всю жизнь.

В Ростове была восстановлена и как прежде действовала советская власть. Отец Гриши был мобилизован на рытье окопов на дальних подступах к Ростову, все надеялись, что оккупация больше не повторится, поэтому семья Горников осталась в городе.

22 июля 1942 г. в семью вернулся отец и сообщил что после провала наступления Красной Армии под Харьковом, немецкое командование начало наступление на Кубань и Кавказ, что Ростов уже в основном окружен немцами. Срочно собрав минимальное количество вещей, семья решила уходить пешком в сторону г. Батайска. 24 июля 1942 г. в Ростов вошла 17-я армия вермахта.

Преодолевая невероятные сложности семья Горников вместе с другими беженцами дошли до окраины г. Нахичевань, перешли вместе с бойцами по мосту Дон и разместились на привал в небольшом шалаше. Вдали виднелась небольшая деревушка, и отец послал туда Гришу поменять на продукты кое - что из имеющихся вещей. Не думал Гриша в эту минуту, что видит своих родителей последний раз, что этот посыл спасет ему жизнь.

Когда мальчик отошел от родных на пару километров, лагерь беженцев, а это, в основном, были старики, дети и женщины, стал подвергаться интенсивной бомбежке с немецких самолетов. Некоторые бомбы падали достаточно близко от Гриши, его охватил ужас, он упал на землю, ему показалось, что он потерял сознание.

Когда Гриша очнулся, бомбежка окончилась, и это пробуждение можно назвать его новым рождением. Вокруг все было взорвано, разрушено, превращено в прах. Гриша, перебираясь через глубокие воронки от бомб,

подполз к тому месту, где был шалаш с родителями и сестрой. Картина, которая предстала перед ним, была невообразима для человеческого рассудка: большая яма-воронка, на поверхности которой разбросаны куски человеческих тел. Это то, что несколько минут назад было отцом, матерью, сестрой. В этой воронке осталась прежняя жизнь Гриши, в которой о нем так преданно заботились самые близкие ему люди.

С этого момента одиннадцатилетний Гриша остался один во всем мире. Он еще не осознавал всего ужаса потери, он все еще думал, что вот-вот появится отец и отругает его за то, что он так долго отсутствовал, мама, как всегда, будет его защищать, а сестренка будет строить ему рожицы.

Через некоторое время к одинокому мальчику подошел незнакомый военный человек, который поняв весь ужас произошедшего, крепко прижал его к себе, тихо сказал «Родной мой, мы им отомстим за все это». На всю жизнь у Гриши сохранился образ этого военного - красивого молодого bruneta, обладающего характерным одесским говором. К вечеру они вместе вошли в горящий г. Батайск, который немецкие самолеты забрасывали многочисленными зажигательными бомбами. Командиру нужно было направляться в часть на переформирование, поэтому снабдив Гришу сухим пайком из своего рациона, он посоветовал ему идти к станции Тихорецкая и уже от неё стремиться попасть в центральную часть страны. Гриша дошел до ст. Тихорецкая, сел в поезд и уехал в Махачкалу. Куда он ехал, зачем, он и сам не знал. Позже он не мог вспомнить свой маршрут, помнил только приблизительно: Махачкала - Астрахань – Саратов. Помнил, как плыл на пароходе от Махачкалы в Астрахань.

На корабле Гриша вспомнил о записной книжке, с адресами родственников, которую отец положил к нему в рюкзак. Перелистывая странички маленькой записной книжки, он обнаружил в ней небольшой листочек бумаги, на котором знакомым отцовским почерком было написано: «Дорогой мой сын, сегодня ты получил в школе просто хорошую

оценку. Однако запомни, что залогом твоей успешной будущей жизни могут быть только отличные успехи в учебе». Собственно это оказалось единственно сохранившийся, такой трогательный, такой осязаемый, такой вещественный, наказ от отца. Эти двадцать пять слов, написанных отцом в записочке, Гриша читал тысячи и тысячи раз. В дальнейшей жизни это стало, как говорится, его путеводной нитью - «Папа велел учиться». Ближайшие родственники Гриши жили в Саратове, к ним он и решил отправиться. Однако на астраханском вокзале его остановил милиционер и отправил в пункт сбора детей. Мальчик, все еще находившийся в состоянии шока от пережитой трагедии, оказался там, где не было ни одного знакомого человека, где его не кормили, да возможно и кормить детей было нечем. И Гриша бежал из этого пункта сбора. В незнакомом городе он не ориентировался, но к вечеру все же добрался до вокзала, сел в поезд Астрахань-Москва, который шел через Саратов. Он залез на третью полку и заснул так крепко, что проспал свою станцию. А когда проснулся, подумал и решил ехать в Москву, так как там жила его тетя.

В Москве Гришу прямо на вокзале поймал милиционер и отвел в детприемник, откуда нельзя было сбежать: высокие стены, охрана, да и сил бежать не было. Через три дня детей-беспризорников отправили в Омск. Оттуда на пароходе отправили вниз по Иртышу до села Красный Яр. Там находился наскоро построенный лагерь, где и поселили детей. Лагерь располагался в середине деревни и состоял из 4 спальных корпусов, столовой и администрации. Началась детдомовская жизнь.

В детдоме было холодно, голодно, дети постоянно думали о еде. На завтрак давали немного каши и 100 грамм хлеба. Мальчик, видевший такую трагическую смерть близких, чувствовал себя очень одиноко и поэтому так и не смог ни с кем сблизиться, подружиться с ребятами, такими же как он подранками. Единственным спасением от тяжелых дум, были занятия в школе.

Гриша помнил наказ «Папа велел учиться», да ему и самому нравилось учиться, нравилось узнавать новое, кроме того, в школе ему удавалось как-то отвлечься от своих проблем.

Зимой 1943 г. его чудом нашли родственники, приехали и забрали к себе в семью в г. Богданович Свердловской области. Там Гриша пошел в 6 класс, и опять он хорошо помнил: «Папа велел учиться». Учителя удивлялись стремлению мальчика - сироты учиться только на отличные оценки, ведь многие его сверстники вообще не учились, а делали такое, что заканчивалось уголовными делами.

Время было тяжелое, в семье родственников не хватало денег, и после 6 класса Гришу отправили учиться в ФЗО № 16. После окончания ФЗО с отличным дипломом он остался работать на заводе в той же бригаде, где проходил обучение. Там же на заводе Гриша встретил долгожданную Победу.

После войны жизнь была очень тяжелая, в конце 1945 г. приемные родители вернулись в Москву, а Гриша остался опять один. Он очень скучал по родным, и в первый отпуск отправился к ним в гости. Родственники помогли перевестись на завод в г. Подольск.

Потом была служба в армии, учеба в заочной средней школе, в Марийском государственном педагогическом институте на историко-филологическом факультете.

После окончания университета работал в Йошкар-Оле, позже переехал в Казань, окончил аспирантуру, защитил кандидатскую, позже докторскую диссертацию.

Проработал в Казанском архитектурно-строительном университете долгие годы, пройдя путь от ассистента до заведующего кафедрой, доктора наук, профессора.

Евсеева (Арсентьева) Мария Алексеевна

Родилась 6 ноября 1932 г. в п. Лашиevo Лашиевского района. ТАССР, на фронте погиб отец.

Спрос был суровый, военный

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года. Мне тогда было 9 лет, а моему брату Александру 7 лет. Тяжелые это были годы.

Наш отец Арсентьев Алексей Сидорович ушел на фронт вместе с двумя братьями Александром и Леонидом. Война их разбросала по разным фронтам. Отец служил на Украинском фронте, рядовым. Погиб в 1943-ем году в ожесточенных боях в деревне Андреевка Кировоградской области. Его средний брат Леонид до войны проходил службу в армии на Дальнем Востоке, должен был демобилизоваться, но в связи с объявленной войной продолжил службу там, на Дальнем Востоке (служил авиамехаником). Домой вернулся только после Победы. Младший брат проходил службу на Белорусском фронте. Был ранен и демобилизован ещё во время войны.

Мы остались с мамой, бабушкой и дедушкой. Начались очень тяжелые лютые времена. Работали все. Наша мама Агриппина Стратоновна работала

разнорабочей в заготовительной конторе Лаишевского района ТАССР, которая занималась заготовками продуктов для воинских частей, там выкармливали скот, заготавливали овощи, соленья. Работа была тяжелая, приходилось носить тяжелые корзины с овощами.

Еще более тяжелая работа была при заготовке зерна, приходилось носить мешки весом по 70 кг, а для голодной хрупкой женщины это было непросто. Иногда казалось, что все органы внутри отрываются, но все терпели. Если, приходилось работать на скотном дворе, то страху было, голодные свиньи и хряки готовы были съесть свое потомство, а за это тоже не поздоровится, надо было сохранить для фронта все поголовье скота.

Спрос был суровый, военный. Работать приходилось по 16 часов, а когда мама приходила домой с пункта заготовки зерна, ее ждали голодные дети. Дети снимали с мамы валенки и смотрели, не завалилось ли там зернышко. Мама плакала и говорила, что брать ничего нельзя, иначе посадят в тюрьму. Дети договаривались не расстраивать маму, ели «лялюхи» из замороженной картошки, которые можно было проглотить пока горячие, потом становились как камень, и разжевать их было уже невозможно и «завариху» из ржаной муки, что и мукой назвать было сложно.

После разлива река Кама возвращалась в свое русло. На заливных лугах вырастала трава, которую можно косить дважды в сезон. Летом дети все вместе собирались, уходили на заливные луга за диким луком и щавелем. Во время сенокоса взрослые брали детей в луга на заготовку сена для скота. Они выполняли посильную работу: переворачивали сено для сушки, собирали в маленькие копны.

Бабушка с дедушкой в свои 60 лет тоже работали. Мы, дети, занимались заготовкой дров для школы. Поздней осенью в завершение навигации на берегу выгружали баржи с солью, и мы занимались ее перевозкой в лабазы, кто на санках, кто ведрами носил, а мой братишка, т. к.

был маленький и худенький, то запрягал собаку в санки и на ней возил соль на склад.

Вечером собирались всем двором, слушали радио. Моя бабушка как самая грамотная (она окончила четыре класса церковноприходской школы) показывала по карте, где проходит линия обороны Москвы, где сейчас Украинский и где Белорусский фронт, могут ли встретиться два брата на войне, где проходят на данный момент ожесточенные бои.

Все стремились приблизить Победу и трудились не покладая рук.

Дети учились в школе, тогда не хватало учебников, не на чем было писать, не было бумаги, но мы учились и мечтали похвастаться своими достижениями перед отцом.

Зимой дети помогали взрослым на переборке овощей в овощехранилищах, работали в сушильном цеху, помогали резать овощи и сушить их в печах. Делая это для фронта.

В октябре 1943 года пришла похоронка на отца. Казалось, что жизнь остановилась. Братишка Александр закричал очень громко, его крик и сейчас при воспоминаниях о войне стоит в ушах. У меня застрял ком в горле, я не могла говорить, плакать, дышать. Помню, бабушка моя Домна Никитична просила меня: «Поплачь, дочка, поплачь». А до Победы было более двух лет. Не по годам быстро выросли дети. Старались во всем помогать своим близким.

Шло время, приближалась Великая Победа. Я очень хорошо помню этот день 9 мая 1945 года. Громко играла музыка, все шли на улицу в центр Лаишева на площадь, поздравляли друг друга с днем Победы!!! Обнимались, плакали и надеялись на лучшую жизнь. Начали возвращаться с фронта наши воины-победители.

Я закрывалась в комнате, брала треугольные письма отца с фронта и начинала их перечитывать, обливаясь слезами. В письмах он писал о войне, о том, как форсировали реку Днепр, как спешно сколачивали плоты, как

убивало близких друзей, и то, как лежал в госпитале раненый, а затем через две недели снова отправился на фронт бить врага. Отец описывал прошедшие бои, то, как наши войска гонят проклятого ненавистного немца, как он любит свою русскую землю, как любит нас детей, маму, своих родителей и то, что Победа будет за нами.

Я придумывала для себя, как отец мог спастись от гибели, как он однажды вернется, и как мы заживем все вместе счастливо. Но шло время, отец не возвращался, я снова брала его письма, читала, плакала, ждала и снова плакала. В один день я хотела снова прочитать письма, но их не было на обычном месте. Это моя мама их сожгла, чтобы я не плакала. Я много раз укоряла ее за это. Писем больше не было, но я их помню, помнят о них и мои дети и внуки. Кто пережил войну, будет об этом помнить всегда.

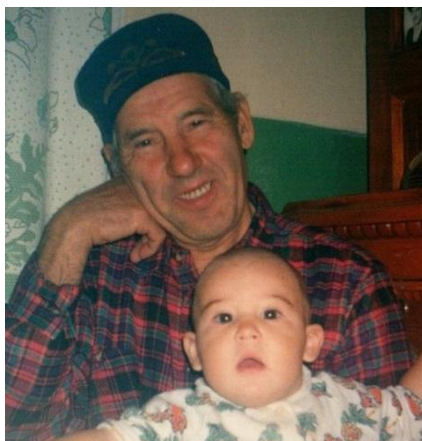
Мама моя Агриппина Стратоновна дожила до 94 лет. Она была очень добрая, кроткая, никому никогда не говорила грубого слова, и мухи не обидит. Она много работала, затем воспитывала внуков, вела хозяйство. Иногда говорила, что «долго живу», а мы ей отвечали, что должна долго жить за себя и за погибшего на фронте отца. Она радовалась, что жизнь наладилась, стал в доме достаток, росли внуки, появились правнуки.

Люди тогда были другими, более дружными, более чуткими, более добрыми и отзывчивыми. Когда я окончила школу, на работу в РАЙФО секретарем в финансовый отдел меня устроил отец моей подруги Афанасьев Андрей Иванович. Потом я закончила торгово-кооперативный техникум Татпотребсоюза и стала работать бухгалтером.

И дружба была более крепкая. Мне сейчас 82 года, а с моими подругами Афанасьевой Прасковьей Андреевной (она умерла в 2009 году) и с Сычевой Лидией Павловной мы дружим с трех лет.

В наше беспокойное время надо помнить о тех тяжелых временах и не допустить повторения подобных событий.

Зиганшин Завит Исмагилович

Родился 20 июля 1934 года в деревне Кзыл-Ялан Чистопольского района Татарской АССР, работал в колхозе, отец погиб на фронте.

Нас воспитала война

Как мы жили, чем мы занимались, чем питались, и вообще, как жили люди в то время. Война... Даже когда вспоминаешь ее, в глазах наворачиваются слёзы... Это очень тяжелая тема для меня.

О начале войны нам сообщили утром 22 июня 1941 года. Было самое обычное летнее утро, начало нового дня. Вдруг всем велели собраться рядом со зданием правления колхоза. Всем это, конечно, показалось странно. Но все стало понятно, когда собрались. Из района пришла весть - фашистская Германия вторглась в Советский Союз, началась война. Никто и не подозревал об этой войне, и поэтому, конечно же, все были шокированы этой вестью. Война никого не оставила в стороне, она затронула каждого, она стала горем каждого.

За 2-3 дня после начала войны наша деревня практически опустела. Мужчин в деревне не осталось, все они ушли на фронт. Остались одни лишь женщины, дети и пожилые люди. Вся тяжесть легла на их плечи. Работы в

сельской местности было много. Техники не было, всю тяжелую работу делали при помощи лошадей, а иногда и этой возможности не было, тогда уж ничего не оставалось, кроме как делать всю работу своими руками. Мы держали корову, надо было следить за ней, кормить ее. На ручных телегах мы собирали подкошенную крапиву, тем самым запасались сеном на зиму.

На войну провожали моего отца – Зиганшина Исмагила. Наверное, будет лишнее говорить, что проводы были грустными. Кто-то плакал, а кто-то, в недоумении от происходящего, стоял и пытался понять, в чем дело. Ведь в нашей семье было много маленьких детей, и они еще не совсем понимали происходящее.

Когда сообщили о войне, мой отец был в поле, на сенокосе, как и другие его товарищи. Уже через час они были в своих домах. Возможно, в последний раз в своей жизни. Все они начали собираться. Утром они должны были уже быть в городском военкомате в Чистополе, добираться должны были туда своим ходом. Я навсегда запомнил эту ночь, этот слабый свет на кухне и долгие, тихие перешептывания папы с мамой. Наступило утро, утро прощания. Помню, как мы все крепко обняли нашего отца. Прощание не длилось долго – и вскоре отец ушел. Он ушел, а мы стояли и провожали его взглядом, до тех пор, пока он не скрылся за горизонтом. Мы остались совсем одни, точнее мама осталась совсем одна с пятью детьми на плечах. Самому старшему – Асхату, было всего 10 лет, а самому младшему – Зуфару, не было и года, а мне в это момент было 6 лет. И, естественно, маме приходилось очень нелегко. Но все же мы старались помогать ей, кто чем мог. Конечно, больше всего досталось Асхату. Он начал работать в колхозе, работал в поле, косил сено. А мама в это время работала дояркой на ферме. Что касается нас - младших, то мы тоже пытались принести хоть какую – то пользу, следили за двором, ухаживали за скотом, в общем, помогали взрослым, как могли.

Время это было тяжелое – вместо зарплаты ставили отметку – палку (1 палка за 1 рабочий день), а денег не давали. И только осенью 1 палку можно

было променять на 200 граммов какого – либо продукта. А кушать-то хотелось всегда, не только осенью. Вот мы и справлялись, как могли: собирали крапиву и другие растения, и варили из них супы. Хлеб, картошка и молоко, хотя и были на столе, но их было не много, и они по праву считались для нас настоящим лакомством, не говоря уже о мясе. Помимо этого ещё с каждого дома собирался налог: за один сезон нужно было сдать 200 куриных яиц, 200 литров молока и 40 килограмм мяса.

Да, война принесла немало печали в нашу жизнь. Не было никакого настроения играть в какие-либо игры, веселиться. Но мы были детьми и когда все же начинали играть, то вскоре прекращали. В основном, когда возвращались со школы, когда было хоть немножко свободного времени. Помню, однажды зимой, когда наступили холода, мы прибивали под лапти маленькие деревянные бруски, чтобы ноги не промокали и не мерзли. Так вот, когда возвращались со школы, мы устраивали своего рода соревнования – выбивали ногами друг другу эти бруски. А вечером дома заново прибивали их. И так каждый день. Но что с нас взять – мы были детьми, и нам это было весело.

Раз уж упомянул о школе, расскажу, как мы учились. Пошел я в школу в 1943 году, когда мне было 8 лет. Всего я учился в школе 7 классов. В это время в школах даже учебников практически не было – 1 книга на весь класс. Писали мы на старых бумажках, на газетах, чистых листов и тетрадей тоже не было, писали гусиными перьями, вместо чернил использовали уголь – получалось очень даже ничего.

После первого класса уже и меня взяли на работу - я пас стадо овец. Было конечно нелегко, но я справлялся. И был один очень страшный для меня случай. Был жаркий и сухой летний день, все овцы легли, и я, долго не подумав, решил присесть. Дай думаю, отдохну маленько, ведь овцы никуда не спешат, значит и мне никуда торопиться не надо. Так оно и случилось, я присел, и мне стало так хорошо. Солнце слепило так сильно, что я закрыл

глаза и случайно уснул. Просыпаюсь - не единой души рядом, я один посреди поля, а стадо исчезло. Я так сильно перепугался, целый день бегал и искал их. Но их нигде не было. Я очень сильно устал, был голоден, и к тому близился вечер, и я решил пойти к управляющему и признаться во всем. Я все рассказал ему и извинился. Слава богу, он был человек добрый и понимающий, он простил меня, и мы вместе с ним пошли искать овец, и вскоре нашли. Больше я так не делал.

Даже в такие трудные времена мы помогали и выручали друг друга. Всей деревней жили как одна семья. Бывали случаи, когда у кого-то сгорал дом, или случалась, какая-нибудь другая беда, то мы всей деревней помогали ему. И даже вместе устраивали маленькие, но все же веселые праздники. Больше всего любили праздник Сабантуй. Устраивали его после окончания всех посевных работ. Там было много разных соревнований, в которых мы, конечно же, участвовали.

Время шло, с каждым годом жизнь усложнялась. 1943 год был самым тяжелым и горестным для нас – пришло известие о смерти отца. Мы очень трудно пережили это, но деваться было некуда, нужно было идти дальше, война ещё не закончилась. Много всего произошло за это время – и радостное и грустное, хотя чаще всего грустное. И наконец, наступила весна 1945 года. Все шло своей чередой, ничего необычного не происходило, как вдруг всех нас собрали рядом со зданием правления. Там была установлена большая круглая тарелка. Это было радио. И тут начал говорить Левитан. «Война закончилась, мы победили», – говорил он. Нашему счастью не было предела.

Это действительно было одним из самых счастливых моментов в моей жизни. Все радовались и ликовали. Война была закончена. Конечно, это еще не значило, что уже на следующий день все будет по-другому, что не будет тяжелой работы, что жить станет легче. Нет, это всего не было, до этого ещё было далеко. Но эта победа дала нам уверенность в том, что мы выживем,

ведь мы пережили войну. У нас появился шанс на светлое будущее, на счастливую жизнь.

Вот так прошла моя молодость. Война отняла у нас многое – отца, беззаботную детскую жизнь. Нас воспитала война.

Зитонова (Мартынова) Валентина Андреевна

Родилась 6 июня 1936 года в г. Казани.

В 1941 году 22 июня началась Великая Отечественная война. всей семьей мы эту новость услышали по радио, находясь дома. У моих родителей, у старших братьев и сестер резко помрачнели лица. Но я была еще маленькой, и не понимала, что такое война.

Питаться мы стали гораздо хуже. Стало понятно, что все уходит на фронт. И все время присутствовал страх, что война доберется и до Казани. Очень боялась, что могли забрать отца и старшего брата на войну.

Помню, как провожали моих дядюшек, Павла Михайловича Пашина и Василия Михайловича Пашина. Конечно, провожали их со слезами. Помню, как кто-то из родственников клал им в сумки что-то поесть, кто-то теплые вещи. Тогда думала, что они еще точно вернуться.

В те годы я не могла никак помочь фронту. А вот моя старшая сестра Лена ходила копать окопы вокруг Казани. Она уходила надолго. Мы ее даже не одевали, мы ее укутывали, во что только могли, что бы зимой она не замерзла. Одевали ей валенки, которые в доме у нас были только одни.

Мой старший брат Александр (1925 года рождения), начиная со 2 курса Казанского авиационного техникума, работал на заводе № 22, имени Горбунова. Работал он днями и ночами, видела я его очень и очень редко.

Мой отец пошел работать так же на завод №22. Там они и проработали до конца войны.

Началась война, и хлеб начали выдавать сразу по карточкам, да и все остальные продукты. Около дома у нас был магазин, и у него были всегда толпы людей, были просто огромные очереди. Приходилось и родителям, и братьям, и сестрам, и мне стоять по несколько часов в этих очередях за хлебом и молоком.

Часто моя мама и бабушка ездили в деревню Навлянка Верхнеуслонского района. Там жили родственники мамы, они помогали нам, как могли. Часто мама ездила туда и обменивала одежду или какие-то вещи на картошку.

Мне, как каждому ребенку, всегда хотелось поесть чего-нибудь сладкого и вкусного. Приезжая к деду и к бабуле в деревню, мы угощались медом, ходили собирать лесные ягоды, вкуснее, наверное, ничего не было тогда.

Помню, как мой дед просил сходить по грибы, и мы с сестрами пошли их собирать. После мы их помогали солить. Мой дед вообще был очень умным человеком. У него даже была своя библиотека, что для деревни была большая редкость. Помню, что к нему всегда кто-нибудь приходил советоваться.

Во время войны ничего практически сладкого не было, ни конфет, ни пряников, да даже просто обычного сахара не было, так что после войны я долго не могла привыкнуть есть что-то с сахаром.

Около дома у нас был очень большой двор. Как обычная девчонка я любила играть в прятки, прыгать на скакалке. В доме у нас жила семья евреев, по фамилии Шапиро. И я очень хорошо дружила с мальчиком Василием Шапиро. Он был очень умным мальчиком, умнее, чем наши сверстники. Он научил играть в шахматы весь двор, да так, что уже после войны, в молодости, я часто обыгрывала даже мальчишек.

Во время игр, могла зазвучать сирена, и голос Левитана говорил: «Внимание! Воздушная тревога!» И мы тут же все бежали в погреб, прятаться. Я до сих пор вспоминаю его голос.

Отдыхать мне было не от чего, я не работала на заводе, не копала окопы. Но очень любила сидеть на печке с папой, когда он приходил после смены и читал мне книги. Книги у нас дома были всегда. Ну, потом уж, когда я пошла в школу, то научилась читать сама.

В первый класс я пошла в № 7, тогда она была еще женской. Раньше учились мальчики и девочки отдельно. Сейчас она гимназия № 19. Помню свою первую учительницу, в начальных классах, звали ее Августа Васильевна. Помню еще своего учителя по арифметике Николая Алексеевича.

Со школой мне помогал отец, хоть он и закончил всего четыре класса церковно приходской школы. Он был невероятного склада ума.

Самым страшным днем для меня был в 1943 году, когда мой папа, поднимаясь по лестнице, прикрывал лицо, со словами «Не пугайтесь! не пугайтесь». В тот день на заводе случилась авария, и у папы были ожоги на всем лице. Этот день я запомнила на всю жизнь.

Горько становилось, когда знакомые или друзья говорили о смерти своих родных. Горько было, когда пришли похорожки, и в них говорилось, что погибли братья моей мамы: Павел и Василий. Помню только что, Павел погиб на Курской дуге, а где погиб Василий я уже и не помню.

В начале войны был страх поражения нашей страны. Боялась, что немцы подойдут к Казани, боялась, что начнут бомбить нас. В начале войны часто по радио передавали о поражениях РККА, но все же надежда всегда была. Но под конец войны все уже были уверены в победе и только ждали.

Тяготы войны помогала преодолевать моя семья, а также надежда на лучшую жизнь. День Победы ждали. Каждый день слушали радио и ждали эти слова. Папа на самодельной карте отмечал, где находятся РККА, и отмечал какие уже города она освободила.

Надежду нам давали еще, конечно, праздники. Очень любила я Новый Год, ведь это значило, что мы прожили еще один год, и что мы еще живы. А так же на столе появлялись сладости: шоколадные конфеты или пряники. Ну еще, о чем раньше нельзя было говорить, мы праздновали православные праздники: Рождество, Пасху.

Ну а самым большим праздником был, конечно, День Победы! Когда сообщили о Победе, мы выбежали на улицу, начали всех поздравлять с этим долгожданным днем, начали обниматься. А через какое-то время мы уже шли встречать наших героев с цветами.

Хоть и было военное время, но были и веселые моменты. Помню, у нас окна дома очень близко находились к окнам соседнего дома. И как-то раз мама приготовила жареную рыбу, и помню я подошла к окну и увидела мальчика в соседнем окне и решила его угостить рыбой, и отдала ему нашу рыбу. После чего меня очень сильно отругали, но сейчас это вспоминается с улыбкой.

Под конец войны в Казань начали привозить пленных фашистов. Они работали на стройках. Помню, строили они Оперный Театр. И с подружками мы пошли на них посмотреть. Когда мы их увидели, нас начал переполнять гнев и ненависть к ним, ведь это они убили моих родных, и мы начали кидать в них камни со всей силы. Конечно же, нас остановили и сделали серьезный выговор.

Рядом с нами жили эвакуированные ленинградцы. Это семья была из трех человек: мама и две ее дочери. С одной из них я очень сильно подружилась, мы часто с ней играли в куклы. Эти люди были гораздо скромнее и добрее, чем другие жители дома. Помню, был сосед у нас Глухов, директор спиртзавода, был очень вредным человеком и хамом.

О победе объявили 9 мая 1945 года. Это был самый счастливый день в моей жизни, мы встретили его со слезами счастья.

После войны я закончила школу № 7, в 1951 году поступила в Казанский авиационный техникум, а в 1955 году окончила его с отличием. В числе 5% абитуриентов, отличников, без вступительных экзаменов поступила в КАИ, на пятый факультет, который так же окончила с отличием. Во время учебы работала на заводе № 7, с 1955г по 1967г. в отделе метрологии, преподавала в техникуме. С 2000 года на пенсии.

Иванов Анатолий Александрович

Родился 24 января 1938 г. на хуторе Нижне-Серебряковский Тащинского (ныне Белокалитвинского) района Ростовской области. Пережил немецкую оккупацию вместе с семьей.

Война навсегда осталась в детской памяти

Война никого не обошла стороной - страдали старики, мужчины, женщины, дети. Дети войны - это те, которые родились и росли в годы Великой Отечественной войны. Война вторглась в мир детей, разрушила устоявшуюся жизнь, сделала ее жуткой и жестокой. И дети наравне с взрослыми прошли испытания, не понимая почему стреляют, почему убивают. Война навсегда осталась в детской памяти.

В это могут поверить только прошедшие через военный ад, кто жил без детских забав, веселых праздников, без отцовской ласки, голодая, засыпая под грохот орудий. Многие остались сиротами, многих вывезли в Германию в рабство, многие влачили жалкое существование на оккупированных территориях. Что такое военное детство нельзя описать словами, это надо пережить. Да, у войны не женское и тем более не детское лицо, но именно дети стали примером мужества, находчивости и стимулом в тяжелые минуты.

У детей войны разные судьбы. Жена Анатолия Александровича – Вера Федоровна родилась в 1943 г. в Казахстане, в эвакуации, куда их отправили из Донбасса. Отец – Котов Федор Яковлевич ушел на фронт. Мама, мать-героиня, ходила до аулам, меняла дрова на лепешки, часто не приносила ничего. Весной собирали все, что можно было есть: дикий лук, шавель, лебеду, сныть. Осенью было сытнее – братья из заброшенных садов приносили фрукты. Так и перебивались. Всем было тяжело, но эвакуированным – тяжелее.

Когда началась война, Анатолию Александровичу было три года. До конца 1942 г. он практически ничего не помнит, разве что из рассказов взрослых. С начала 1943 г. ему уже что-то припоминается.

Он вспоминает: «Жили мы на казачьем хуторе в Ростовской области, где царили вековые нравы. Люди были добрые, работающие. Жизнь на хуторе отлажена: встают с петухами, ложатся после захода солнца.

Когда началась война, все сразу изменилось. Всех здоровых казаков забрали на войну. Остались деды, женщины и мальцы. Работали все, кто в шахте, кто в колхозе. Мама осталась с четырьмя детьми и с бабушкой Василисой. Бесконечным потоком на хутор стали приходиться похоронки».

Жить в ту пору было и холодно, и голодно. По воспоминаниям старшего брата Анатолия Александровича - Андрея Александровича: «Война всех нас лишила детства. Мне было 10 лет и я пошел работать в колхоз: собирали сено в скирды, косили, иногда доверяли жать, собирали терн, шиповник, колоски. Поддерживал нашу семью брат Володя - ловил рыбу удочкой, бреднем, ставил капканы в балках на сусликов. Принесет добычу, мама наварит, даже кожу сусликов ели, приходилось есть и кирзу. Приглашали работать и во дворы. Так, если дадут что-либо съестное - бегом несу маленькому брату Толе.

С приближением линии фронта жизнь изменялась мгновенно. Сначала стали прилетать германские самолеты, которые не бомбили, хотя наших

войск было невидимо. Потом зачастил разведывательный самолет «рама» и все ждали бомбежку. Однажды без «рамы» налетела армада бомбардировщиков и устроила настоящую кровавую бойню. После нее вылезшие из погребов хуторяне увидели, что все сожжено и разбито. Почти каждый день стали налетать фашистские самолеты бомбить, обстреливать из пулеметов. Никогда не забудется гул немецких самолетов, сбрасывающих бомбы, несмолкающие артиллерийские обстрелы, пронзительный свист падающих и рвущихся снарядов, кровь, стоны раненных солдат. По хутору рыскали немецкие и румынские солдаты, отбирали все, что можно взять, а хуторяне потом пухли от голода и умирали от болезней. Практически все жили в погребах. Немцы заняли все дома, дворы, сжигали подворья тех, кто не отдавал скотину, коней, сено, кур, яйца. И смеясь, бросали гранаты в погреба, зная, что там сидят люди. Стали регулярно вешать людей, активистов и коммунистов - сгоняли всех, и взрослых, и детей, чтобы смотрели на казни. После не разрешали снимать тела и хоронить. Так ни и висели по несколько недель под охраной фашистского солдата.

Немецкие войска через хутор двигались сплошным потоком. Днем пешие на подводах, а ночью громыхали танки и самоходные пушки.

Летом 1943 г. начинается наступление наших войск, линия фронта проходила через хутор. Бои шли на каждом подворье. На горе, где жили Васютины, стояли зенитки. В один из дней на подворье забежал немец, вывел всю семью и соседей Земнуховых из погреба, поставил у стенки лестницы и, подняв автомат, хотел расстрелять. Толя был на руках у мамы, она закрыла ему глаза рукой и прижала крепко к себе. В этот момент вбежал во двор другой немец и ударом по руке отвел дуло автомата фрица. Автоматная очередь прошла над головами. Немец побежал дальше, а стреляющий оглянулся, замешкался, и в это время из-за угла дома его скосила автоматная очередь нашего бойца. Мама упала в обморок, а дети стали выковыривать пули из мазанных стен лестницы.

Оружия и боеприпасов кругом было много и после боев дети шли на поля, в балки собирать снаряды, бомбы, подбирать раненных. Подбирая снаряды, начинали их курочить, это приводило к взрывам и гибели пацанов.

На хуторе, вопреки всему, старались выжить: сажали овощи, особенно репу, брюкву, тыквы, буряк. На полях оставался хлеб полусгоревший, затоптаный. Мама с бабами ночью ходили собирали, пекли хлеб, варили каши. Запомнили дети на всю жизнь вкусные лепешки из проса.

В памяти остались навсегда советские солдаты, уставшие и раненные, которые при наступлении под Сталинградом освободили хутор, и то, как они развязывали свои вещмешки и отдавали жителям хлеб, консервы и кусочки сахара – невиданное лакомство для детей той поры. Возможно, эта суровая правда о войне, огромное уважение и признательность воинам-освободителям и определила профессиональный выбор Анатолия Александровича.

После войны А.А.Иванов закончил школу, отслужил в армии, закончил Казанский педагогический институт, защитил кандидатскую, а позже докторскую диссертацию. Двадцать пять лет являлся руководителем Главной редакции «Книги Памяти» Республики Татарстан. Под его руководством были изданы десятки томов Книги Памяти, «Они вернулись с Победой» и другие издания.

Он награжден орденом «За заслуги перед Республикой Татарстан», медалями «Ветеран труда», «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», «В память 1000-летия Казани», «Патриот России», медалью Жукова и другими.

Игнатьева Нина Егоровна

Родилась 9 января 1931 г в дер. Карнаухово Рыбнослободского района РТ, в 1937 году семья переехала в Казань, где и жила всю войну.

Я родилась в деревне Карнаухово и была седьмым ребенком в семье. Но все дети болели и умирали. Последней умерла моя девятилетняя сестра Лида. Мне тогда было 6 лет. Я помню, как она долго болела и постоянно лежала. Мама говорила, что у нее очень сильно болит голова. Тогда я не знала, что это за болезнь, а сейчас думаю, что это был менингит. Так я осталась единственным ребенком в семье, и родители решили переехать в Казань.

В Казани мы поселились в Ново-Татарской слободе на Малой Ямашевской улице у сестры моей мамы Аграфены Федоровны. Она жила с детьми и мужем в двухэтажном деревянном бараке. Вместе с нами приехали моя бабушка Ефросинья и мамины сестры Антонина Федоровна и Александра Федоровна со своими семьями. Все мы жили тесно, но очень дружно. Мои двоюродные братья и сестры стали мне как родные. И сегодня роднее и ближе их у меня никого нет.

В Казани я пошла в школу. Все соседские дети ходили в татарскую школу, и я пошла туда же. Вскоре я совершенно свободно разговаривала по-

татарски. Отец устроился работать на винзавод, который находился на улице Чернышевского, а мама – на меховую фабрику подсобной рабочей. Жизнь только-только стала налаживаться, но грянула беда.

Мне хорошо запомнился тот день. Это было ясным, солнечным утром, я играла во дворе с ребятами. Вдруг из окон домов (день был теплый и окошки были открыты) послышался плач – это по радио объявили о начале войны. Я поняла, что случилось что-то по-настоящему ужасное, и побежала домой.

Все были дома. Я подбежала к папе и спросила: «Что случилось?», папа сказал, что фашисты напали на нашу страну, и началась война. «Папа, а мы победим?», на что он ответил: «Обязательно победим!». И я поверила. В первые же дни войны отца забрали на фронт. Потом один за другим ушли мужья всех маминых сестер, а у тети Грани (так мы дома называли Агафью Федоровну) за время войны забрали всех пятерых сыновей и все они погибли. самого младшего Гошу забрали, едва ему исполнилось 18 лет, и вскоре пришла похоронка – он погиб в первом же бою. Из всех наших мужчин с войны вернулся только мой отец. Папа рядовым солдатом, затем сержантом прошел всю войну и дошел до Берлина. Он был награжден орденом Красного Знамени, медалями «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги».

Папы в годы войны мне не хватало больше всего. У нас с ним были очень теплые и доверительные отношения. Он читал мне на ночь или рассказывал что-то интересное, мы вообще с ним много разговаривали. Он всегда был добрым и ласковым. Мама же была совсем другая. Когда отец ушел, я почувствовала себя очень одинокой и стала с нетерпением ждать писем с фронта. Мама прочитывала их и убирала, я же перечитывала их раз за разом, и было ощущение, что отец рядом. Наверное, холодность мамы была связана с тем, что она потеряла один за другим шестерых детей.

Вообще с началом войны жизнь резко изменилась – неустроенность, постоянный страх, папа на войне, сильный голод – все навалилось так неожиданно, что мы и представить не могли, что будет со всеми нами. Нас спасало, что мы жили все вместе и помогали друг другу.

Моя тетя Граня (Аграфена Федоровна) во время войны работала на меховом комбинате, в цеху, где разделявали животных и снимали шкуру. Большим праздником было, когда она приносила домой кишки животных, которые мы варили и ели. Мы даже из них варили вкусный суп с картофельными очистками.

За картофельными очистками мы ходили с бабушкой на Сенной базар на улице Парижской Коммуны. Там можно было купить все: продукты, меховые воротники, фарфоровые статуэтки, серебряные ложки и многое другое. Я любила ходить на этот базар, потому что мне очень нравилось рассматривать изящные фарфоровые фигурки, украшения. Я всегда думала, что их приносят просто, чтобы все посмотрели, ведь купить их не на что. Хороший картофель стоил очень дорого, а гнилую картошку мы не брали. И бабушка научила, как надо выбирать картофельные очистки – они должны быть чистые и толстые. Мы обходили весь базар, рассматривали все очистки и брали те, где оставалось больше всего картошки. Бабушка всегда брала меня с собой, потому что я хорошо разговаривала по-татарски, а на базаре были люди, которые не владели русским языком.

Все время мы хотели есть, и приходилось утолять голод всеми возможными способами. Я заметила, что когда во рту есть что-нибудь, голод становится не таким сильным. Поэтому ели все более или менее съедобное. Я часто залезала в буфет, где мы держали хлеб. Я прекрасно знаю, что там пусто, но все равно в надежде на чудо наслюнявлю палец и вожу им по полке, а вдруг хоть одна крошка. Даже одна маленькая крошка уже утоляла голод.

Однажды бабушку отправили на строительство оборонительных сооружений. Моя двоюродная сестра Зоя ушла на работу. Она уже с осени 1941 года, когда ей исполнилось 15 лет пошла работать парикмахером. Я как самая старшая осталась с детьми. Вдруг мой трехлетний брат Володя – сын тети Шуры (Александры Федоровны) начинает плакать и просить кушать. Я с ним играю, отвлекаю, а он все плачет и плачет. Я вспомнила, что бабушка варила суп из крапивы. Я пошла во двор насобирала разной травы, похожей на крапиву и сварила густой суп. Мы все – я, Володя, сестра Тамара, брат Толя – его поели. Володя перестал плакать. Прошло немного времени, и у нас у всех заболели животы. А бедного Володю начало тошнить. Я до сих пор помню, как он плакал и кричал: «Зараза! Отравила!» Меня потом все ругали, я еще подумала, вот был бы отец – заступился.

Рядом с меховым комбинатом, на котором работали мама и тетя Граня, находилось ремесленное училище. Там учились в основном мальчики-сироты. Однажды меня отправили за хлебными карточками. Я их получила и шла домой, а навстречу – ремесленники (мы так называли мальчиков из ремесленного училища). Окружили меня, я так испугалась, глаза зажмурила, а они украли у меня все карточки и убежали. Я заплакала и стояла как вкопанная, все думала, что будет дома. Дома меня, конечно, ругали, но не сильно. Моя сестра Зоя уже приносила зарплату. Она была очень красивая и работала мужским мастером, и иногда военные ее угощали сахаром, давали хлеб, тушенку. Так мы и пережили тяжелое время после потери карточек.

В день Победы я помню, как плакали все. Все вышли во двор, говорили друг другу: «Победа! Победа!» обнимались и плакали, снова обнимались и снова плакали.

Малясова Лидия Алексеевна

Родилась 17 ноября 1932 г. в п. Варна Свердловской области, войну семья пережила в п.Обсерватория, близ Казани.

Детство, которое не забывается...

Война застала нашу семью в пригороде Казани, на территории Магнитной обсерватории при Казанском государственном университете. Было воскресенье, друзья – сотрудники моих родителей отдыхали, фотографировались, наслаждались летней прекрасной погодой и вдруг, сообщение по радио – ВОЙНА!

Так как мой папа был лейтенант запаса, то уже на следующий день по повестке был вызван в военкомат, а на утро 24 июня 1941 года мы с мамой его уже провожали на фронт. Хорошо помню, как меня посадили на телегу, а часть военных ехали на грузовиках, так мы добрались до Адмиралтейской Слободы, папа остался дожидаться эшелона, а мы с мамой вернулись домой. Успели узнать, что папу отправят на Ленинградский фронт. Тогда мы и представить не могли, насколько расстаетесь, а в октябре 1941 года мы получили извещение о том, что Малясов Алексей Степанович пропал без

вести. Почти всю войну мы старались верить в то, что он жив. Судьба вознаградила нас. Он вернулся в 1945 году с победой.

Тогда в июне 1941 я только что окончила 1 класс школы №89 по ул. Жуковского, ныне там специальная музыкальная школа при консерватории. В сентябре 1941 нас перевели в школу №3 по ул. Горького, но там мы проучились всего полгода, поскольку школу переоборудовали в госпиталь, а нас перевели в помещение художественного училища. Наш класс находился под чердаком с выходом на крышу. Обстановка была напряженная, увеличивалось число учеников за счет беженцев. Первые «военные» зима и весна были холодные, сидели в пальто, порой писали, не снимая варежек.

С первых месяцев войны в Казань стали прибывать беженцы и эвакуированные из Минска, Киева, Ленинграда, Москвы. Население нашего города росло, квартиры заполнялись приезжими. У нас с мамой жила пара из Москвы – сотрудники академии наук, но вскоре мужа призвали на фронт.

Уже с первых холодных дней начались трудности с отоплением. Мы топили печь через каждые 3-4 дня (тогда большинство домов не имели центрального отопления). Жили мы на ул. Малая Красная (район площади Свободы), все удобства были во дворе, а воду обычно приносили с колонки на углу улицы.

Прекрасно помню, что из-за военного положения требовалось соблюдать затемнение окон, а в случае тревоги нам необходимо было иметь наготове вещевой мешок с документами и сухим пайком, например сухарями. Такой мешок был и у меня, являясь неотъемлемым атрибутом моей кровати.

С первых месяцев войны из магазинов исчезли многие продукты: масло колбасы, сладости. Повсеместно стали вводить систему карточек, в частности, на хлеб, помню, что на меня была норма в 400 грамм. Повсюду в магазинах выстраивались длинные очереди за спичками, солью, керосином. Рядом с нашей улицей на спуске к р. Казанке был базарчик, где с раннего

утра по записи стояли в очереди люди, желающие что-то продать из старых вещей и тут же купить на вырученные деньги продукты. Удивительно при этом то, что такая обстановка не озлобляла людей, скорее сплывала, укрепляя веру в себя и свои силы, надежду на скорейшую победу в войне.

Помимо общеобразовательной я училась в музыкальной школе, на уроки музыки ходила на дом к преподавателю (т.к. была серьезная нехватка учебных классов в музыкальной школе №1), живущей недалеко от нас на улице Тельмана. Уроки музыки становились для меня мгновениями, на протяжении которых я словно уносилась вдаль от всех невзгод и суровых будней и погружалась в сказочно прекрасный мир, в котором все были счастливы. Замечу, что мои уроки в соответствии с расписанием проходили следом за Софией Губайдуллиной (ставшей, впоследствии всемирно известным композитором).

Поскольку в те суровые дни войны в нашей школе №3 располагался госпиталь, то ученики школы взяли шефство над ранеными бойцами-красноармейцами. В госпиталь мы ходили почти каждый день помогать: писали письма, убирались в палатах и выступали с номерами художественной самодеятельности. Помню, я пела песню «Черные ресницы, черные глаза» (была очень популярна с 1942 года), слова которой остались со мной на всю жизнь:

Вот умчался поезд, рельсы отзвенели,
Милый друг уехал, может, навсегда.
И с такой тоской вслед ему смотрели
Черные ресницы, черные глаза.

* * *

Сокол краснозвездный в небо вылетает,
Для врагов-фашистов страшен, как гроза.
О таких в народе песни сочиняют,
О таких мечтают черные глаза.

Раненые старались о нас рассказать в письмах своим близким и даже как-то раз написали о нас в газету.

Одним из правил жизни в то время было – помогать друг другу, тем, кому ещё труднее, чем тебе. Собирали деньги на помощь фронту, пожилые женщины вязали носки для солдат, отправляли через райсоветы. Детей также обучали шить, вязать, стирать, выживать в военных условиях, не забывали и о нашей физической подготовке, уже в третьем классе нас учили одевать противогаз, мы сдавали нормы ГТО. В этот период произошло знаменательное событие – нас принимали в пионеры, что было не только волнительно и повышало нашу дисциплину и сознание. Учились на книгах Гайдара «Чук и Гек», «Военная тайна», «Тимур и его команда» и ряде кинофильмов.

Даже сильные морозы 1941-1942 годов не останавливали жизнь школьников. В городе продолжали работать кинотеатры, слушали радиоточку-тарелку, грамзаписи на патефонах. Помогало выживать в это трудное время искусство. Зная о бригадах артистов на фронте, для нас, тружеников тыла, силами артистов оперного театра безвозмездно давались концерты и спектакли. Так я с мамой была на постановке оперетты И. Кальмана «Сильва». Помню, зал был переполнен. Для меня постепенно своеобразным «оазисом культуры» стал Дом офицеров на площади Свободы, в зале которого ежедневно показывали кинофильмы. По воскресным дням там проходили театральные постановки, а под новый год были незабываемые детские новогодние представления – настоящая ёлка!

Хорошо помню, что центром притяжения людей была площадь Свободы, на ней ещё не было памятника Ленину, не было оперного театра (его стали строить уже после войны с привлечением пленных немецких солдат). Но там, на столбах были вывешены несколько огромных

громкоговорителей, развернутых по сторонам света, из которых чаще всего раздавался магически завораживающий баритон знаменитого диктора радио Юрия Левитана. На всю площадь, а затем эхом на прилегающие кварталы, разносилось раскатистое: «От Советского информбюро...». И у всех людей, даже нас – детей всё содрогалось внутри. Помню как уже в 1943 году, когда наши войска освободили Киев, люди со всех окрестных улиц бежали к площади Свободы, обнимались, радовались, а кто-то пустился в пляс. Ну а что творилось под огромными громкоговорителями на площади в день Победы 9 мая 1945 года словами невозможно передать, скажу одно – незабываемая картина слёз и радости ...

В конце войны нас – школьников снова впустили в здание школы №3, но уже только девочек, отдельно от мальчиков, которые перешли в школу №19. Появилась школьная форма, вводились новые предметы – стенография, психология.

Мой папа вернулся домой, уехали эвакуированные, закрывались госпитали. Мы зажили мирной жизнью, конечно благополучной не на 100%, но без эмоциональных потрясений, голода и стрессов. Мы, дети, выросли и по пустякам не хандрили. Мы выстояли, выдержали и ... выросли! Детство закончилось вместе с войной. Воспоминание одного события на всю мою жизнь усилили воспоминание другого. Такое невозможно забыть.

Минахметов Камиль Гусманович

Родился в 1933 г. в п. Нурлат Татарской АССР.

Мое детство

Я родился в небольшом поселке под названием Нурлат (с 1968 г. Нурлат получил статус города), расположенном на юге Татарстана. Когда началась война, мне было всего восемь лет. Наша семья жила на железнодорожной станции в казарме, где помимо нас проживало еще четыре семьи. Каждой семье выделялась одна небольшая комната, но даже ее сложно было протопить, постоянно было холодно. Было большим счастьем, что фашисты не добрались до нашего городка. Но так как я жил на станции, то видел, как с тяжелым сердцем, в сильных истериках провожают солдат на фронт, в каких условиях и в каком состоянии везут раненых. Это было страшно.

Еды постоянно не хватало, в день рабочим по карточкам выдавали 650 граммов хлеба, а всем остальным – всего 200 граммов. Если в семье не было коровы, то это верная смерть. Мы собирали по полям мерзлую картошку, а летом - траву. Из этой травы делали лепешки.

Голодные, в худой одежде мы шли в школу, находящуюся за четыре километра от дома, в соседнем селе, куда можно было добраться только через открытое поле. В школе дети учились в две смены, и вечером, когда становилось совсем темно, учитель зажигал небольшую свечу и ставил рядом со своим столом. Чернил для письма не было, и мы разводили сажу. Да и писать было особо не на чем: мы писали между строчками уже заполненных листов, а на контрольную выдавался всего один листок, который ни в коем случае нельзя было испортить.

Одежда была вся поношенная, старая. Одну и ту же обувь одевали по очереди все дети, чтобы добраться до школы. Учителя нам всегда говорили: «Не страшно, что одежда старая, главное, чтобы она была без дырок и чистая».

Несмотря на все неприятности, нам было интересно в школе, особенно под новый год, когда устанавливали елку. Сейчас я понимаю, что тем самым люди пытались снять напряжение ощущением праздника даже в такое страшное время. Мы немного завидовали детям колхозников: им на новый год выпекали совсем маленькие, но ароматные булочки с сахаром. «Ничего вкуснее мы в жизни не пробовали», - говорили они.

Учиться в жестоких условиях зимы становилось подвигом. Учителя и ученики сами добывали топливо, возили на санках воду, следили за чистотой в школе. В школах стало необычайно тихо, дети перестали бегать и шуметь на переменах, их бледные и изможденные лица говорили о тяжких страданиях. Урок продолжался 20-25 мин.: больше не выдерживали ни учителя, ни школьники. Записей не вели, так как в не отапливаемых классах мерзли не только худые детские ручонки, но и замерзали чернила.

В казарме мы жили дружно, потому что делить было нечего, все жили на равных правах. У нас была общая баня, думаю, этому можно было позавидовать. Но голод и холод не давали никому покоя. Было безумно тяжело смотреть на родителей, которые просто не знали, как прокормить семью, недоедали сами, чтобы дать больше еды нам, хотя сами работали по 18 часов в сутки, а работа на железнодорожной станции была далеко не из простых, и были совершенно без сил. Каждый день я видел, как мама плачет и начинал плакать сам, не до конца осознавая, почему.

Как я уже говорил, в казарме было очень холодно, поэтому мы сжигали старые рельсы, но этого, конечно, не хватало.

9 мая 1945 года мимо нашей станции проезжал поезд, который никак не мог преодолеть подъем, но даже на далеком от нас расстоянии мы

слышали это долгожданное и заветное слово: «Победа!». Те чувства и эмоции, которые мы тогда испытали, просто не передать словами. Не дай Бог кому-то пережить то, что выпало на нашу долю. Война забрала наше детство и юность. Наше поколение не такое как ваше, поэтому мы часто не понимаем друг друга.

Я старался забыть все страшные события, случившиеся в эти годы, но порой проснешься ночью, вспомнишь, и кричать хочется. Поэтому нам следует ценить мир, который был принесен такой отвагой и трудом.

Все люди в то время жили верой, верой в победу. Война коснулась всех – от мала до велика. Сегодня дети войны – это особое поколение россиян. Сегодня они – последние свидетели тех трагических дней. Последние свидетели Великой Отечественной войны. За ними больше никого!

Мингазова Марзия Кадировна

Родилась 1 мая 1933 г. в д. Тюнтер Балтасинского района ТАССР, там семья пережила войну, работала в колхозе, отец пропал без вести в 1943 г.

Слово «война» – неизлечимая рана

Война для меня - это несбывшиеся мечты, утраченные надежды на счастливую жизнь. Это последнее пожатие руки, последний поцелуй, последний взгляд близкого человека. Это лютый холод, жуткий голод, кровь и смерть.

Я очень хорошо запомнила начало войны. Мне было тогда семь лет. Утром нас разбудил небывалый шум, плач женщин у околицы. Из районного центра сообщили о вероломном нападении фашистской Германии в Советский Союз.

Моего отца Кадира Сафиуллина и его родных братьев: Хурматуллу Сафиуллина, Габделхака Сафиуллина, Тахира Сафиуллина забрали на фронт. Как сегодня помню, как провожали моего отца. На нем была голубая рубашка, пиджак. Он попрощался с нами дома. Трехлетней сестренке обещал привести расческу, десятилетнему брату перочинный ножик, а мне ленточку на длинные русые косы. Бабушка и дедушка проводили отца до ворот. Мы

долго стояли у окна, провожая глазами самого близкого и родного человека до тех пор, пока они с мамой не скрылись за зданием клуба. Мы тогда и представить не могли, что больше не увидим нашего папу, что он погибнет на третий год войны. За всю мою долгую жизнь я не могла смириться с этой горькой утратой. Жила с надеждой, что обязательно он вернется.

Начались тревожные дни, недели, месяцы и годы войны. Наше детство проглотила война, юность – послевоенная разруха и голод. Нас воспитала война. Она научила нас работать, не покладая рук для фронта, вытерпеть все трудности жизни, ценить настоящую дружбу, поддерживать родных и в горе, и в радости.

В первый год войны все наши односельчане жили неплохо. А с 1942 года мы начали испытывать все тяготы войны. Одевались в старые изношенные или переделанные с заплатками одежды. Основная обувь тех лет это – лапти. В школе уже перешли на перьевые ручки. Вместо чернил пользовались сажеей. Разбавляли ее водой. В классах был страшный холод. Навсегда запомнила смерть моей одноклассницы Гульбахар. Она померла прямо на школьной парте от голода. Отец на фронте, дома – больная мать. Некому было достать еду. Это была наша первая встреча со смертью, и она осталась в моем маленьком сердце навсегда.

Русский язык нам преподавала жена татарского писателя Шайхи Маннура Тагзима апа. Она, как могла, поддерживала нас теплым словом. Физкультуру и математику преподавала фронтовик Сайда Мухаметшина. На ней была длинная шинель до пят и шапка-ушанка с красной звездой. Мы очень уважали ее. Но наша самая любимая учительница военных лет это – Бану Гафарова. Она после уроков звала нас с Альфией к себе в гости, дарила карандаши, угощала вареной картошкой. С огромной благодарностью вспоминаю наших добрых учителей военных лет: Серафиму и Василия Михеевых, Ханову Джамилю, Самигуллину Раису. Они помогали нам пережить и голод, и холод давали надежду на победу, на счастливую жизнь.

Всю теплоту сердца они передавали нам. Иначе мы не смогли бы выжить в эти горькие дни!

На уроках в основном слушали, писали между строчками книг, так как не было тетрадей. После уроков отправлялись с учителями в колхозное поле собирать выпавшие колосья. До вечера работали, а вечером при свете лучины вязали шерстяные носочки и варежки для фронтовиков, сушили картошку, готовили посылки для фронта, писали письма. Вместе с нашими матерями, не покладая рук, как взрослые, трудились в колхозе. Работа в колхозе была очень тяжелой. Животных кормили сеном, если его не хватало, срывали с крыш солому. Во время весенней посевной старики брали лукошко и шли сеять вручную. В годы войны вся земля колхоза обрабатывалась вручную, на лошадях и коровах. Во время осенней уборочной жали пшеницу и рожь серпом, потом вязали снопы, а после вязки делали из снопов скирды, затем молотили.

Война приближалась к Волге и наших матерей забрали рыть противотанковые рвы. Мы дети оставались с престарелыми бабушками и дедушками. Было очень голодно. Каждый день приходилось как-то стряпать еду для всех. Насчет хлеба уже забыли, картошки нет, приходилось обращаться к матушке-природе. Она спасала нас. На лугу и в лесу рвали щавель, мангирь (лесной луг), лебеду, молодую крапиву. К вечеру варили суп из молодой крапивы или из щавеля. Бабушка пекла лепешки из лебеды. Они были очень горькие, но утоляли голод. Основной едой в осенний период была гнилая картошка, собранная или в огороде, или в колхозном поле. Её тёрли и пекли лепешки – дируны. Она была такая вкусная, что казалось нам вкусным лакомством! Для чая вместо заварки употребляли сушеную морковь и свеклу. Летом с деревенскими ребятами рано утром отправлялись в леса. Собирали малину, землянику, орехи, разные полезные листья для чая.

Запомнился один случай, произошедший со мной и с моим братом. Однажды мы ходили в лес за малиной и отстали от наших ребят. Решили

вернуться по прямой тропинке и застыли как вкопанные: прямо к нам направлялась стая волков. Впереди идет вожак. Я очень испугалась, громко заревела. Брат взял меня за руку, медленно отвел в сторону, тихим голосом велел успокоиться. Удивительно, но волки ушли! Мы целые и невредимые вернулись домой.

Несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на их долю, мои односельчане жили дружно. Они помогали друг другу, поддерживали, утешали тех, кто получил «похоронку». Общая беда сплотила людей, делала их сильнее. Спичек не было, и мы по очереди носили горящие угли соседям. Соседский мальчишка Нургали зимой в первую очередь приносил горящие угли одиноким пожилым Бибинур апе и Мухаметгали абзи. Мы мыли им полы, полоскали белье. Они топили печку соломой, варили там картошку и кормили нас. Наша соседка бабушка Сэрви для детей нашей улицы была «главным законодательным органом». Она учила нас одеваться опрятно, аккуратно, учила следить за собой. Она была строгая, но справедливая. Мы ее и уважали, и боялись. Она была для нас примером.

Очень хотелось вымыться в бане, но не было мыла. У нас были вши. Наша соседка затопила баню и позвала всех соседских девочек (нас было десять), вымыла и очистила от вшей.

Запомнился еще один случай, который запал мне в душу. Весной с соседской девочкой моей подружкой Альфией отправились рано утром в колхозное поле. На поле, на месте, где стояли стога пшеницы, лежали выпавшие промерзшие зерна. Из этих зерен можно было сварить суп. Мы сначала ковшиком скоблили из промерзшей земли эти зерна и набирали в ведра. Так увлеклись этой работой, не заметили, как солнышко взошло и согрело землю. Мы всполошились, хотели побежать, но земля прогрелась и образовалась каша. Никак не можем оторвать ноги от грязи – тянет как в болоте. До дороги далеко. Кругом ни души! Кричим, ревом: «Помогите!

Помогите!» Думали, что здесь наша смерть! Около дороги шли лесорубы из леса. Они помогли нам выбраться на дорогу.

Любой ценой нужно было выдержать, вытерпеть, вынести тяготы этой войны! И мы выдержали! Я помню, как мои одноклассники-мальчишки из колхозного поля в школу приносили нам, слабым голодным девочкам, по горсточке зерна. После уроков на укромном месте мы жарили эти зёрна и ели. Колхозные поля и днем, и ночью охранялись. Если кто попадётся с поличным – судили и сажали в тюрьму. Мои добрые одноклассники! Как они рисковали!

Шла война, но жизнь продолжалась. Мы – дети войны, несмотря на безрадостное детство, продолжали учиться, играть. Сельская библиотека работала на протяжении всех военных лет. Библиотекарь Асия апа всегда встречала нас приветливо. На большом столе были разложены кипы газет и журналов. Мы просиживали там долго. Библиотека была расположена в маленьком домике. Там было так тепло и уютно! Выкроив свободную минуту, мы бежали туда! Он как магнит притягивал нас к себе. Читали произведения Габдуллы Тукая, Мазита Гафури, Хади Такташа.

В сельском клубе ставили постановки пьес на военную тематику, проводили литературные вечера, новогодние елки. Отмечали красные календарные даты – Седьмое ноября и Первое мая, пели песни о великих вождях Революции – Сталине и Ленине. Они были нашими кумирами.

Мы – соседские ребята – Гафурзян (он учился вместе с первым космонавтом Юрием Алексеевичем Гагариным и стал летчиком-испытателем), Бари, Талгат, Мубаракзян вместе ходили за хворостом. С наступлением весны, когда горки очистились от снега, шли пасти овец. Из дома давали по две картофелины. Каждый делал пометку на своей картофелине, чтобы легко можно было найти свои. Мы их варили на костре, который разжигали коровьим пометом и на их золе пекли картошки.

Помню еще один случай. Однажды зимой я пошла за водой в родник. На ногах были самодельные лапти. Наклонившись, набрала воды в ведра, поскользнулась и упала в воду. Ребята вытащили меня из ледяной воды и проводили домой. Потом я долго болела.

Самое горькое событие этих военных лет, отмеченное в моем сердце кровью – это 1943 год. Мы получили известие том, что наш дорогой папа пропал без вести. Мать стояла как вкопанная, уже полуслепая бабушка охнула и согнулась, дедушка застонал и сел, брат, моя сестренка и я громко заплакали! Этот день я запомнила на всю жизнь! Но в наших сердцах тлел маленький уголёк надежды. Мы верили и надеялись на чудо.

Наш дом был большой. Была горница и кухня. К нам поселили 11 эвакуированных жителей города Ленинграда. Мы жили с ними, как родные. Научились разговаривать с ними на русском языке. Бабушка Люба варила суп на маленьком чугушке, а моя бабушка в кастрюле. Баба Люба так вкусно пекла лепешки – дируны (из гнилой картошки), а моя бабушка – блины. Они уважали нашу религию. С их детьми мы вместе играли, помогали друг другу, менялись личными вещами. И после войны, когда они вернулись в свой родной город Ленинград, мы долго не теряли связи с ними. Дедушка посылал им тёплые валенки, а от них получали посылки с гостинцами.

Наступила, наконец, долгожданная Победа! Эту весть нам сообщили в школе. Нас построили в линейку. Все кричали ура. У всех радостные, счастливые лица. Многие плакали от радости. Ликование продолжалось долго, пели песни, звучала музыка.

Для нас появилось новое интересное занятие: мы каждый день бежали встречать фронтовиков. Вернулся и отец моей подружки Альфии. Принёс два чемодана немецких вещей: отрезы для платьев, одежду. Вошла к нам счастливая Альфия и предложила мне красивую крепдешиновую ткань для летнего платья на Сабантуй. Моё сердце ёкнуло, что-то оборвалось внутри, не помня себя от злости на фашистов, я закричала: «Нет, не надо, не хочу

фашистских вещей! Они убили моего отца! Ненавижу, ненавижу, пусть будут они прокляты!» Расстроенная моя подружка со слезами на глазах побежала домой. После этого случая мы долго не разговаривали с ней. Мы научились жить без отца, но просыпалась зависть, когда кто-то шел с отцом за руку по улице. Миллион раз за всю мою жизнь хотелось произнести слово «Папа»! Мы как-то утешались тем, что есть у нас наш дорогой добрый дедушка, вернулись с фронта живыми и здоровыми братья отца: Хурматулла, Габдулхак и Тахир. Они всегда помогали и поддерживали нашу семью и добрым словом и материально. Каждый раз внимательно изучая их лица, я искала там черты отца. Я часто с подружками ходила в сельский клуб и наблюдала из окна, как мой дядя Тахир танцует с девушками, следила кого он провожает, восхищенными глазами смотрела на его стройную фигуру в длинной солдатской шинели, как он набекрень надевал солдатскую фуражку с красной звездой.

Дядя Тахир заменил нам отца. Обращался с нами мягко, часто приходил к нам домой и предлагал свою помощь.

Модин Геннадий Константинович

Родился 9 февраля 1932г. в с. Три Озера Куйбышевского района Татарской АССР. Работал в колхозе, позже окончил ремесленное училище.

Я быстро повзрослел

Когда к нам в село пришла война, к ней никто не был готов. Я помню весь военный период, все тяготы, перенесенные нашими мамами, бабушками и нами – детьми войны. Я быстро повзрослел.

Я родился и вырос в деревне Три Озера Куйбышевского района. Когда началась война, мне было 9 лет. Я был единственным ребенком в семье, которого очень любили и немного баловали родители. В нашем доме всегда было тепло, хорошо и уютно. В тот день, когда началась война, я как обычно гулял по деревне, забежал к бабушке в соседний дом. Из старинного радиоприемника «Беларусь» я услышал, что Германия объявила нам войну. В тот момент я даже не понял всей серьезности сказанного по радио суровым грозным голосом. Я увидел грустное лицо бабушки, потом услышал плач из соседнего дома. Этот день запомнился только лишь криками женщин, суетой и слезами по всем домам нашей деревни.

Когда я бежал к родителям, в голове не было ни капли страха, ни ужаса, ни горечи, скорее всего от того, что я не понимал, что ждет нас дальше. Почему то, я чувствовал гордость – теперь мой народ остановит врага, я думал, что победа достанется нам быстро и легко, но все оказалось иначе.

Родители не слышали объявление по радио и беседовали со своими друзьями, сидя на кухне. Забежав в дом, сразу с порога я закричал одну только фразу: «Война! Началась война!» Отец сразу же встал, и, не сказав ни слова, не посмотрев даже на меня, решительным шагом вышел из дома. Взрослые мужчины сразу пошли в военкомат, где окончательно убедились, что теперь они – это защита нашей страны, они будут отстаивать честь нашего могучего народа, бороться с фашистами.

На второй день начались сборы на войну, каждый день картель забирала из нашей деревни мужчин. Провожали на войну с гармонью, громко и весело, наверное, чтобы у мужчин оставался стимул вернуться туда, где он родился, вернуться на свою землю, нетронутую вражеской рукой.

Ночами, когда мама думала, что я уже сплю, я слышал, как она плакала, я слышал ее молитвы, она просила у Бога только здоровья и сил папе и всем тем, кто ушел на фронт. Раньше, я никогда не слышал, чтобы мама молилась. Вот тогда я понял, насколько страшна война. За неделю забрали всех мужчин, в селе остались только маленькие дети, старики и женщины.

С началом войны жизнь в нашем селе изменилась до неузнаваемости. Теперь не было шумных застолий, веселых прогулок с утра до поздней ночи. В каждый дом пришли грусть и горе, голод и слезы. Мне стало казаться, что все дни стали абсолютно однообразными, серыми. Каждый день я просыпался и засыпал с одной только мыслью: «Только бы мы победили»

Повестка в наш дом пришла через три дня, папу – Модина Константина Ивановича, забирала в войска НКВД, как коммуниста. Мама, собирая его

сумку, горько плакала над его вещами. В нашем доме стало печально. Я не допускал мысли, что мой отец может не вернуться, и думал только о победе.

Я остался жить с мамой и бабушкой. Мобилизация обошла их стороной, многих женщин забрали в село Тетюши: рыть окопы, шить одежду, помогать раненым. В нашем селе мы почти не встречали лошадей, их забирали на фронт. В те суровые годы приходилось придумывать любые способы, чтобы выжить. Тогда и придумали обучать коров, всем тем командам, что раньше выполняли лошади. Хоть они и плохо поддавались обучению, толк все же был.

На полках магазинов, которые и до этого не пестрили выбором товара, теперь не было совершенно ничего. Я помню, что нашими основными блюдами стали сушеные колоски пшеницы, залитые молоком и картофельная кожура, сваренная в воде. Мы с ребятами бегали на поле, набирали полные карманы и бежали домой, стараясь не выронить ни одного зернышка, в то время каждая крупинка была на вес золота. В нашем селе люди стали умирать от голода, и это было ужасно. Единственным лакомством, которое действительно обожали все ребята, были лесные ягоды ежевики. Обычно мы искали их на сеноуборке, если мне везло, то получалось найти и съесть пару ягод или унести домой, чтобы угостить маму и бабушку.

Сразу же, как забрали папу, я решил, что пойду работать. На поле, где паслись коровы, меня взяли конюхом, все дни с самого раннего утра и до позднего вечера я проводил там, убирал навоз, траву, листья.

Однажды на наше поле упал советский штурмовик. Я часто вспоминаю этот случай. Это случилось совсем недалеко от моего дома. Мою маму, как активистку, отправили наблюдать за ремонтными работами над ним. Я старался прибегать к ней и смотреть, что там делают. Каждый день в наше село прилетали инженеры из казанского авиационного завода. На наших глазах самолет восстановили: отремонтировали корпус, перебрали двигатель. Но, когда штурмовик, попытался взлететь, начав набирать высоту,

упал на этом же поле. Пилот погиб. Все это было на глазах всей нашей деревни. Мы очень переживали. Каждый односельчанин вложил в ремонт самолета свои силы, свою веру и, каждый надеялся, что именно этот самолет еще послужит Родине, еще сможет уничтожить врага.

Я работал каждый день и времени играть почти не оставалось, только иногда мы позволяли себе немного поиграть. Единственная игра, которая доставляла всем ребятам удовольствие, была «лапта», вся ее суть заключалась в том, что бы в воздухе сбить палкой тряпичный шарик. Мы любили эту игру, но в нее играли только мальчишки. А в прятки любили играть все без исключения и мальчики, и девочки. Я помню, что прятался я умело. Меня редко могли найти ребята и всегда поражались моей ловкости и сообразительности.

Отвлечься от забот, от тяжелых мыслей помогали книги. Книги были труднодоступной роскошью для простого сельского жителя, стоили дорого, да и найти их было очень трудно. У учителей и агронома имелись свои личные библиотеки, мы с ребятами приходили к ним за книгами, они давали их совершенно каждому, не требуя ни чего взамен. Прочитав одну, мы сразу бежали за другой. Сейчас я уже не вспомню названий этих книг, но одно я помню отчетливо, что каждая из них доставляла мне удовольствие от прочтения, счастье и спокойствие.

Школьные годы я помню очень отчетливо. Ходить на занятия было тяжело, да и не в чем. У меня были плетенные калошки из липы. Бабуля обвязала их старой материей, поэтому ходить было не так жестко и имели они вполне приличный вид. На верх я надевал старую рубашечку, подпоясанную ремешком и штанишки, и так я ходил в школу. В 1941 году я пошел в третий класс, в день было всего пара уроков (литература и русский язык), по-моему, больше никаких, об иностранных языках даже не упоминалось, было до боли противно слышать немецкий.

Когда под Сталинградом наши войска отбивали натиск врага, нам на уроке объясняли, что немец совсем близко и показывали на карте, и в то время нас охватывал страх и ужас. Юлия Ивановна, наша первая учительница, ежедневно передавала нам сводку, о положении военных действий на поле боя. Молодая красивая девушка многому нас научила, была для нас второй мамой, к ней мы бежали за информацией, от нее мы получали известия и горевали и радовались вместе. Умерла Юлия Ивановна при родах, и когда ее не стало, мы в очередной раз ощутили горький вкус утраты.

Несмотря на лютый голод, в нашей деревне люди всегда старались придти друг другу на помощь, помогали, как могли, кто куском хлеба, кто горсткой пшеницы. Сосед, даже под угрозой ареста, старался помочь нашей семье. Будучи заведующим склада, он частенько набирал в карманы маленькие горстки крупы, а потом приносил моей маме. Из этой пшеницы мама варила нам «болтушку» – густую-густую кашу из воды и зерна. Каждому доставалось по паре ложек этого блюда.

Я знал эвакуированных, одна московская семья жила около меня по соседству. Много они не рассказывали, они были очень напуганы, очень бедны и голодны, чтобы хоть как то выжить, они продавали последние свои вещи. Зная их тяжелое положение, соседи не бросали их в беде, и каждый старался помочь, как мог, кто куском хлеба, кто молоком, кто зерном.

Самый тяжелый и голодный год для села был 1943. Я помню, что мою маму чуть не посадили в тюрьму. Собрав карман пшеничных колосков на поле, она решила их продать, чтобы хоть как то прокормить нашу семью, но люди бывают разные. Кто-то донес, что мама взяла домой пару колосков и ее увезли на несколько недель в Куйбышев. Новости до нас доходили лишь по слухам, и самое страшное в тот момент была неопределенность за судьбу мамы. Я ужасно скучал без нее, мы с бабушкой- инвалидом остались совсем

одни, переживали, день и ночь не находили себе места и ждали, когда же мы снова сможем увидеть и обнять ее. Маму отпустили. Ей грозил срок 10 лет.

Рано утром в мае 1945 г. все сбежались к пожарной вышке, по радио передавали об окончании войны. Это и стало самым запоминающимся и главным событием. Если сравнивать 1941 год и 1945 год, то под конец войны жить стало легче. Мы привыкли к войне – жизнь казалась уже обыденной, простые блюда казались как само собой разумеющееся, кусок хлеба был счастьем и казался уже не таким маленьким. В 1944 году в селе вновь появились лошади, которые облегчали сельскую жизнь. С фронта приходили новости, что враг отступает, и ощущение страха стало отступать, стало легче.

Для отчаянья не было времени. Никто не унывал, и все село работало, не покладая рук. К концу войны я чувствовал себя совсем взрослым. Помогали на полях, учились связывать снопы, помогали их перевозить на переработку.

Радость переполняла нашу семью, когда домой вернулся отец. Мы ехали на лошади, а папа шел к нам пешком, я издали узнал его, и вот мы встретились, и сразу стало спокойно и радостно на душе. Теперь вся наша семья была вместе.

Победителей мы встречали всем селом в клубе, поздравляли, праздновали все вместе, устраивали концерты. Там же и вспоминали всех тех, кто не вернулся обратно домой.

После войны я учился, работал, женился, у меня родилось трое замечательных детей, у меня была престижная, хорошая работа, в своих краях я знал уважение и почет, у меня была крепкая семья и красавица жена.

Сейчас мне 82 года. Я живу все в том же селе и часто с горечью вспоминаю те суровые годы военного времени.

Мокиева (Поздеева) Римма Петровна

Родилась 5 августа 1931в г. Зеленодольск Татарской АССР, отец погиб на фронте

Когда началась война, мне было всего 10 лет. В то время я вместе со своей семьей жила в бараке, в котором было 27 комнат и только одно радио у соседей. Благодаря этому мы все и узнали о начале войны. Я помню, словно это было недавно, как соседка бегала по всем квартирам и сообщала эту страшную новость. Все начали плакать, и взрослые и дети. Это было большим горем для всех!

С началом войны наша жизнь изменилась, несомненно, в худшую сторону. Отец, глава семьи, ушел на фронт, и я со своими братишками и сестренками осталась «на руках» бедной нашей мамочки. Она в свою очередь еще и работала на торфоразработках. Мы ходили в школу, старались учиться прилежно, но все было каким-то не таким, как раньше, до войны. Яркие, наполненные жизнью дни превратились в серые и хмурые. Питания не хватало, маме было очень сложно прокормить нас. Помню, в то время у многих была «куриная слепота», она развивалась как раз из-за плохого питания. Вечером очень сложно было что-либо разглядеть.

Я помню, будто это было вчера, как мы провожали отца на фронт. Это было 7 марта 1942 года около 7 часов вечера.

В этот вечер забирали не только моего отца, но и еще многих мужчин. Проводы проходили в клубе «Фанерском». Все были растеряны, не знали, что говорить друг другу. Семьи стояли в отдельных маленьких группах, обнимались и плакали. Провожали на станцию «Зеленый Дол», откуда и уходил поезд с нашими отцами, мужьями, сыновьями.

Взрослым мы, дети, помогали, как только могли: копали огород, сажали картошку, ходили в лес по ягоды, по грибы, собирали всякую траву, которая хоть как то могла утолить голод, рубили дрова, топили печи. Также моя обязанность была ежедневно ходить за хлебом.

Как я уже упоминала выше, люди в военное время питались очень плохо. Есть было практически нечего, каждый выживал, как мог. Была у нас корова, которую мы держали в сарае. Она давала молоко, которое хоть как то спасало от голода. Я помню зимой, что бы она у нас не мерзла, мы закутывали ее в одеяла, очень ее берегли. А так, что только не жевали, что бы обмануть желудок: вар, парафин. Ходили в лес, собирали смолу. Она была очень горькая. Все это мы делали, что бы хоть как то забыть о еде.

У нас на базаре продавали казеиновые лепешки (из клея). Вспомнился случай, как меня однажды няня послала за такой вот лепешкой. У меня было пальто с большими карманами, в один из которых я положила лепешку, а по приходу домой обнаружила ее отсутствие. В то время за любой едой нужен был глаз да глаз. Ни молока, ни масла, ничего такого не видели. Привозили какой-то паек из Америки, единственное запомнилось, что в нем присутствовал яичный порошок, из которого делали омлет и что-то еще. Давали хлебные карточки, по 350 г хлеба на человека на 1 день. На нашу семью давали не полную буханку (уголочек отрезали – перевес). Бывало, несешь ее домой, и смотришь с какой бы стороны хоть немножечко отломить, да еще и собаки отнимали, и такое было. Ходили в деревни,

собирали дикий лук, лебеду. Из лебеды пекли хлеб, из картофельной ботвы, из клевера варили каши. Пили воду, ни заварки, ни песка, соответственно, не было. Благо, колонка с водой была под окнами, одна радость. Для меня лакомством в те годы казался хлеб и сахар. Надо же, а сейчас живем в достатке, и не верится даже, что когда-то было такое время...

Возможно, то, что я переживала военное время еще ребенком, я не совсем понимала всей его тяжести. С ребятами мы даже играли в игры, такие как прятки, третий лишний, штандер, в скакалки прыгали. Да, пусть они были примитивны, но они позволяли хоть на некоторое время забыть все то, что тогда окружало нас.

По выходным привозили фильмы и показывали их на улице на большом экране. Собиралось большое количество людей, все садились на землю и смотрели. Мы не все фильмы понимали, а все равно ходили и смотрели.

В школу ходила, училась. Иногда брала книги из библиотеки, читала по вечерам. Мой брат, Анатолий, очень любил читать. Помню, он хотел книгу М.Горького, в ней было много страниц, видимо, этим она его и привлекла. Мама купила ему эту книгу, он тогда очень обрадовался. Иногда мы садились все вокруг него и слушали.

9 мая 1942 г. в нашей семье случилось трагическое событие – погиб отец. Отец как ушел на фронт, очень долгое время ничего не писал, и мы все с нетерпением ждали письма. И вот его прислали с таким содержанием: «ваш муж и отец погиб». Я не присутствовала в тот самый момент, когда принесли письмо. А когда пришла, все уже плакали. Это было большим горем для нашей семьи. Письмо прислал политрук, в котором также было написано от лица отца несколько строк: он был жив еще 20 минут после того как пуля попала ему в грудь. Писал, что недавно приснился ему сон, что он с дочкой Любочкой, самой младшенькой, ходил в долину, а там было кладбище. А она ему и говорит: «Давай отец обуваться будем!» и приносит

белые тряпки какие-то, и стали они ими ноги обматывать. Пишет, что после сна этого подумал, что домой не вернется – так и вышло...

Самый ужасный момент, я думаю, был, когда совсем нечего было кушать. Но перенести все тяготы военного времени нам помогала дружба. У нас в бараке было 27 комнат, и никто никогда не запирает дверь на замок. Все друг другу доверяли, в гости ходили без приглашения, иногда вместе обедали.

Порой нас радовали такие события, которые в обыденное время просто показались бы смешными. Например, когда кусочек сахарку приносили, и то на душе радостно становилось. Всегда очень ждали Нового года и верили в чудеса.

В соседнем доме, помню, жила одна женщина, она была эвакуированная. По утрам она всегда очень громко плакала. Несчастливая... Она потеряла двоих детей, говорила, что весь дом, все разбомбили, только ей и удалось спастись. Нам было очень ее жалко и больно на нее смотреть. Тогда мы садились с ней рядом и тоже начинали плакать.

Хорошо помню тот знаменательный день, когда мы узнали о Победе. На улице был радиоузел, во время войны возле него собирались целые толпы и слушали, что происходит на фронте. Когда говорили, что наши города взяли, то все хлопали в ладоши, ликовали. Вот и о Победе многие из этого «узла» узнали. Все радовались, это было великим счастьем для русского народа. Семьи, у которых не пришли отцы и мужья, обнимались и плакали за погибших, и радовались, что закончились все эти мученья. Ко Дню Победы был парад, на который пришел почти весь наш город! Все ликовали! И радовались! И плакали!

Встречали с поезда воинов, вернувшихся живыми и с победой! Это было очень трогательное зрелище, когда родные находили своих мужчин, начинали обниматься, плакать, смеяться! Мы тоже встречали двух маминых

братьев, Ивана и Николая, они были живы и здоровы. Вот только Василию не суждено, видимо, было вернуться, а у него осталось двое детей.

И в заключение хотелось бы рассказать немного о моей послевоенной жизни. Жить остались мы в бараке. Мать ходила на ул. Карла Маркса на стройку дома для нашей семьи. Как сейчас помню, дом 46, квартира 6. Когда переехали все никак нарадоваться не могли.

Насретдинова Насима Закиевна

Родилась в 1927 г. в Казани, в 1932 г. семья переехала в деревню под Ростовом, была в оккупации.

«Война - это детский страх»

Война началась неожиданно, вести о ней дошли до нашей деревни ночью, слышались первые залпы. Мама сразу подняла всех детей и отправила в погреб, а потом родители пошли в дом культуры нашей деревни, чтобы послушать речь наркома иностранных дел Молотова. Я была старшей дочерью, и у меня на руках осталось 3 сестры и 2 брата, младшему не было и 2-х лет. Просидели в маленьком погребе целую ночь, дети постоянно плакали, а я их успокаивала, хотя плакать хотелось не меньше, немели ноги. Затем пришла мама, вся в слезах и подтвердила догадки о начале войны. Тогда казалось это невозможным, ведь я все детство провела спокойно и беззаботно под ясным небом.

На следующее утро папу и еще десятки мужчин из нашей деревни забрали на фронт. Это была трагедия для всей деревни. В последующие несколько месяцев жизнь наша особо не поменялась, мама, как и работала медсестрой в местной больнице, так и продолжила работать, только раненых было больше. Я же взяла на себя все хозяйство и уход за детьми. Единственное только, велено было заклеить окна черной бумагой. Так и жили мы в темноте. За два военных года от голода и от болезней умерло моих 2 брата и 2 сестры, что было для мамы сильнейшим потрясением. Вестей от папы не было, никто не знал что с ним.

Мы с моей сестрой Марьям, ей было 15, остались одни, мама работала, мы старались заниматься хозяйством. И вот в 1943 году в феврале в нашу деревню прибыли немцы. Как сейчас помню, мама ушла на работу часов в 5

утра, сестра спала, закрыв калитку за мамой, я пошла набирать снег в ведро, чтобы получить из него воду. Я вышла в огород и услышала немецкий говор, оглянулась и увидела немцев, их было человек 30, они спокойно стояли и курили сигареты, не заметив меня. Я не могла пошевелиться, как будто ноги отказали, настолько мне было страшно. И тут они разделились и пошли в разные дома, двое зашли в дом нашей соседки тети Нади, и раздались крики и выстрелы.

Я испугалась еще больше и побежала домой, разбудила сестру, все ей объяснив, мы быстро тепло оделись и притихли, стали слушать. Немцы не заставили себя долго ждать, они что-то спросили и постучали в дверь, которую мы предварительно заставили всем, чем можно, сундуками, стульями. Марьям начинала плакать, но я ее быстро привела в чувство. Не получив ответа, они принялись ее выбивать. Мы убежали в конец дома, открыли дверь с другого входа, но не решились выходить. Немцы выбили дверь, и зашли в дом, их было 3 человека. Выглядели они ужасно, я никогда еще не видела таких отвратительных людей. Они что-то говорили на своем и рассматривали наш дом. Вдруг один из них увидел нас, прокричал что-то и она втроем побежали за нами.

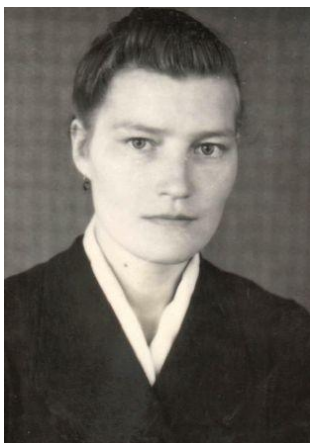
Мы выбежали из дома и побежали в сарай, забежали, наспех закрыли дверь, но эти трое окружили сарай с обоих выходов. В сарае было пару стогов сена, инструменты, кладовая комната и туалет. Оглядев все вокруг, я поняла, что прятаться некуда. И тогда Марьям взяла меня за руку и потащила в туалет. Она сказала: «Прыгай внутрь!». И мы обе прыгнули в дырку деревенского туалета. Он был очень глубокий, метра 2. И на наше счастье он не был полон. Я стояла в фекалиях по пояс, Марьям по грудь.

Невозможно было дышать, тошнило очень. Но у нас не было выхода. Очень хотелось жить. Мы забились по углам и притаились. Слышно было, как немцы выбили дверь и зашли в сарай. Они расстреляли стога с сеном, думали, что мы там. Посмотрели везде, походили, и ушли. Но мы все равно

не посмели выйти. И просидели в туалете примерно 10 часов, пока не пришла мама и не зашла в сарай.

Мы кое-как вылезли и побежали в баню. Это было ужасно, но нам так не хотелось умирать. И я очень гордилась своей смыслёной младшей сестрой, которая спасла нам жизнь. Спустя столько лет, я вспоминаю этот случай с улыбкой, но те чувства и эмоции невозможно передать. Война – это детский страх.

Прохорова Таисия Кирилловна

Родилась 28 октября 1928 г. в г. Казани, войну семья пережила в с. Старогусево, Бакалинского района, Башкирской АССР, работала в колхозе, на войне погибли два старших брата.

Военное детство

Вся наша страна всего через несколько месяцев, а именно 9 мая 2015 года, отметит 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. В эту войну нашему народу выпало много горя и страданий. Ни один дом не обошла похоронка. В каждую семью приходило это страшное известие и не одно, а два, три...

Мои родители, конечно, не испытали тягот войны - они молоды. А вот моим дедушкам и бабушкам это испытание выпало сполна. Я хотел бы рассказать о тёте моей бабушки, её зовут Таисия Кирилловна Прохорова, ей восемьдесят шесть лет. В судьбе Таисии Кирилловны отразилась судьба народа, страны.

Я взял у неё небольшое интервью.

– Таисия Кирилловна, расскажите, пожалуйста, о своих родителях.

– Мои родители приехали в Башкирию из Казани, когда они были совсем маленькими. Маме – 4 года, папе – 5 лет. Их семьи приехали в числе первых переселенцев, кругом стоял вековой лес. Моим дедушкам и бабушкам приходилось очень трудно. Вручную выкорчёвывали деревья, засевали поля. О себе они почти ничего не рассказывали. Почему они переехали из Казани в такое захолустье, потом названной деревней Гусево? Всё было окутано какой-то тайной.

Семья у нас была большая, три сестры и три брата. Никого не осталось. Два брата, Пантелей и Иван, погибли в войну. Ивану исполнилось всего восемнадцать лет, когда он добровольцем ушёл на фронт. Ушёл и не вернулся, погиб смертью храбрых.

– Таисия Кирилловна, расскажите о себе, о своей семье.

– У меня семья-то маленькая, сын да дочка. Дочку вот не уберегла, но, слава богу, сын у меня очень хороший, во всём помогает. Муж Василий, участник Великой Отечественной, умер восемь лет назад.

Сколько себя помню, всё время работала. С десяти лет, мы дети, вместе со взрослыми работали на полях: пололи, убирали хлеб, собирали колоски. Пахали на быках, коровах, а коровы не в силах пахать, истощены. Женщины бьют их бьют, а потом сядут и ревут. Я была погонялом, это всё видела и тоже редела. Зимой перед лучинками пряли, да вязали. Эти вещи потом отправляли на фронт.

Война – это голод, холод, страдания. Весной, когда снег сходил, все дети ходили на поля собирать мерзлую картошку. Потом с неё сдирали кожуру и лепешки пекли. В то время это самое вкусное лакомство было. Летом травой и ягодами питались. Как выжили, один бог знает.

Я говорила, что семья была большая, но хорошо, что у нас был дома тятя (мы папу так звали). Из-за пожилого возраста (ему к началу войны было уже пятьдесят семь лет) его не забрали на войну. В колхозе был

незаменимым работником: плотником, пахарем, извозчиком и даже фельдшером.

Я хочу рассказать один случай, который запомнился мне на всю жизнь. Это было сразу после войны. Дни стояли холодные, мороз трескучий, а избу топить нечем: дрова кончились. Летом на всю зиму не заготовишь - некогда. Заранее сходили в лес, заготовили сухостой, и тятя упросил бригадира дать ему лошаденку съездить за дровами.

И вот после работы, уже темнело, со старшей моей сестрой Полей поехали они за дровами. За ними увязалась наша собачка Шарик. Пока доехали, наклали дров, хорошо увязали возок, взошла луна, стало светлее. Тронулись, лошадка бежала быстро. И вдруг от леса отделились четыре неясные фигуры. Похоже, собаки бегут друг за дружкой. Нет! Какие могут быть собаки? Волки! Крупные, широколобые... Такие морозные лунные ночи волки любят, потому что издали слышно скрип снега под санями. Тятя и Поля оцепенели от ужаса. Конец!

Волки выскочили на дорогу и кинулись вдогонку, приближаясь все ближе и ближе. Тятя не растерялся, приказал Поле сесть впереди и гнать лошадь изо всей силы, а сам выдернул из воза большую палку, похожую на жердь, стал ею размахивать, обрушивать на головы волков. Два волка отстали, они овладели нашим Шариком. Изловчившись, тятя со всего маху ударил тяжелой дубинкой волка, который уже почти вспрыгнул на сани, и матёрый с раскроенным черепом упал. А четвертый постепенно сам отстал.

Как доехали до дома - не помнили! А утром я заметила у моей сестры серебряную прядь. Это случилось после войны в 1947 году. Этот год был самым холодным и самым голодным.

– Таисия Кирилловна, а Вы помните каким был долгожданный День Победы?

– Конечно, помню. Этот день не забудется никогда. Действительно, «это праздник со слезами на глазах». Кто поёт, а кто плачет.

– А дальше как Вы жили?

– Закончила бухгалтерские курсы в Бакалах. И 38 лет проработала бухгалтером в пимокатном цехе у слепых. А всего у меня рабочего стажа 41 год.

Сейчас на пенсии, живи да радуйся, но годы берут своё, здоровье пошаливает. Ну, ничего, будем живы – не помрём!

Таисия Кирилловна никогда не унывает, шутит. А какая у неё в доме чистота, уют! Она очень гостеприимная, никого не оставит без гостинцев. Благодаря таким простым женщинам и ковалась Победа!

Скопин Павел Иванович

Родился 21 декабря 1895 г. в д. Б. Скопины Верховенской волости (уезда) Вятской губернии – (ныне ст. Юрья Первомайский район Кировской области), участник 1 мировой войны, во время войны - главный бухгалтер Казанского завода "Искож", награжден медалью "За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», член КПСС с 1944 г.

Родился Павел Иванович Скопин в бедной крестьянской семье. У родителей Павла было 5 дочерей и единственный сын. Зимой отец Иван Ефремович уходил на заработки - на строительство железной дороги Вятка-Котлас.

Павел окончил 3-классную сельскую школу, был очень способный к учебе, и земство предлагало отправить в реальное училище, но отец был категорически против – ему нужен был работник.

В 12 лет с помощью тетки Агафьи тайно уехал в Пермь к родственнику, который работал на фабрике-кондитерской у купца Засыпкина. Его взяли «мальчиком» в лавку, благодаря своим способностям и упорству скоро стал помощником приказчика, а позже приказчиком.

В 1914 г. мобилизован и отправлен на войну, воевал в Курляндии, был писарем в штабе 24-го Финляндского полка.

В 1917 г. уехал в отпуск домой, там отец его женил, родился сын Сергей. После революции Павел вернулся в родные места, работал в уездном военкомате, получил звание техник-интендант 2-го ранга.

После трагической смерти жены вступил во второй брак по большой любви. Его вторая жена – Багаева Ирина Михайловна была сельская учительница, и жили молодожены первое время в школе.

В 1925 г. П.И.Скопин уехал на заработки на Северный Урал – г. Надеждинск (Надеждинский завод) Свердловской области. Климат не совсем подходил для здоровья детей, и в 1938 г. семья переезжает в г. Киров, там Павел Иванович становится бухгалтером на заводе «Искож».

В Казани в 1938 г. основан новый завод искусственных кож, для налаживания производства были направлены опытные специалисты из разных городов страны. П.И.Скопин – назначен главным бухгалтером завода «Искож», и в январе 1941 г. семья переезжает в Казань. Здесь пережили тяжелые испытания, которые выпали на долю всего советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Сразу после начала войны в июне 1941 г. Павел Иванович подает заявление в военкомат о добровольном призыве в действующую армию. Однако его заявление отклонили: завод выпускал оборонную продукцию, и он был нужен на производстве, здесь была его передовая, его война.

Специалисты и рабочие завода делали для фронта все, что было в их силах. Они работали по 12 часов в сутки, жили впроголодь, беспокоились о своих близких, воевавших на фронтах, горевали о потерях. Их фронтом стал завод, их передовой – рабочие места.

Крайне тяжелыми были бытовые условия, не хватало одежды, обуви, особенно продовольствия. Весной 1942 г. за территорией предприятия и возле жилых домов раскинулись огороды, на которых в свободное время работники предприятия выращивали для себя овощи, картофель.

Руководство при малейшей возможности помогало: выделяло лошадей, иногда посадочный материал.

Работники «Искожа» имели некоторое преимущество перед рабочими других предприятий: руководство иногда разрешало своим работникам выписать для себя крахмал или рыбий жир, которые на производстве использовались как техническое сырье. Из этих продуктов делали так называемую «заварушку», из крахмала с рыбьим жиром пекли лепешки, были и другие рецепты. Многим это сохранило здоровье и даже жизнь.

Семья главного бухгалтера завода жила как все: выращивали под окнами городской квартиры огород, ели «заварушку», жарили на рыбьем жире лепешки из картофельных очистков. Потеряли двух сыновей, которые умерли от «простых» детских болезней – от скарлатины и ветрянки, лечить которые во время войны было трудно.

В то же время заботились, как многие во время войны, о чужих детях, о сиротах. В 1942 г. на завод были направлены воспитанники детских домов - 14-15 летние подростки, которые должны были получить приют и рабочую профессию. Ветераны вспоминают, что серьезной проблемой было накормить сирот, разместить их на ночлег. Размещали в семьях, кормили тем, что было. В течение нескольких месяцев многие детдомовцы ели и спали прямо в цехе, на сушильных камерах. Иногда с голодухи совершали набеги на огороды рядом с заводскими цехами, однако никто не был потерян, всех выкормили, выучили, дали специальность. Бывшие детдомовцы вспоминали, что из-за малого роста они не доставали до станков, подставляли скамеечки, ящики, так и работали.

Завод искусственных кож, выпуская до войны мирную продукцию, в военное время за короткие сроки осваивает выпуск новой для себя продукции, такой как заглушки для артиллерийских орудий, «обтираторы», по размеру которых специалисты определяли изменения в вооружении наших войск, детали обуви для армии и другие изделия.

Освоение новой продукции шло быстрыми темпами. В 1942 г. завод вышел на довоенный уровень и в течение следующих лет не сдавал эти позиции. Многие рабочие и специалисты завода за самоотверженный труд были награждены правительственными наградами. Вклад тружеников предприятия в огромное всенародное дело позволило приблизить желанную победу.

Специалисты завода предлагали изобретения и новшества, которые помогали в производстве оборонной продукции. Так, главный инженер Г.И. Брен в сентябре 1941 г. предложил для изготовления кожевенного картона использовать таловое мыло вместо дефицитной канифоли, что дало большую экономию. Этот метод применялся все военные годы. Руководитель центральной заводской лаборатории П.Ф. Шикин был автором многих изобретений, позволивших сэкономить значительные средства, сырье, энергию, топливо.

Рабочие предлагали свои «изобретения», например, по технологии полагалось для прочистки печей ждать их полного охлаждения - 2 суток. Однако рабочие предложили сократить этот срок: они одевались в ватную одежду, обматывали лицо и голову толстой тканью и прочищали еще не остывшую печь, что позволило существенно выиграть время. Это было довольно опасно, но люди понимали, что это оправданный риск, который даст возможность выпустить больше военной продукции.

Свой вклад в дело победы внес и Павел Иванович. В 1944 г. он вступил в коммунистическую партию, это была честь и огромная ответственность. До конца своих дней он гордился тем, что всегда честно исполнял свои обязанности, рабочие и специалисты всегда вовремя получали зарплату, и при малейшей возможности, еще и что-то сверх нее: крахмал, рыбий жир, бракованный протирочный материал, дрова и еще многое, что во время войны было насущно необходимо всем.

За честный и самоотверженный труд Павел Иванович Скопин был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

В своей должности П.И.Скопин проработал до 1961 г. Жил он с семьей в заводском доме, жили очень скромно, воспитали двоих дочерей, дали им образование. До конца своих дней пользовался огромным уважением своих сослуживцев, соседей и знакомых.

Султанова (Шакурова) Накия Шакуровна

Родилась 22 июня 1930 г. в д.Суля Сабинского района Татарской АССР, во время войны работала в колхозе, награждена медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

Султанова Нәкия Шәкүр кызының

Сугыш йоткан балачак...

Безнең гаиләгә сугыш алдындагы чорда да жиңел булмады... Әниемне хәтерләмим, миңа дүрт яшь булганда, ул үлдә. Әтием үлгәндә, миңа жиде яшьләп иде. Без дүрт бала идек: олы абыем Ислам 1923нче елгы, уртанчы абыем Нурислам—1927нче, мин, 1930нчы, һәм кечкенә энебез Габдракип – 1934нче елгы. Әнием үлгәндә, кечкенәбезгә алты ай иде... Ул вакытта декрет яллар юк, бәби туганнан соң тиз арада эшкә чыгарга кирәк иде. Әниемә бик каты салкын тигән, дарулар да, дөваланырга мөмкинчелек тә булмаган. 3 көн дигәндә эниебез үлеп тә киткән. Әтием дә үлгәч, без ятим булып калдык,

кечкенэ энебезгэ дүрт кенэ яшь иде ул вакытта. Авылда яшэгәнгәме, э анда кешеләр бер-берсенә якынак, мәрхәмәтлерәк, без аерылмадык, бергә үстек, һәм гомумән - исән калдык. Без кечкенә булганда, безне асрамага туганай алды, ул ике улы белән яши иде. Сугыш башлангач, безнең өйдә эвакуацияләнгән яһүдләрне урнаштырдылар һәм алар, туган яклары азат ителгәнче, шунда яшәделәр. Алар ун кеше иделәр, безгә, балачагага, аларның яшәүләрен күзәтергә кызык иде, ләкин бу аларга ошамый иде, капкаларын ябып куя иделәр. Аларны да аңлап була, туган якларын калдырып киткәннәр, монда да жиңел түгел. Өйдә салкын, мичкә ягарга бернәрсә дә юк, хәтта тирә-якта урман булса да, утын юк, урларга беркем дә кыймый, ул вакытны бик каты иде. Жылырак булсын өчен, идәнгә салам жәя иделәр, ләкин ул тиз дымлана иде. Алар киткәч, без өйгә кайттык. Дымнан каралган өй бүрәнәләрен, түшәмне агартырга тырышып, бөтенбез бергә кыра-кыра юдык, ләкин бетерә алмадык. Яһүдләрдән башка, безнең авылда эвакуациядә булган латышлар яшәделәр. Алар барысы да аннан соң кайтып киттеләр, ләкин авыл зиратында 6-7 яшьлек авырып үлгән малайның кабере калды.

Сугыш башланган көнне миңа 11 яшь тулды, минем туган көнөм - 22 июндә. Ул вакытларны туган көн башка көннәрдән бернәрсә белән дә аерылмады, чөнки туган көннәренә бәйрәм итмиләр иде. Ләкин тормыш үзенчә боерды – бу көнне сугыш башланды һәм бу ике вакыйга хәзер дә икесе бергә искә төшә. Мин әле кечкенә идем, шуңа сугыш башлану хәбәрен кемнән ишеткәнәмне хәтерләмим. Авылыбыз кечкенә һәм ерак урнашкан иде. Сельсовет Крәнне авылында, бу безнең авылдан 4 км ераклыкта. Радио, телевизор юк, бөтен хәбәрләр шуннан килә иде. Шуңа күрә дә, бу көнне дә сугыш башлану турында куркыныч хәбәр Крәнне авылыннан килгәндер... Ә мин тик авыл егетләренең сугышка китүләрен генә хәтерлим. Атлы арбаларга утырып, жырлар жырлап, егетләр сугышка киттеләр, э әниләре елап калды... Безнең авылдан фронтка 54 кеше китте, шуларның 24 генә кире кайтты. Кечкенә авыл өчен бик зур фаҗига.

Минемчә, сугыш безнең илдә һәр кешенең тормышына тәэсир итте. Минем абыйларым сугышта катнашмадылар: олысын алмадылар, чөнки аның кулында өч бала булды. Кемгә безне калдырасың? Минем якын туганнарым сугышта булмасалар да, без сугышның нәрсә икәнен чын дәрәжәдә аңладык.

Сигез яшьтә мин мәктәпкә кердем. Минем агач сумкам - «портфель» бар иде, күмер белән яза идек, бер сыйныф бүлмәсендә бергә 1, 2, 3 класслар укый иделәр. Укытучыбыз үзе дә 4 сыйныф бетергән кыз бала иде. Укырга яратсам да, тырыш, башлы булсам да, нибары 4 сыйныф кына бетерергә туры килде. Башлангыч мәктәп безнең авылда иде, анда булган нәрсәне киеп йөгерә идем: бердән-бер ямаулар салынган күлмәгем, аякта чабата. Яз һәм көз чабатага, аяклар чыланмасын өчен, агач калыплар (кутәртмә) бәйләнә. Авыл буенча нәрсә киеп тә йөрөп була, ләкин 6 километр юлсыз пычрактан, кышын карданкүрше авылга йөри торган түгел иде. Мәктәпне ташларга туры килде. Башлангыч мәктәптә минем янда утырганкыз укуын дәвам итте, чөнки алар әйбәтрәк яшәде, аның эти-әнниси бар иде. Баштарак миңа әйтә иде, мин яныма кемне дә утыртмыйм, сине көтәм. Ләкин өстемә, аягыма кияргә булмаганлыктан, мин укуны дәвам итә алмадым. Ә теге кыз мәктәпне бетереп, педучилищегә укырга керде һәм укытучы булды. Әгәр мин дә мәктәптә укый алган булсам, бик зур кеше булган булыр идем кебек тоела (көлә). Нишлисең, язмышың шундый булгач, мин генә түгел, башка сугыш балаларыныкы да шундый иде... Белмим инде, өстемә кияр киемем булса да укый алыр идемме икән. Сугыш һәм ятимлек безне бик иртә олыгайтты, бик күп эшләргә туры килде. Миңа генә түгел... Бөтенебезгә дә. Кая гына без эшләмәдек! Урман кисү, утын эзерләүдә бигрәк авыр иде... Суык, температура 50 градустан түбән, аяк-куллар туңган иделәр. Агачларны башта кисеп аударырга, аннан 1м итеп туракларга һәм өяргә кирәк иде. Күз алдыгызга китерегез, 11 яшьлек кыз бала, ярым ач та түгел, ә ач, агачны сөйрәргә хәл юк, ләкин без барыбер бу эшнә эшләдек. Ник безне

кем дә жәлләмәде икән дисеңме? Ә кем жәлләсен, кемдер бит эшләргә дә тиеш иде? Бөтенесе дә минем шикелле ук – ач, хәлсез, хатын-кызлар, балалар, әби-бабайлар. Корал тота алган кеше фронтта.Ә безгә әйтә иделәр, фронтка, Жиңү өчен кирәк. Шуңа күрә дә хәл таба идек . Фермада да эшләдем: сыер саудым, асларын чистарттым, бозау карадым. Кырда – яшелчә (кишер, бәрәңге, чөгөндөр) чәчтек, чүпләрне утадык, унышны жыйдык. Сарык көтүе көттек. 12 яшьтән лобогрейка белән уныш жыйдык, ул өемнәргә өя, бу олылар өчен дә бик авыр, күтәрерлек түгел, ләкин моны да эшләргә туры килде...

Бик сирәк ял минутларында без уйный идек. Зурлар белән беррәттән эшләргә туры килсә дә, без барыбер балачага идек бит. Ябык, кечкенә, арыган булсак та уйныйсыбыз килә иде. Сезнең кебек, башка балалар кебек ук, без дә, берәр олы кеше кисәткәнче, күнелле итеп, шаярып, шаулапуйный идек. Хәтеремдә, бригадир – кыз безне оялтырга теләп: “ Эш вакытында уйнарга сезгә оят түгелме!” дигәне.Ләкин без олылар ял иткәндә генә уйный идек бит, ә эшләгәндә шаярырга безнең башыбызга дә керми иде. Кечерәк булганда, йөгереп, сикереп, ат кылыннан ясалган “туп” белән уйный идек. Үсә төшкәч, икенче төрле уеннар уйнадык. Мәсәлән: «түгәрәк уен», наза уены, түгәрәкнең үзегенә чыгып, биергә кирәк иде. Кайвакыт авылыбызга киномеханик килеп, кино күрсәтә иде. Ул бик күп авылларга берәү булганлыктан, аңа күп эшләргә туры килде, бик арий иде,шуңа күрәкинопроекторның тоткасын әйләндерсәң, түләүсез дә кертә иде.

Безгә, балачагага, төрле эшләр эшләргә туры килде, бу безнең өчен гадәти хәл иде. Бервакыт миңа Сәүдә исемле кыз белән сарык көтүе көтәргә туры килде. Кинәт бик көчле жыл күтәрелде, тирә-як каралды, давыл башланды. Хәзер дә ничек курыкканыбыз хәтеремдә, ләкин үзебез өчен генә түгел, ә сарыклар өчен дә курыктык. Якын тирәдә урман бар иде, көтүне шунда кудык.Ә сарыклар бер күчкә өелгән, безне тыңламыйлар. Тырыша торгач, урманга керттек, ә анда тагын дә куркынычрак: агачлар шатырдап

сына, ава һәм без киредән сарыкларны куып чыгара башладык. Без бик нык курыктык, чөнки нәрсә эшләргә кирәклеген белмәдек. Бу давилны ачык кырда үткәрдек. Күк күкри, яшен яшьни, каты яңгыр башланды, хәзер дә исемдә, ничек курыккан сарыклар безгә сыенганнары. Шул көе кырда басып тордак... Яңгыр шул кадәр каты иде, ике хәлсез сарыкны су агымы алып китте. Алар чирле иделәр, басып тора алмадылар.

Хәзер миңа инде 84 яшь, ә бала вакытта күргәннәр, кайберләре ачык сурәт булып, күз алдында тора. Әйткәнәмчә, сельсовет авылыбыздан берничә километрда урнашкан иде. Сугыш вакытында без анда дежур тордык һәм авылга житкерәсе берәр хәбәр килсә, без бөтен көчебезгә йөгереп, сумканы тапшырырга тиеш идек. Минемчә, анда сугышка чакыру кәгазьләре, үлү хәбәрләре, нинди дә булса боерулар булгандыр, тагын нәрсә барын төгәл белмим, иң мөһиме безгә тиз арада аны авылга житкерү иде. Авыллар арасында зират бар иде, бигрәк тә төнлә чапканда куркыныч булды. Анда сине женнәр көтеп тора шикелле, шуңа күрә, куып житмәсеннәр өчен, бар көчебезгә йөгәрә идек.

Сугыш вакытында ипидән тыш, нәрсә ашадыгыз, дип сорыйсыңмы? Кайдан булсын ипи? Минем уйлавымча, ул вакытларны без ятимнәр генә түгел, ә беркем дә ипи ашамагандыр. Сугыш вакытларында, аннан соң да, колхозларда, хужалыкларда булган уңышның шактый өлешен хокумәткә тапшырырга кирәк иде. Мөмкинчелекләре булганнар, фронтка ярдәм итәр өчен, май, йомырка, ит, йон тапшырырга тиеш иделәр. Бу продналог дип атала иде, ул һәркем өчен билгеләнде, ә ул вакытта кем авылда фронтка бармый калган – хатын-кызлар, балалар һәм әби-бабайлар. Бөтен нәрсә фронтка, бөтен нәрсә Жиңүгә – менә шулай иде. Шуңа күрә дә бик авыр иде, ачтан үлмәс өчен, ашарга яраган бөтен нәрсәне дә ашадык. Чөгендер басуында эшлэгәндә, яфракларын аерым күчләргә өеп бара идек, аннан, исемнәрне кычкырып, бүлә идек, алардан, эзрәк он кушып, ипи пешердек. Тагын ач балалык чорыннан берәмәл - мең яфрактан аш. Язын,

карлар эргәч ук, бәрәңге эзләп кырга чаба идек. Тунган бәрәңге баллы, крахмалдан гына тора иде. Таба алсаң – зур бәхет, шулай ук он кушып, ипи пешерә идек. Чын ипине мин сугыштан соң гына туйганчы ашый алдым, район үзәгендә ун күмәч (сайка) сатып алдым, өйгә кайтып житкәнче, шуларның өчесен ашап бетердем. Яңа киёмне дә сугыш беткәч кенә кия алдым. Бик озын чират басып торып, 10 метр ситца алдым һәм үземә күлмәк, тагын нәрсәдер тектем. Хәтеремдә авылдагы бер хатын 1,5 центнер бәрәңгене бер итәккә алмаштырганы. Безнең авылга Мәскәүдән берәү кайткан иде, аның киёмнәре бик күп иде, менә шул хатын бәрәңгегә алмаштырып алды да. Ләкин ул безгә килгәндә ук авыру иде инде, ахырдан үлдә.

Ничек кенә үзебезгә авыр булса да, без башкаларга да ярдәмгә килергә жай таба торган идек. Безгә еш кына күрше малае керә иде, алар бездән дә авырырак яшәделәр. Ул гел ашарга сорый иде, без булган нәрсәне аңа ашата идек. Абый шаяртып әйтә иде: “Үзең кечкенә, ә миннән күбрәк ашыйсың”. Минем яныма фермага да йөгереп килде, мин аңа бер стакан сөт бирүгә, ул аны шунда ук эчә торган иде. Үсте, хәрби булды, хәзер инде пенсиядә.

Өметсез мизгелләр булдымы, дип сорыйсың? Белмим, хәтеремдә юк, сугышка кадәр, сугыш вакытлары, сугыштан соң да балалык елларым, тормышым авыр булды. Ләкин без бит исән калдык. Куркыныч чорларны без жиңеп чыктык. Бөтен кешегә дә авыр булды, һәркемнең язмышы бер төслерәк иде. Өметсезләнергә ярамады.

Жиңүне ничек каршы алдык? Әлбәттә, шатландык, авылдашларыбызның туган якларына исән кайтуын көттек. Ә 54 китүченең 24 генә әйләнеп кайтты. Жиңүдән соң тормыш давам итте. Яшәү барыбер авыр иде. Тагын әле сугыштан соң да берничә ел авыр булды. Шуңа күрә бәхетле тормыш эзләп, күпләр авылдан киттеләр. Мәсәлән, безнең кебек. Олы абыем Казанга китте, анда яшли авырып үлдә. Икенче абыем шәһәргә курсларга укырга китте, ләкин авылга кире кайтмады. Бик озақ

еллар гаиләсе белән Мончегорск шәһәрндә яшәде һәм заводта эшләде. Пенсиягә чыккач, туган якларга якынарак итеп, Марий-Эл Республикасы Волжск шәһәрнә күченде. Берничә ел элек ул да якты дөньядан китте. Кечкенә энемне сугыштан соң ФЗУга жиберделәр, армия сафларында хезмәт итте, ә аннан соң тормыш аны Коми АССРның Сыктывкар шәһәрнә илтәп ташлады. Ул 1997нче елны үлдә..

Мин дә авылдан киттем. Авылдашыма кияүгә чыктым, башта Түбән Тагил шәһәрнә киттек, баракта яшәп, мәрмәр чыгара торган заводта эшләдек. Монда беренче олы кызым туды. Вақыт үткәч, туганнарым янына Мончегорск шәһәрнә күченеп киттек, монда улым туды. Соңыннан туган якларга кайтырга уйладык. Арчага кайтып урнаштык, ул вақытны эшчеләр поселыгы иде. Монда тагы ике балабыз булды. Гомер бие район элемтә үзәгендә телеграммалар өләштем. Ул вақытларны алар бик күп була иде. Гади телефоннар да бар кешедә дә юк иде, ә кәрәзле телефоннар күптән түгел генә барлыкка килде. Кешеләр бер-берсен бәйрәмнәр белән котлап, төрле мөһим хәбәрләрен әйтәп, телеграммалар ярдәмендә аралаша иделәр. Яшьбарган саен телеграмма өләшәп йөгерергә авырлашты, хатлар аралауга күчтем. Тырышып эшләдем. Без шулай өйрәтелгән инде. Бөтен нәрсә безгә авыр хезмәт аша бирелде. Рәхмәт, хокукәтебез бәя бирде. «Хезмәт ветераны» исемен алдым, ике мәртәбә Коммунистик хезмәт алдынгы эшчесе булдым, тылчы буларак медальләрем бар. Балаларны аякка бастырдык, алар өчен кызарырга туры килмәде. Хәзер оныкларга өмет. Безнең өлешкә төшкән авырлыкларны сезгә күрергә язмасын.

Детство, поглощенное войной...

Я родилась 22 июня 1930 года. Нашей семье легко не было и в предвоенные годы. Маму я не помню совсем, она умерла, когда мне было четыре года, когда умер папа, было около семи лет. Нас было четверо детей: самый старший брат Ислам (1923 года), брат Нурислам (1927 года), я, и

младший брат Габдракип (1934 года). Возможно благодаря, тому что мы жили в деревне, а там люди как-то ближе, роднее, сострадательнее друг к другу, мы выжили. Пока мы были маленькими, на воспитание нас взяла тетя (туганай).

В тот день, когда началась война, мне исполнилось 11 лет, мой день рождения - 22 июня. Тогда день рождения ничем не отличался от других дней, тогда, как сейчас, дни рождения не отмечались. Но жизнь распорядилась иначе – в этот день началась война и всегда две эти даты вспоминаются вместе. Так как я была еще ребенком, я не очень помню, от кого я узнала, что началась война. Деревня у нас была небольшая, расположена в глубинке. Сельсовет находился в деревне Кренни, это где-то 4 км от нашей деревни. Радио, телевизоров не было, все вести приходили оттуда. Наверное, и в этот день страшная весть о начале войны пришла из Кренни. Я помню, как уходили парни из нашей деревни на войну - на запряженных телегах, с песнями, а их матери плакали-плакали. Из нашей деревни на фронт ушло 54 человека, вернулось только 24. Страшное горе для маленькой деревушки.

Я думаю, что война повлияла на жизнь каждого человека в нашей стране. Мои братья не участвовали в войне: старшего не призвали потому, что на его руках было 3 ребенка. На кого бы мы остались? Но хоть мои близкие родственники и не были участниками войны, что такое война мы познали в полной мере.

Я пошла с 8 лет в школу. Была у меня деревянная сумка - «портфель», писали мы сажей, в классе и большие, и маленькие учились все вместе. Учительницей нашей была девушка, которая сама закончила только 4 класса. Хотя я и любила учиться, старательная была и смышленная, но закончить смогла только четыре класса. Дело в том, что начальная школа была в нашей деревне, и я туда бегала в том, что у меня было: одноединственное, стиранное-перестиранное, штопанное-перештопанное платье

и на ногах лапти. Весной и осенью к ним привязывались деревянные колодки (кутэртмэ), чтобы ноги не замочить. Во всем этом можно было ходить по деревне, но 6 километров до другой деревни по грязи, бездорожью, снегу, тем более зимой, было невозможно. Школу пришлось бросить. В начальной школе со мной рядом сидела одна девочка. Она смогла продолжить учебу дальше, они жили получше, у нее были родители. Некоторое время она мне говорила, что никому не разрешает сидеть с ней рядом, ждет меня и надеется, что я смогу ходить в школу. Но я не могла, одеться и обуться было не во что. А она закончила и ту школу, поступила в педагогическое училище и стала учительницей. Теперь кажется, что если бы я смогла учиться, могла бы стать ой каким большим человеком. Что поделаешь, такова судьба, и не только моя, многих детей войны.

Война и сиротская судьба нас рано сделала взрослыми, приходилось много работать. Не только мне...Всем. Где только мы ни работали! Очень трудно было на заготовке леса...Холодно, температура была до минус 40 градусов, руки, ноги, все промерзало, были обморожения. Деревья нужно было сначала срубить, свалить, распилить по 1м и уложить в штабели. Представьте, одиннадцатилетняя девчушка, даже не полуголодная, а голодная, сил оттащить дерево не было, но я и все другие эту работу выполняли. Почему нас никто не пожалел? А кто должен был жалеть и кто должен был работать? Все были как я - голодные и бессильные, женщины, дети и старики. Все, кто мог воевать, были на фронте. А нам говорили, что это нужно для фронта, для Победы. Вот и находились силы. Работали на ферме - коров доили, подстилку чистили, за телятами ухаживали. На поле - овощи (картошку, морковку, свеклу) сажали, пропалывали, урожай собирали. Пасли овец. С 12 лет лобогрейкой убирали урожай, он складывался в кучки, которые были очень тяжелыми, даже для взрослых, их просто невозможно было поднять, но приходилось и это делать...

В редкие перерывы между работой мы играли. Хоть и приходилось нам работать как взрослым, но мы ведь все же были детьми. Худеньким, маленьким, утомленным, нам хотелось играть. А играли мы, как и все дети, как и вы: озорно, шумно, весело, до тех пор, иногда кто-нибудь из взрослых нам делал замечание. Помню, девушка-бригадир однажды пристыдила нас: «Как вам не стыдно играть во время работы!» Но играли мы только тогда, когда взрослые отдыхали, а когда работали, нам и в голову не приходило баловаться. Когда были поменьше, бегали, прыгали, играли с «мячиком», его делали из конского волоса. Став постарше, играли уже в другие игры, например, «тугэрэкуен» («игра в кругу»), назауены, когда нужно плясать, выйдя в центр круга. Иногда к нам в деревню приезжал киномеханик и показывал фильмы. Он был один на несколько деревень, работать ему приходилось много, и он уставал, поэтому разрешал проходить бесплатно, если мы сами крутили ручку кинопроектора.

Нам, детям, приходилось выполнять любую работу, и мы воспринимали это как должное. Однажды мы с девочкой такого же возраста, как и я, звали ее Сауда, пошли пасти овец. И вдруг поднялся сильный ветер, все вокруг потемнело, начался ураган. Как сейчас помню тот страх, который мы испытали, но он был не только за себя, но и за животных. Рядом был лес, и мы решили погнать стадо туда. Овцы сбились в кучу, не слушались, а мы упорно гнали их в лес. Наконец, нам удалось сделать это. А там было еще страшнее: деревья трещали, гнулись, валились, и мы стали выгонять овец обратно. Нами двигал страх, на самом деле мы не знали, что делать. И пережидали мы ураган в открытом поле. Была гроза, молния, сильный дождь, и я отчетливо помню, как испуганные животные, сбившись в кучу, прижимались к нам, детям. Вот так и стояли в поле... Дождь был такой силы, что сильным потоком воды унесло двух слабых овечек. Они были больные и не смогли устоять.

Сельсовет находился в нескольких километрах от нашей деревни. Во время войны мы дежурили в сельсовете, и если приходила какая-то весть, которую нужно было донести до нашей деревни, мы что есть сил бежали и передавали сумку, в которой, я думаю, были и повестки, и похоронки, какие-то задания, не знаю, что могло быть там еще, нам было велено как можно быстрее передать ее в деревню. Между деревнями было кладбище, и когда приходилось бежать ночью, было особенно страшно. Казалось, что тебя там поджидает нечистая сила, и бежали мы изо всей силы, чтобы она нас не догнала.

Не только мы, сироты, не ели хлеб, наверно, его никто не ел. Во время войны и долго после неё вся полученная продукция в деревне, в колхозах и личных хозяйствах изымалась государством. Обязаны были сдавать мясо, яйца, масло, шерсть для того, чтобы помочь фронту. Все для фронта, все для Победы. Поэтому трудно было всем, ели все, что могло помочь выжить. Когда работали на свекле, листья свекольные складывали в небольшие кучи, а затем распределяли их, выкрикивая имена, чтобы было честно, а затем пекли хлеб из листьев, добавив немного муки. Вот другой рецепт голодного детства - суп из листьев тысячелистника.

Весной, как только сошел снег, бежали в поле, в надежде найти картошку. Картошка замороженная сладкая, чистый крахмал. Если находили - были счастливы, тоже добавляли немного муки (много не было) и пекли хлеб. А настоящий хлеб я вдоволь наелась после войны, купила в районном центре десять саек (булочки), и пока шла домой, три из них съела. И обновку себе смогла позволить тоже после войны. Выстояв огромную очередь, купила 10 метров ситца, и сшила себе платье и еще что-то. Да, я вспомнила, все-таки у кого-то была лишняя картошка, потому что наша односельчанка поменяла 1,5 центнера картошки на юбку. К нам в деревню приехала эвакуированная из Москвы, у нее было много одежды, вот она на картошку

и обменялась. Эта женщина умерла в нашей деревне, потому что уже приехала больная.

Как бы ни было трудно, мы еще находили возможность помогать другим. К нам прибежал соседский мальчишка, они жили еще труднее, чем мы. У него живот такой большой был, он был рахитиком. И мы ему давали поесть из того, что было. Брат шутил: «Ты маленький, а ешь больше меня». Он же прибегал на ферму ко мне, и я ему давала стаканчик молока, который он тут же выпивал. Он вырос, стал военным, сейчас уже на пенсии.

Как мы встретили Победу? Конечно, радовались, ждали возвращения односельчан в родную деревню. Вернулись только 24 из 54 ушедших. А после Победы надо было жить дальше. Ведь жизнь все равно оставалась тяжелой. Еще несколько лет после войны было очень трудно. Поэтому в поиске более счастливой доли из деревни уезжали. Старший мой брат уехал в Казань, там заболел и умер еще молодым. Другой брат уехал учиться на курсы в город, но так и не вернулся в деревню. Долгие годы жил со своей семьей и работал в городе Мончегорске на заводе, выйдя на пенсию, приехал жить поближе к родным местам, в город Волжск Республики Марий Эл. Несколько лет назад его не стало. Младшего брата после войны отправили в ФЗУ, затем он служил в Армии, а затем судьба его забросила в город Сыктывкар Коми АССР. Он умер в 1997 году.

И я уехала из деревни. Вышла замуж за односельчанина, сначала мы поехали в город Нижний Тагил, затем перебрались в город в Мончегорск. А затем мы вернулись на родину, обосновались в Арске. Всю жизнь работала в районном узле связи телеграммы разносила. Их тогда было очень много. Люди поздравляли друг друга, сообщали что-то очень важное при помощи телеграмм. С возрастом бегать с телеграммами стало сложнее, перевелась на сортировку. Работала, старалась. Ведь мы так приучены. Все в этой жизни досталось нам через тяжелый труд.

Сураков Виктор Александрович

Родился 1 августа 1937 года в с. Курбатово Горьковской области.

Все чаще вспоминаю детство

Подходя к определенному жизненному рубежу, все чаще мысли возвращают мою память в далекое военное и послевоенное детство. Мое родное село было довольно большим, более 300 дворов. Семьи были не в пример сегодняшним, по 5-8 человек. С одной стороны села находилось барское имение помещика Клодта, с другой стороны – усадьба помещика Пашкова.

В нашей семье было 8 человек детей: сестры Настя, Валя, Аня, Нина и брат Петя. Брата Петю я совсем не помню, когда мне было 2 года в 1939 году, он ушел в армию и больше не вернулся. По рассказам матери он учил меня ходить, опоясав меня ремнем под плечи, говоря: «Ну! Пошли!» Он попал на Финскую войну, где получил обморожение ног. А через полтора года началась Великая Отечественная война, где в 1942 году он был ранен и направлен в госпиталь города Вичуга Ивановской области. После госпиталя – опять на фронт. В 1943 году пришло извещение о том, что брат пропал без вести.

Мы в деревне ощущали войну, когда приходили похоронки, и матери или жены истошным громким рыданием и причитаниями оплакивали мужа или сына, держа в дрожащих руках маленькую бумажечку. Война казалась каким-то чудовищем, каждый день забиравшим людей, с каждым годом все моложе.

Мой двоюродный брат Миша Лачинов в большой деревянной бочке возил воду на ферму для коров и лошадей. Иногда он брал меня с собой, и мне это очень нравилось. В 1943 году он ушел на фронт, и вскоре на него пришла похоронка. В 1944 году погиб его брат Шура.

Огромные трудности пришлось пережить нашей маме. Только с годами мы смогли понять то, что мама была человеком большой силы воли и выдержки. С началом войны папу направили оперативным уполномоченным по борьбе с дезертирством в деревню Шарапово. Домой он приезжал один раз в неделю или в месяц. Принято считать, что с начала войны все как один встали на защиту Родины. В некоторых деревнях были люди, которые уклонялись от призыва на фронт или бежали с призывных пунктов. Как правило, они скрывались в лесах, а родственники ночью носили им продукты. Папа ловил этих дезертиров.

Домой папа приезжал в двуколке – повозке на двух колесах. Ездовым его был Павлик – подросток 16 лет, когда ему исполнилось 18 лет. Он ушел на фронт и погиб. Когда они приезжали, Павлик располагался на печке и пел песни. Работа отца была очень опасной. Дезертиры были вооружены обрезамми. Однажды папа вместе с оперативником Титовым погнались за дезертиром, который отстреливался, и они только чудом остались живы.

В августе 1942 года папу призвали на фронт, ему тогда было 47 лет. Мама плакала, и мы дети, глядя на нее, тоже плакали. Она осталась одна с пятью детьми. Самой старшей Вале было 17 лет, самой младшей Людочке – 1,5 года. Мне было 5 лет. Мы с папой простились дома. Мой двоюродный

брат Вася повез папу на лошади до станции. Мы стояли и махали, пока повозка не исчезла из вида.

Нашей кормилицей в годы войны стала корова темной масти по кличке Субботка. Благодаря молоку мы, наверное, и смогли выжить. Но болезни не обошли нас стороной. Люда и Аня заболели скарлатиной. Аня еле смогла выжить, а Людочка умерла в 1942 году.

Злые и завистливые люди были всегда. Наверное, завидовали, что у нас была корова, и мама ходила продавать молоко. Через два месяца после ухода папы кто-то поджег двор, где находилась скотина. Дом стоял рядом с двором, но ветер дул в другую сторону, и дом остался цел и невредим. Среди ночи мы услышали крик «горите» и увидели красные языки пламени. Двор сгорел полностью, но благодаря тому, что стены двора представляли собой плетень, обмазанный глиной пополам с навозом, корова пробила стену и выскочила наружу. За ней выбежали с обгоревшей шерстью теленок и овцы, которых потом зарезали на Октябрьские праздники и съели на общеколхозном обеде. Корова поправилась и еще много лет была нашей кормилицей.

Весть о нашем пожаре дошла до папиного брата, нашего дяди Павла Ивановича. Он работал вторым секретарем Горьковского Обкома партии. На следующий день он прилетел на «кукурузнике», убедился, что дом цел, мы живы, и улетел. В деревне считали, что поджег местный пьяница по прозвищу «гусенок». Хотя он маме говорил, что это не он. Соседи помогли восстановить двор.

В нашей деревне радио не было, и мы жили в неведении о том, что происходит на фронте. Редкие письма и заезжие военные привозили новости. Деревня жила своей определенной нелегкой жизнью, где вся тяжесть легла на плечи женщин, стариков и подростков, а в нашей семье на маму и сестер Валю и Аню.

По ночам, вместе с мамой, они ездили зимой ночью за 4 километра в лес на Мухину гору за дровами. Они всегда боялись попасться леснику,

который отбирал топоры, пилы, а санки топором разбивал в щепки. Однажды мама и Валя поехали за дровами. Валя поскользнулась и упала. Топор, находящийся у нее за поясом, вывернулся и разрубил ноздрю. Перепуганная мама, увидев залитое кровью лицо, подумала, что отрублен нос. Врача в деревне у нас не было и все зажило и срослось само собой, даже следа не осталось.

Голод толкал людей на незаконные поступки. Чтобы кормить корову мама с Аней ездили воровать колхозное сено. В ноябре 1943 года мама с 15-летней Аней поехали на санках за сеном в село Ройка. Они подъехали к стогу, наложили в санки сена и хотели отправиться обратно, как услышали топот конских копыт. Обернувшись, они увидели, как с горы из села мчится человек. Спасаясь от погони, сбросив сено, они побежали через речку по еле замерзшему льду. Не выдержав, лед проломился, и они оказались в ледяной воде. Сила воли и помощь свыше помогла им не только выбраться без посторонней помощи, но даже не заболеть.

Несмотря на все тяготы, не могу припомнить, чтобы поля оказались неспаханными или был не убран урожай. Все делалось вручную. В колхозе был один старенький трактор, на котором работала наша соседка Вера. От нее всегда пахло соляжкой.

Все с колхозного поля шло на фронт. Люди жили на земле впроголодь. Основной пищей была картошка, но и ее не хватало. Весной, когда только сходил снег, и земля немного подсыхала, на поля выходили взрослые и дети собирать мерзлую картошку, оставшуюся с осени. Ее не варили. В основном ее мыли и вместе с кожурой терли на терке и пекли хлеб, добавляя гречневую солому, истолченную в ступе, семена лебеды и в лучшем случае отруби. Такой хлеб представлял собой клеклую массу.

Настоящий чисто ржаной хлеб мы с сестрой Ниной попробовали после войны. Папа привозил его из районного центра. Он был такой ароматный и

вкусный, что мы его делили на маленькие кусочки и ели с чаем. Мы мечтали, что когда-нибудь будем есть его сколько хотим.

С весны по осень в лесу мы собрали все, что можно было есть: полевой хвощ, который в деревне называли «кукушки»; в низинках собирали дикий лук; в оврагах – стебли дикой редьки, кудрявчики. Летом собирали и сушили ежевику, а осенью – шиповник. Это все кладезь витаминов, может, поэтому в такое голодное и тяжелое время мы почти не болели.

В годы войны судьба забросила в наше село несколько семей из блокадного Ленинграда и Ельни. Их селили на квартирах и в опустевших домах. В соседнем с нами доме поселили семью Кравченко из Ленинграда - мать Валя и трое детей Вета, Павлик и Саша. Вета подружилась с Ниночкой, а я с мальчишками. Все во время войны питались в основном самодельным хлебом и картошкой, но у нас было свое молоко и куры, поэтому мы жили более или менее нормально. Эвакуированные жили очень тяжело, но что они пережили во время блокады, даже словами передать трудно. Часто утром в холодную морозную зиму мама обнаруживала во дворе замерзших куриц и как бы трудно мы не жили, мама их выбрасывала. Она говорила, что их есть очень вредно и можно заболеть. Тетя Валя Кравченко каждый раз просила таких куриц отдать ей, они их варили и ели. Вскоре к ним приехал их отец и скрылся. За ним даже приезжала милиция. Все говорили, что он дезертир. В 1944 году от скарлатины умер сначала Павлик, а потом Саша. Тетя Валя и Вета остались совсем одни. Сразу после войны они вернулись в Ленинград. Ниночка вместе с мужем через 25 лет нашли их и навестили в Ленинграде. Но встреча прошла холодно. Наверное, потому что они вспомнили, что в нашей деревне разрушилась вся их семья.

Если зимой мы могли побездельничать, то летом мы работали каждый день. Мы с Ниной летом «били» кизяки из коровьего навоза, который после очистки двора выбрасывали на улицу, за зиму его скапливалась огромное количество, которое летом надо все «перебить». Норму мы устанавливали

себе сами – 50 штук до обеда и 50 после обеда. Трудно себе сегодня представить детей, которые как мы голыми руками без брезгливости брали навоз и укладывали его в форму. Внутри кучи он был до того горяч, что обжигал руки, а мы положив его в станок, поливали холодной колодезной водой и утапывали ногами. Это делать больше было некому, так как мама с Аней уходили на работу убирать рожь и на ток убирать обмолоченное зерно.

Именно за этим занятием и застал нас папа, когда вернулся домой. Жарким августовским днем 1945 года мы с Ниночкой после обеда приступили к своим обязанностям. В четвертом часу прибежала соседка Филичева Нина и крикнула нам: «Бросайте все, идите встречайте, там по комиссаровой дороге дядя Саша идет». Мы наскоро помыли руки и не побежали к нему навстречу, а остолбенев, стояли и смотрели на дорогу. Так много родных и близких людей погибло, что даже не верилось, что отец вернулся. Он шел по дороге в гимнастерке, шинель в скатку на плече, солдатский вещмешок и на боку на ремне зеленая фляжка. Весть о возвращении отца долетела до поля, где мама с Аней косили рожь, и они как на крыльях понеслись домой. Мама обнимала отца и плакала. Может это были слезы радости, может горести о том, что неизвестно, где остался навечно лежать ее 22-летний сын Петенька.

Тимергалиева Флера Саетгараевна

Родилась 15 января 1938 г. в с. Тябердино-Челны Рыбно-Слободского района Татарской АССР, отец погиб в 1943 г.

Тимергалиева Флера Саетгараевна родилась за три года до начала Великой Отечественной войны. Она не знала бомбёжек и оккупации. Однако, находясь в тылу, будучи ребёнком перенесла тяжесть тех лет наравне со взрослыми, испытав голод, труд, бедность, скорбь утрат и долгожданную радость победы. Её рассказ о себе прост, но очень красноречив.

«Мой отец, Сафиуллин Саетгарай Сафиуллинович, до войны работал сотрудником милиции в Казани. Я помню его не очень хорошо, потому что его забрали на войну когда мне было 4 года, в 1942 году. В моей памяти осталось лишь одно, как отец, посадив меня на колени, готовил рыбу. Когда его забрали на войну, мама осталась с шестью детьми. Жизнь была трудной: не было еды и одежды. В июне 1943 года пришло известие о гибели отца, он похоронен под Москвой в городе Ржев.

В связи со смертью кормильца на войне и из-за того, что мы были семьей красноармейца, государство нам выдавало пайки и одежду. Чтобы облегчить жизнь себе и нам, моя мама вопреки уговорам своей сестры решила переехать в деревню. Вынужденный шаг объяснялся одним —

надеждой на то, что личный огород позволит пережить трудные времена голода.

Переселились в Верхние Шитцы Сабинского района. Мне тогда было 6 лет. Все равно и после этого было нелегко. Могу сказать, что жизнь в деревне оказалась труднее, чем рассчитывала мама, труднее, чем в городе. При том, что деньги платили, в семью получавшиеся средства почти не поступали. На материальном благосостоянии неблагоприятно сказывались ежегодно проводившиеся займы в пользу государства для нужд войны. На принудительную покупку государственных облигаций в год как минимум тратился месячный оклад. К тому же сокращались приусадебные участки, и в итоге огород с трудом мог обеспечить семью элементарными продуктами. Зачастую государство просило, а по сути, обязывало сдавать в пользу заготовок даже те виды сельхозпродукции, которые люди не производили в своем хозяйстве.

Моя мама, целый день, потрудившись в поле, вечерами вязала носки, варежки, готовила посылки для бойцов нашей армии. Ели суп из крапивы и, если повезет, очищенную гнилую картошку. Обувки не было, поэтому, чтобы ходить на работу, делали лапти из липы. На их изготовление уходило около месяца, а изнашивались они за неделю. Серьезной проблемой становилась заготовка дров на зиму. Чтобы их экономить, несколько семей на зиму размещались в одном доме, а некоторые переселялись в бани, на отопление которых требовалось меньше дров.

Потом я пошла учиться. Помню, как в школе нам давали пряники, и мы с братом продавали их. За те деньги, которые удавалось выручить, покупали картошку. В итоге, закончить школу так и не получилось. Не было возможности: жизнь диктовала свои правила, пришлось работать в колхозе. Когда взрослые жали лён, мы, дети, занимались тем, что собирали в мешочки колоски, чтобы ни один колосок не затерялся.

После войны жизнь начала потихоньку налаживаться. Однако и в послевоенные годы в деревнях не было техники, лошадей, семян, кормов. На полях нередко можно было встретить запряженных быков.

В 1958 году я вышла замуж за Тимергалиева Низаметдина Тимергалиевича. Вместе мы прожили 49 лет, вырастили троих сыновей. Я очень довольна сегодняшним днем. Лишь бы никогда больше не было войны...»

Тухватуллина Наиля Сибэгатуловна

Родилась 30 декабря 1940 г., во время войны проживала с семьей в п. Атна Татарской АССР

«...Все, что помню о войне - когда вернулся папа с фронта...»

Я решила написать про мою бабушку Наилю Тухватуллину родившуюся в 1940 году в поселке Атна, которая войну пережила в раннем возрасте, и помнит ее плохо, но война отразилась на ее жизни и жизни ее семьи. Записано со слов моей бабушки.

В моей семье к тому времени, когда я родилась, был еще один ребенок – мой брат Наиль. В доме с моими родителями, Сибэгатом и Гарифой, еще жила бабушка Хаенисе.

Самые мои ранние воспоминания: как мы помогали работать в огороде. Большое количество времени сами родители проводили в колхозе, в то время как я с братом следила за домом.

Воспоминания, связанные с войной, - это момент, когда вернулся папа. Я еще тогда сказала, что теперь мама будет спать не со мной, а с папой. На что мне бабушка ответила: «Что ты такое говоришь, мой сын вернулся! Теперь со мной будешь спать».

Дом был маленький: один этаж без перегородок, одна большая комната. С одной стороны печки стоял стол, на котором мы готовили, в остальной части комнаты стояла кровать - там спали родители, но одно время там спала бабушка, а так как я была любимой внучкой, часто спала с ней. Остальные спали на полу, мама спала тоже на кровати, когда рождались мои братики и сестренки.

В доме печку отапливали сеном, так как лесов рядом с поселком не было. Баню топили дровами, которые покупали на рынке. А сено приходилось воровать из колхоза. Это делали ночью: мама тащила тележку, а мы с братом толкали сзади - потом, когда брат вырос, он заменил маму. Папа после войны с нами не воровал, потому что он был в плену у немцев, и если бы его поймали за этим, то обязательно посадили бы в тюрьму.

Отцу, после плена, было тяжело, ведь он пробыл там 4 года. Он не любил рассказывать про войну, а мы и не спрашивали. Мой дядя, брат папы, тоже воевал и погиб в 1943 году. И вообще мало мужчин вернулось. Деревня была большая, и на каждой улице по 40-50 домов, но на ней после войны жило по 4-6 мужчин. Таких, как отец, бывших пленных, не любили и всегда давали только самую тяжелую работу. Папа, как и мама, работал в колхозе, но не на поле, где на одного человека полагалось 2 гектара земли, которую они обработали - он ездил рубить лес. Деньги не платили, только выдавали еду: морковь, капусту, свеклу, пшеницу, рожь. Чтобы были деньги, мы продавали то, что выращивали в огороде, а также молоко и сметану. У нас был скот, и нам было легче, ведь у многих его не было.

В 7 лет пошла в школу, многие оставались на второй год, а некоторые во время войны не могли учиться, и получалось, что в классе были те, кто старше меня на пару лет. Я тоже один раз оставалась на второй год в 6 классе, потому что мама заболела, и бабушка была при смерти. Я дома была за старшую и не успевала учиться.

В школе мы тоже работали в колхозе. Весной на складах готовились к посадке, осенью - сбор урожая и часто бывало, что мы этим занимались в учебное время.

После 4 класса отправили работать на комбайне. Работали с 3 часов утра до 11 часов вечера. После 5 и 6 классов поставили на работу по взвешиванию из-за хороших оценок по математике, работала до 9 часов вечера, утром сдавали с пяти часов накладные по прошлому дню. После 6 класса работала в овощеводческом колхозе. А после 7 класса перед семьей поставили выбор: или отца в тюрьму, или отправить меня работать в доярки, и не разрешили продолжать учиться. До этого также после 7 класса на пилораму отправили работать брата.

Моим сестренкам и братишке повезло больше. Илхамья родилась в 1946 году и отучилась в техникуме после 7 классов школы. Халима 1950 года рождения закончила 10 классов школы. И самый младший в семье Равиль, который родился в 1952 году, закончил школу и поступил в педагогический институт на учителя физкультуры.

Через несколько лет после школы я переехала в Казань к брату.

Форманюк (Попова) Римма Константиновна

Родилась 27 декабря 1923 г. в г. Белинск Пензенской области, войну с семье пережила в г. Казани, работала в госпитале, аптеке, рыла окопы, заготавливала дрова под Казанью, всю войну была донором. Ветеран труда, награждена медалью "За победу над Германией".

Юность, опаленная войной...

Римма Константиновна родилась в городе Белинск Пензенской области. В семье было только четверо: мама, папа, брат и Римма.

В 1930 г. семья переезжает в Казань, поселились в маленьком полуподвальном помещении, тесновато было, но выносимо. Отец устроился в ЖАКХТ (современный ЖКХ) и семье выдали комнату побольше. Во дворе отец держал свинью. Он по всему двору собирал очистки, мыл, варил и давал это свинье. Потом, когда она подрастет, делал из нее окорок, так что мясо было. Отец еще одно время на базаре покупал за дешево овечьи головы, солил их в большой бочке, и как варить, так сразу вытаскивал одну и в похлебку.

В 1937 году нашу семью потрясла страшная трагедия. Отец был репрессирован по 10-й статье как враг народа и сослан в Сибирь. До сих пор

не известно, за что он был арестован и осужден, ведь работал простым стрелочником на железнодорожном вокзале. Уже через много лет спустя, после этого страшного события, дети пытались узнать, что с ним стало потом, и кто на него донес. Стало известно, что в 1941 г. отец - Попов Константин Иванович умер в 1941 в лагере, то ли от болезни, то ли просто палками забили.

В 1941 году объявили по радио, что началась война. Немцы без всякого предупреждения напали нашу страну. К этому времени семья жила в Казани втроем: мама, Римма и брат. Мама работала на железной дороге, и ей предложили льготный билет на три места в любую точку страны. Римма уговаривала мать переехать в Краснодар к родственникам, в теплые края. Но она отказала, сказав, что Финская война длилась 11 дней, и эта будет не дольше, так что ничего, переживем. Римма была уверена, что мы победим, ведь наша армия самая сильная и могущественная в мире. Так считали все, никто не ожидал, что она затянется на страшные и изнуряющие 5 лет. В Казани остались не зря – в короткое время немцы оккупировали Краснодар, так что нашим родственникам пришлось очень туго.

С началом войны в городе объявили «затемнение» - никакого света ночью, если видели огни – стреляли прямо по людям. Никто не церемонился, время такое было. Молодежь дежурила на крыше, смотрели, если упадет зажигательное оружие с самолета, то его сразу тушили. Школу взяли под госпиталь и Римма помогала медсестрам: стирала бинты, ухаживала за ранеными солдатами, разговаривала с ними. Столько ужасов наслушалась, что страшно даже о них вспоминать.

Длинные часовые очереди за хлебом, нехватка товаров первой необходимости вплоть до спичек. Зимой, конечно, было еще труднее. Хлеб давали очень мало 400 грамм в сутки, и то только работающим, ученикам и детям по 200-250 г. Младший брат рос и ему нужно было питаться хорошо. Чтобы как-то прокормиться, Римма сдавала кровь. За это платили неплохие

деньги и раз в месяц кормили полноценным обедом. Обед состоял из двух сторон обжаренной картофельной котлеты и кружки киселя. Это было настоящим блаженством, счастьем – хотя бы раз в месяц почувствовать себя сытым. Была донором всю войну.

Мама старалась прокормить детей как могла. Жили на колхозном рынке, туда издалека привозили картошку. Но был такой лютый мороз в 41-43 градуса, что вся картошка промерзала в дороге так, что ей можно было забивать гвозди. Мама покупала ее подешевле и готовила. Римма окончила школу и пошла работать в аптеку, это давало возможность покупать по рецепту рыбий жир, на нем жарили картошку. Мать вышивала узоры на кофточках. Война войной, а девушкам всегда хотелось выглядеть красиво. Так девчата, как пряники, разбирали эти изделия.

Еды толком, конечно же, не было, на вокзале была комната для матери и ребенка, для тех, кто с грудничками проезжали мимо Казани. В этой комнате кормили заварушками - это жидкость из муки грубого помола, которую сбивали с водой и добавляли каплю подсолнечного масла и лука для вкуса. Этим детей и кормили. Мама как железнодорожница могла покупать эту смесь и приносила домой. Вкусно было.

Во время войны как-то не до игр было, старались больше на работе сделать, чтобы помочь фронтовикам. До войны в лапту играли. Это игра была похожа на наш современный волейбол, только мяч отбивали друг другу битами. С того времени как отца забрали, больше ни во что не играли: не до этого стало.

Во время войны в 1942 году Римма поступила в КГУ на геофак. Полгода проучилась и бросила. Трудно было голодно, холодно, да и математика девушке не давалась. Пошла работать. Сначала регистратором на железной дороге, потом в поликлинике, позже окончила курсы бухгалтеров в системе МВД и ее отправили работать в колонию №1. Проработала там 3 года, а потом ушла, страшно там было. Идешь на работу, а тебе навстречу

огромные железные ворота с замком, которые встречают тебя с ужасающим скрежетом. В ушах до сих пор раздается этот металлический тяжелый звон. От каждой работы посылали девушку то на окопы, то на заготовку дров под Казанью. Один страх, чего только не терпели.

Римма Константиновна вспоминает: «В Арском районе мы заготавливали и укладывали дрова в машину, а там поезд проезжал с солдатами в Челябинск. Так парни схватили меня и потащили в вагон, ладно женщины тут стояли, отбили. Еще одно воспоминание: послали нас на заготовку дров под Казанью и поселили в татарскую семью. Я по-татарски не понимаю, они никогда русскую речь не слышали. Хозяйка сварит картошку в казане и меня зовет, мол, иди кушать, а я и рада. В деревне жили еще хуже, чем в городе, хлеба не видели. Я привезу булку, детишки увидят и просят, а я никак не могу отказать. Так и делились: они мне картошку, я им - хлеб.

Жизнь во время войны была однообразная, напряженная, серая, лишь книги мне помогали не впасть в отчаяние. Много я в то время прочитала. Как сейчас помню: утро, окно выходит на колхозный рынок, солнце, деревянный дом, жара, открытое настежь окно, прикрытое шторкой. Я сижу на коленках и читаю. Мимо меня с шумом, криком пробегает группа мальчишек лет 6-8-ми, а потом резко все затихает. Я настороженно прислушиваюсь: кто-то шепчет «Давай украдем», и прямо перед моим лицом один отодвигает шторку. Мы встретились взглядом, тот в секунду посмотрел, а потом они быстро убежали. Я так испугалась, я была одна дома, и в случае если бы они решились залезть, никто бы не смог мне помочь.

Так как мать работала на железной дороге, у нее было ряд привилегий: железнодорожникам раздавали землю под огород на территории бывшего пляжа Локомотив, который сейчас затоплен. Вроде бы должно быть хорошо, появилась земля, а сажать-то нечего. Маме знакомый насыпал в ладонь горсть семян свеклы. Урожай на плодородной почве вырос быстро. Свекла

вышла сладкая-сладкая. Мама ее натрет, добавит немного муки и делает оладьи. На всю жизнь запомнила этот вкус. В том году у моей подруги была свадьба, и мы поехали отмечать. Стол накрыт, как полагается: скатерть, тарелки, и вижу пироги стоят с повидлом, я так обрадовалась, уже и забыла каково оно на вкус, пробую, а это свекла. Ничего, тоже хорошо было.

Дни проходили в работе, каждый день – за три. Молодость давала силы, мало о чем думала, толком горевать было не о ком, мама рядом была. Никогда старалась не отчаиваться. Только тяжело было слушать по радио, что наши отступают. Каждый раз все дальше и дальше на Восток. Краснодар забрали, Ленинград в блокаде, остановились лишь на Волге, под Сталинградом наши пошли в контрнаступление.

По радио уже меньше звучала ужасающая фраза «наши войска выравнивают линию фронта», которая любому была понятна, что наша армия терпит поражение.

Наконец настал долгожданный 1945 год. Утром 9 мая объявили, что Германия подписала капитуляцию и война завершилась. Сколько было счастья, безграничной радости, весь народ пошел на улицу Баумана. Кругом играет музыка, люди танцуют, смеются, обнимаются, все мы стали родными и близкими в этот день. Смотрю, мне идет навстречу женщина и рыдает - в самом конце войны чуть ли не последняя пуля убила ее мужа. Жалко ее, а что сделаешь, война никого не щадила. После этого настали мирные будни, жизнь потихоньку стала налаживаться.

После войны Римма вышла замуж за фронтовика В. Форманюка, прожила с ним в согласии долгие годы. Воспитали детей, внуков.

Хайрутдинов Фатих Бурганович

Родился 11 февраля 1932 года в деревне Старый Студенец Буинского района ТАССР, работал в колхозе.

Я помню войну

Моя семья была крестьянская. Мать и отец работали в колхозе. В семье было четверо детей. Когда началась война, отца забрали на фронт. А я с первых дней войны работал в колхозе. Мы вместе с другими детьми помогали взрослым убирать урожай, до первых морозов ходили по полям и собирали колоски, чтобы хоть как-то помочь фронту.

С самого детства я помогал матери, так как я был вторым ребенком в семье, и кроме меня и старшей сестры были младший брат и сестренка. Приходилось учиться все делать самому: научился запрягать лошадь, пахал вместе с матерью в поле. Каждый день мы все ждали весточки от отца с фронта.

Практически все, делившиеся своими воспоминаниями, обращают внимание на то, что немцы считали себя хозяевами, а все население должно было им беспрекословно подчиняться. А детская память

избирательна, помнится только самое яркое и хорошее и несмотря на военное время нам также хотелось оставаться детьми, но война сделала нас взрослыми.

В августе 1944 года случилась беда, сгорел дом, и пришлось ютиться большой семьей у родственников и соседей. Затем своими силами и с помощью колхоза построили новый дом. Так всю войну, как тысячи наших людей я приближал победу своим детским трудом. Вместе с Победой в дом пришла и радость, вернулся отец.

День Победы запомнился ярким событием - все жители бежали со своими ложками на приготовленный обед для всей деревни, где впервые за долгие годы вволю наелись и взрослые, и дети. Но радость продлилась недолго, ранения, полученные на фронте, дали о себе знать, и отец умер. По достижению 18-ти лет я ушел служить в ряды Советской Армии, служил три года. После армии вернулся в родную деревню и начал работать в колхозе. В 1954 году познакомился со своей будущей женой, сыграли свадьбу и жили в деревне. В 1956 поехали мы в молодой, только строящийся и развивающийся город Альметьевск. Приехав в город, я помогал строить и облагораживать его. Все это время, пока шло строительство, жили в бараках. Несмотря на трудности вместе с женой вырастили и воспитали троих детей, одного сына и двух дочерей, которые являются достойными продолжателями рода.

На сегодняшний день у меня шестеро внуков и четыре правнука.

Хакимов Фаиль Хаметвалиевич

Родился 9 мая 1942 года в деревне Чув. Ялтань Чистопольского района ТАССР, отец погиб на фронте в 1943 г.

Я никогда не видел своего отца...

Он не видел войны, но здесь, в тылу, испытал голод и холод, узнал все трудности и сложности военных и послевоенных лет: «Я никогда не видел своего отца, Хакимова Хаметвали Исмагиловича. В 1941 году его призвали на фронт рядовым. Местом его службы стал 898 Краковский полк 245 стрелковой дивизии. Погиб он 23 февраля 1943 года в Новгородской области у села Петровское Демянского района в звании ст. сержанта. Но ещё до смерти через письма «треуголки» от жены он узнал, что 9 мая 1942 года у него родились двойняшки, я и моя сестра.

В нашей многодетной семье мы, я с сестрой, стали пятым и шестым. Маме было очень тяжело одной воспитывать шестерых детей, так как помощи ждать было не от кого. Старшую сестру и брата, достигших 15 лет, насильно отправили в Киргизию для работы на торфяниках и в шахтах. Там они жили и работали до 1957 года.

Питались мы крайне скудно. Раньше довольствие выдавалось по карточкам. Однажды мама, получив карточки и отоварив их, принесла в дом 16 кг. муки. Оставив драгоценное приобретение на полу, она быстро собралась на работу и ушла. Я и сестра остались дома одни. Мы стали играть и разбросали эту муку по комнате. Полы в то время были деревянные с щелями, вся мука через них высыпалась под пол. Соответственно, вся семья осталась без хлеба и еды на целый месяц.

В 1945 году нас постигло еще одно несчастье, обвалился потолок нашего дома, и мы остались без крова. Первую зиму нас приютили дальние родственники. Летом следующего года старший брат прадедушки помог нам купить дом. По моим воспоминаниям, стоил он тогда 600 рублей.

Послевоенные годы стали не менее тяжелым испытанием. Еды и одежды практически не было. Весной по огородам выкапывали гнилую картошку. Кто первый её находил, тому она и доставалась. Из этой картошки мама пекла лепешки. Суп варили из лебеды и крапивы. Впроголодь жила вся деревня, поэтому даже этой травы на всех не хватало. Когда ничего не оставалось, мы ходили по знакомым попрошайничали. Люди в то время были более сплоченными, единым целым, поэтому делились последним куском хлеба.

Война заставила нас очень быстро повзрослеть. Ради еды мы соглашались на любую работу, поэтому мы с более взрослыми ребятами добровольно выполняли тяжелую работу: копали огороды, работали в колхозе, выносили бревна из леса, с поля на колымагах вывозили снопы.

Во втором классе, перед тем как пойти в школу, рано утром я ходил в лес за хворостом, чтобы натопить избу. Было очень темно и страшно. После школы также приходилось отправляться в поле собирать для сбора остатков соломы, которой и разжигали печь.

Моя мама, Хакимова Хажар Загидулловна, чтобы прокормить семью работала разнорабочей в колхозе, в дальнейшем трудилась дояркой. Затем ее

назначили исполнителем в сельсовет. В её обязанности входило: растопка печи, созыв жителей деревни, уборка помещений сельсовета. Иногда, пока она выполняла домашнюю работу, мне приходилось её замещать. В один из таких дней, оставшись за неё дежурить, я задремал у печи, прислонив ноги к дверце печки, тем самым расплавил один валенок. В доме эти валенки предназначались для трёх человек, но, несмотря на это, мама меня не ругала. В 1957 году мама вышла на пенсию.

Все эти картинки до сих пор в моей памяти, и эти воспоминания очень болезненны не только для меня, но и для всех, кто прошёл и прожил эту войну.

Храмова (Жураковская) Зинаида Николаевна

Родилась 13 октября 1929 г. в с. Красный Завод Боготольского района Красноярского края, там семья пережила войну, работала в колхозе, помогала в госпитале.

«Мы гордимся солдатами, защитившими нашу землю...»

Родилась я в 1929 году в сибирском селе Красный Завод, Красноярского края. Село - 500 домов и один репродуктор на стене клуба. О событиях в селе и стране узнавали по длинному (до получаса) гудку завода. Кто-то бежал к клубу, особенно мы – дети и слушали сообщения: умер Киров, Орджоникидзе и т.д. Народ простой, многие безграмотные, но искренне переживали, обсуждали, жалели - это же наше правительство.

В нашей семье пятеро детей и все девочки: 1923 года, 1925 года, 1927 года, 1929 года и 1936 года рождения.

Отец получил на производстве травму, не вставал с постели, мама работала одна, а ночами и в выходные стирала у начальства завода белье, ухаживала за больными престарелыми их родителями, всегда работала, или вернее, подрабатывала у богатых. Мы – четверо девочек учились: валенки

были не у всех. Одни с утра учились, другие с обеда – ждали, когда вернутся девочки и принесут валенки.

Когда мы подросли, и за нами стали мальчишки ухаживать, то более обеспеченные матери мальчишек говорили: «Хорошие девчонки Жураковские, работающие, но уж больно бедные».

Но все выучились. Старшая – медсестра. Другие – продавец и бухгалтер. Я – педагог. Старшая сестра Елизавета, медсестра, была призвана в 1944 году в армию, но на фронт западный не доехали, а их отправили на Восток, когда началась война с Японией. После возвращения, с тремя подругами, заболели туберкулезом. Лечить тогда было нечем. Вскоре все они умерли. Младшая сестра тоже заболела туберкулезом и умерла, учась в 7 классе.

Начало войны помню очень хорошо. Мы все во дворе, день солнечный, радостный. Средняя сестра Мария выстирала белый берет и натягивает его на тарелку, чтобы рубчик остался, когда высохнет (это было очень модно, белые тапочки, мелом начищенные, и белый берет), собиралась вечером на танцы в клуб. Вдруг длинный гудок, все насторожились, выбежали на улицу, а уже народ бежит и кричит – война, война! У сестры из рук выпала тарелка с беретом и разбилась. Мы все заплакали и вбежали к отцу в избу. Он нас успокаивал, что все равно мы победим врага, но умирать уж очень не хотел, т.к. хотелось дожить до победы. Но в декабре он умер, заверив нас, что скоро война закончится, т.к. Советский Союз – сильная страна.

Село наше расположено на берегу реки Чулым (это приток реки Оби), сразу стали готовить госпиталь – соединили пионерский лагерь и Дом отдыха, они рядом расположены.

Задача детей была слушать последние известия и по улицам «разносить» по людям, взрослые, кто мог, приходили сами слушать, а кто не мог приходить, мы сообщали им.

Организовывали агитбригады, выступали во дворах в школе, клубе. Устраивали концерты на злободневные темы. Здесь и Гитлеру доставалось, и начальству завода.

Потом, в первую же военную зиму, в нашем селе проходили сборы ребят, которых готовили на фронт, их учили всем премудростям побеждать врага. Мы очень гордились нашими солдатами, когда они участвовали в битве за Москву. Многие тогда получили «похоронки» о гибели своих близких и родственников. У нас погиб дядя (главный инженер завода), двоюродный брат и мужья у двух двоюродных сестер.

Начинался учебный год с октября, т.к. помогали убирать урожай. Хотя взрослые в нашей семье работали на производстве, но каждый должен был в колхозе (на другой стороне реки) сжать серпом сколько-то соток пшеницы или ржи, связать в снопы. Вот нам и приходилось маму подменять. Нас, школьников привлекали копать картофель, колоски собирать, турнепс убирать.

Выпускали «Боевой листок» с девизом «Убирайте урожай, хорошо и быстро. Знай, что каждое зерно – пуля по фашисту!». В госпитале помогали ухаживать за больными, давали концерты и писали письма, кто не мог сам писать. Много раненных было жителей других республик, плохо знавших русский язык, переводила им вся палата с шутками и смехом. Нас больные очень ждали, молодые подпевали, а старшие плакали, глядя на нас, вспоминая свои семьи.

В школе работали кружки, мы вязали перчатки с двумя пальцами (для стрельбы), носки. Посылки отправляли на фронт.

Начиная с восьмого класса, нас, учеников, направляли в военные лагеря. Мальчишек готовили воевать, девочек обучали медицине. Но стрелять из винтовки и пулемета девочек тоже учили. Дополнительно глубже изучали немецкий язык.

Когда смотрю фильмы о войне, то всегда плачу и диву даюсь, ну как же трудно достался мир, в котором мы живем. А как пришлось нашим мамам, бабушкам и детям много трудиться. Сколько пришлось моей маме и нам, девчонкам спилить деревьев, выкорчевывать пни, чтобы на этом участке посадить картошку. Ужас!!! Поэтому и не голодали так, как в городах.

Самый желанный длинный гудок завода, который известил о Победе. Вот показывают фильмы о Победе - это так. Все бегут, радуются, кричат и плачут. Эти воспоминания со мной всегда....

Скоро будем отмечать 70-летие Победы Великой Отечественной войны, а я до сих пор смотрю фильмы о войне с болью и слезами на глазах.

Мы, дети войны, никогда не забудем то страшное время! Поэтому пусть страшное слово «война» никогда не коснется поколения, живущее ныне. Обращаюсь ко всем: цените каждый год, прожитый в мире, согласия и любви!

Хузин Фирдус Тимершинович

Родился 2 мая 1938 г. в деревне Старый Курдым Татышлинского района Башкирской АССР.

"Помню, что постоянно хотелось есть..."

Мои родители, как и большинство людей того времени, работали в колхозе. Когда началась Великая Отечественная война, мне было 3 года. Отца мобилизовали на фронт вместе с его братом в январе 1942 года и отправили под Сталинград. На построение они с дядей встали рядом, чтобы попасть в один отряд, но их разделили не по шеренгам, а по колоннам и они расстались. Боеприпасов на всех не хватало, отцу выдали патроны и на четверых человек одну винтовку, сказали: «Возьмете у погибших». Через несколько месяцев они попали в окружение.

Домой пришло сообщение о том, что отец пропал без вести. Мать в отчаянии обратилась к женщине-ясновидящей узнать, жив он или нет. Та сказала, что видит, как он где-то ходит, живой.

Мать на целый день уходила на работу, мы с братьями и сестрами вели домашнее хозяйство. Весной она и другие женщины пешком за 45 км ходили на железнодорожную станцию Куеда Пермской области и тащили на себе

семена злаковых на посевную для колхоза. Им выдавали по 1 столовой ложке муки в день, чтобы они не обессилили от голода, мать же заворачивала в кончик передника, завязывала узелком, приносила домой и варила из нее бульон и кормила нас. Эти тяжелые дни из жизни женщин нашей деревни легли в основу произведения известного башкирского писателя – нашего односельчанина Ангама Атнабаева «В распутицу».

Работали все вместе и взрослые, и дети с весны до глубокой осени в поле. Вставали с петухами и ложились затемно. Посевная, прополка, сенокос, заготовка дров, сбор урожая. От голода спасались благодаря картошке и наличию коровы. Огород вспахивали тоже с помощью коровы. Картошку сажали и на соседские огороды, у многих не было семян для посадки, и огороды пустовали. Чтобы как-то прокормиться, собирали лебеду и другие съедобные растения. Многие сверстники умерли от голода и истощения.

Мне с малых лет пришлось освоить работу на лошади, ведь я был еще маленький и сам тяжестей таскать не мог. Возил молоко из стойла на маслозавод, подвозил доярок на утреннюю и вечернюю дойки. После 7 класса ушел из школы и начал работать. Одежда была ветхая, заработка хватало только на еду. Выращивали лен и коноплю, сами обрабатывали и ткали из них полотно. Затем шили одежду. Изготавливали и обжигали из глины кирпичи для кладки печи. Зимними вечерами женщины пряли шерсть и вязали теплые носки для фронтовиков. Старшая сестра в 15 лет поехала работать на строительство железных дорог, потом работала на торфяниках. Брат поступил учиться на ФЗУ и работал на заводе УралМаш в г. Свердловске. Отец вернулся с войны только в 1952 году и скоро умер.

Среднюю школу я окончил только в 1971 году, к этому времени у меня уже было две дочери. В 1974 родилась третья.

К сожалению, Фирдус Тимершинович погиб в 1993 году в результате несчастного случая. Но при жизни делился воспоминаниями из детства с супругой и дочерьми.

Хусаинова (Садреева) Рашида Садреевна

Родилась 2 января 1939 года в деревне Малый Атмас Рыбно-Слободского района Татарской АССР, отец погиб на войне.

Не забывайте никогда ...

О начале войны мы узнали от отца Шакирова Садри, когда он приехал из райцентра. Люди ничего даже не подозревали. Не думали даже, что начнётся война. Мама, Гульзагифа работала в поле. Как мне потом рассказали, я в этот день играла на улице с соседскими ребятами. Отец тогда работал агрономом. Так как в этот день бригадир уехал в город, он собрал всех и объявил, что началась война. Спустя два месяца после начала войны отца призвали в Красную Армию. Как нам потом рассказали, отец мог и не пойти на войну, так как был агрономом в двух деревнях. Но он не захотел остаться и ушёл. Мама плакала, братья тоже, одна я не до конца всё понимала. Мы проводили отца. Он сел на баржу. И мы долго махали руками, пока баржа не скрылась за туманом. Тогда было утро.

После начала войны наша жизнь очень сильно изменилась. Мама целыми днями была на работе. Братья так же работали. Я одна целыми днями сидела дома. Было холодно. Вскоре началась нехватка хлеба, так как всё

отправляли на фронт. Чтобы не умереть с голода, зимой питались растениями, которые собирали летом. Сушили крапиву, в лесу собирали разные съедобные травы, а зимой из них варили суп, варили и гнилой картофель. Он был невкусным, но голод заставлял нас есть и это. Лакомством для нас был хлеб, хоть и засохший, или покрытый плесенью, но мы ели его с большим удовольствием. Хлеб видели раз в два месяца. Старший брат приносил его, из-за Камы из Чистополя. А то что было у нас в районе, всё это продовольствие отправляли на фронт. Помню даже, что у отца была лошадь, выданная с места работы, её вскоре отправили на фронт.

Мне запомнился один случай, когда мне было шесть лет, я вырезала кусок материи из маминого платья. И сшила для себя куклу. Все думали, что когда мама придёт с работы, мне влетит за это. Но когда она пришла, она меня не ругала. Прижала к себе, погладила по голове и сказала: «Доченька, доченька». Мама по ночам шила платья для соседских девочек. Вскоре и меня научила этому. По соседству была семья, которая состояла из одних девочек. Их мать тоже целыми днями была на работе. Поэтому братья помогали им по хозяйству. По вечерам друг к другу ходили в гости, вместе ели, бывало, даже ночевали у нас. Что такое праздник, даже не знали. Как праздник для нас было, когда брат привозил хлеб. По ночам волки не давали нам покоя. Несколько раз залезали в сарай и душили овец.

Отец писал на письма с фронта. Сначала писал, что они отступают. После он начал писать, о том, как погнали врага назад с нашей территории. В своих письмах он спрашивал о нас, о соседях, справляемся ли с хозяйством, даже спрашивал про собачку Акбая, которого осенью растерзали волки. В письмах писал нам, чтобы мы не отчаивались, чтобы мы были сильными!

В апреле 1943 года отец в первый раз получает ранение и попадает в казанский госпиталь. Вместе с матерью брат Зухрутдин едут в Казань, чтобы навестить отца. В начале 1944 года отца ранили во второй раз. Узнав об этом,

мама решила поехать в казанский госпиталь. Но к тому времени отец поправился и ушёл на фронт. Как рассказали медсёстры, отец рвался на войну. Всем, кто лежал с ним в госпитале, он говорил, что наши войска погнажи врага назад, что мы победим! Даже в госпитале отец не терял боевые навыки, обучал многих бойцов. Многие удивлялись его сильному духу и вере в победу.

И после выписки мы больше не получали от него писем. И вот 1945 год, 9 мая объявили, что Великая Отечественная война окончена. Мама ходила на вокзал, искала среди возвратившихся. И только через две недели пришло известие, что наш отец погиб в 1944 году в марте в Украине. Был захоронен в Хмельницкой области, село Мицковиц.

После войны мы так же продолжали работать. Мама начинает сильно болеть, причиной стало то, что старшего брата в 1953 году призвали на военную службу. Мама очень сильно боялась, что опять начнётся война, и она потеряет сына. На следующий год призвали и Фахрутдина. Брата Равиля в 18 лет взяли на работу в управление. Он очень хорошо учился. После Равиль сильно заболел и в 1954 году скончался от пневмонии. Мне вновь пришлось приостановить обучение в школе. Когда братья пришли из армии, мама поправилась. И я, наконец, закончила 6-7 классы.

Теперь я хотела бы пожелать молодому поколению, чтобы они не видели тех бед, которые мы перенесли, чтобы они не знали, что такое война!! И чтобы они не забывали про тех, кто воевал, кто погибал!!!

Оглавление

Вступительное слово Р.К. Низамова.....	3
Вступительное слово С.И. Никоновой.....	5
Вступительное слово Б.К. Кузнецова.....	7
Дорога на Берлин	
Адиева Сания Сабировна.....	10
Васильев Иван Харитонович	13
Гайфуллин Шайхулла Гайфуллович.....	15
Дубровин Евгений Давыдович.....	17
Зажицкий Бронислав Николаевич.....	21
Камаев Федор Петрович.....	28
Морозова Пелагея (Полина) Григорьевна.....	35
Мухаметзянов Маулетдин Мухаметзянович.....	38
Фарукшина Накия Фарукшовна.....	42
Хатипов Шаукат Хатипович.....	44
Шуравин Константин Матвеевич.....	46
Военная история моей семьи.....	50
Все для фронта, все для Победы!	
Аверьянов Василий Игнатъевич.....	58
Бусыгин Юрий Александрович.....	61
Венкова (Колякина) Валентина Павловна.....	64
Гаврилова Евдокия Егоровна.....	68
Гадильшина (Бадягина) Валентина Григорьевна.....	71
Горник Григорий Лазаревич.....	74
Евсеева (Арсентьева) Мария Алексеевна.....	79
Зиганшин Завит Исмагилович.....	83
Зитонова (Мартынова) Валентина Андреевна.....	87
Иванов Анатолий Александрович.....	92
Игнатьева Нина Егоровна.....	96
Малясова Лидия Алексеевна.....	100
Минахметов Камиль Гусманович.....	105
Мингазова Марзия Кадировна.....	108
Модин Геннадий Константинович.....	115
Мокеева (Поздеева) Римма Петровна.....	121
Насретдинова Насима Закиевна.....	126
Прохорова Таисия Кирилловна.....	129
Скопин Павел Иванович.....	133
Султанова (Шакурова) Накия Шакуровна.....	138
Сураков Виктор Александрович.....	150
Тимергалиева Флера Саетгараевна.....	156
Тухватуллина Наиля Сибатуллоевна.....	159
Форманюк (Попова) Римма Константиновна.....	162
Хайрутдинов Фатих Бурганович.....	167
Хакимов Фаиль Хаметвалиевич.....	169
Храмова (Жураковская) Зинаида Николаевна.....	172
Хузин Фирдус Тимершинович.....	176
Хусаинова (Садреева) Рашида Садреевна.....	178

Мы сурового времени дети...

Воспоминания о Великой Отечественной войне

Ответственный редактор и автор-составитель

С.И.Никонова

Макет обложки *Д.Данилова и М.М.Хабибуллин*

Издательство

Казанского государственного архитектурно-строительного
университета

Подписано в печать

Формат 60x84/16

Заказ №

Печать ризографическая

Усл.-печ. л.

Тираж 100 экз.

Бумага офсетная № 1

Усл.-изд.л.

Отпечатано в полиграфическом секторе

Издательство КГАСУ

420043, Казань, ул.Зеленая, 1